

Алексей Букалов
«Берег дальный»

Handwritten text in Cyrillic script, likely a manuscript or a collection of notes. The text is written in a cursive style and includes various words and phrases, some of which are crossed out or underlined. A red number '69' is written in the middle of the page. The text is partially obscured by the title box above it.

Алексей Букалов

**«Берег дальний». Из
зарубежной Пушкинианы**

«Алетейя»

Букалов А. М.

«Берег дальний». Из зарубежной Пушкинианы / А. М. Букалов —
«Алетейя»,

ISBN 978-5-90670-505-1

Биография Пушкина за минувшие века детально изучена исследователями, чего не скажешь о «пушкинской географии», которая является темой книги. Мечта уносит поэта в тот дальний край, «где неба своды сияет в блеске голубом, где тень олив легла на воды», но царь не отпускает его за границу. С этого бесспорного факта начинается удивительное путешествие Пушкина по Италии и Африке в компании с поэтом и его провожатым, автором этой книги. Алексей Букалов – итальянист, африканист, историк, глава бюро ИТАР-ТАСС в Риме.

ISBN 978-5-90670-505-1

© Букалов А. М.

© Алетейя

Содержание

Чувство неизъяснимое	5
Маршрут первый	9
«Il mal di Africa»	9
Часть первая	12
Горячий ветер пустыни	12
Вместо пролога	12
«Потаенна, сафьянная тетрадь»	13
«Свет мой, зеркальце, скажи»	15
«Под небом Африки моей»	30
«Арапов черный рой»	34
«Все волновало нежный ум»	40
«Вперед, вперед, моя история!»	48
«Что в имени тебе моем?»	58
«Чтоб эпитафии разбирать»	59
«Даль свободного романа»	61
Часть вторая	64
«За что арапа своего»	64
«Строитель чудотворный»	83
«Стрелецкий сын»	87
«Коренной русский барин»	92
«Наталья, боярская дочь»	96
«Учитель танцев»	100
«Заморская обезьяна»	105
«Нежный призрак»	108
«Свет-Екимовна»	111
«Женихи ей поклонились»	114
«Тихий кабинет»	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Алексей Букалов «Берег дальний» Из зарубежной Пушкинианы

Чувство неизъяснимое

«...Для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене без всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей... Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды...»

Пушкин улыбнулся, наверно, когда пришло ему в голову прицепить мочало не куда-нибудь, – к оконечности Африки, да еще с таким манящим именем.

Кажется, это последняя помета на пушкинской карте Африки, вообще – на *Пушкинской географической карте*. Дата окончания «Капитанской дочки»: «19 окт. 1836». Жить Пушкину оставалось три месяца десять дней.

Об *Африке моей* он объявил еще в первой главе «Евгения Онегина», мечтая о побеге из «сумрачной России» (о которой будет, однако, «вздыхать»). «Маню ветрила кораблей», – а в мечтах «Италия золотая» и (может быть, несколько иронически) «Африка моя». Впрочем, в первом издании романа в стихах к этим словам вовсе не ироническое примечание: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского...» Молодой поэт, ставший уже первым поэтом России, объявляет читателям, миру о своем *африканстве*.

Строфа о побеге открывается строкой: «Придет ли час моей свободы?»

Свободы физически передвигаться в пространстве он так и не дожидается.

Пушкин всю жизнь – *невыездной*. Куда ни просился у царя – в Италию, во Францию (в Китай тоже просился), – отказ. В Полтаву захотел – и в Полтаву не пустили. Даже на поездку из Петербурга в Москву требовалось разрешение.

На Кавказский театр войны, в 1829 году, он уехал, не спросясь. («Из этого выйдет, что после первого же случая ему будет назначено место пребывания».)

В «Путешествии в Арзрум» читаем: «Перед нами блистала речка, через которую мы должны были переправиться. «Вот и Арапчай», – сказал мне казак. Арапчай! Наша граница! Это стоило Арабата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня нечто таинственное, с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван, я всё еще находился в России».

Но поэзия не знает государственных границ и не останавливает коня на завоеванной территории.

В Болдинской глуши счастливой осенью 1830 года воображение уносит Пушкина в средневековую Германию, в Вену 18-го столетия, в чумной Лондон 1660-х годов, в вечный Мадрид Дон-Гуана. А за окном – «избушек ряд убогий, за ними чернозем, равнины скат отлогий, над ними серых туч густая полоса»...

Тремя годами позже там же, в Болдине, он обрывает стихотворный *отрывок* «Осень» недописанной строфой-строкой: «Плывет... Куда ж нам плыть?..» Корабль Поэзии замер вознесенный на гребень волны: Вдохновение, Творчество обращены в бесконечность.

Но поначалу, в черновой рукописи «Осени» – пробы продолжения. Пушкин намечает географию своих раздумий: «Египет колоссальный», Эллада, Италия (:»тень Везувия»), «скупая Лапландия», «младая Америка», «скалы дикие Шотландии печальной», «Швейцарии ландшафт пирамидальный» (но тут же – Кавказ, Молдавия и... губерния Псковская).

Болдинской осенью 1833-го вместе с «Историей пугачевского бунта» (только что, с высочайшего дозволения, проехал по местам восстания – побывал на Волге, на Урале, в Оренбурге) пишутся две самые *петербургские* повести – в стихах и в прозе: «Медный всадник» и «Пиковая дама», и тут же поэма «Анджело» на тему драмы Шекспира «Мера за меру» – действие пьесы (соответственно, поэмы) разворачивается «в одном из городов Италии счастливой».

Мечту Пушкина об Италии Анна Андреевна Ахматова назвала «заветнейшей и любимейшей мечтой его жизни».

Стихотворение «Для берегов отчизны дальней» Пушкин пишет опять-таки в деревне. Последние числа ноября (по-нынешнему уже декабрь), а заветная мечта уносит его в тот дальний край, «где неба своды // Сияют в блеске голубом, // Где тень олив легла на воды»... Одна строка, единственная подробность, – но такой достоверной, такой поэтической Италии, как эта, угаданная воображением Пушкина и запечатленная одной строкой, единственной подробностью, в русской поэзии, кажется, больше и не было. «Тень олив»...

В «Береге дальнем» объединены под общей обложкой и общим названием две широко известные и любимые читателем книги Алексея Букалова – «Пушкинская Италия» и «Пушкинская Африка». Обе книги, хотя и вобрали в себя обширный материал, накопленный и обдуманый прежними исследователями, явились новым словом в пушкиноведении, стали по своему основополагающими в том его разделе, который можно обозначить, как *Пушкинская география*.

Эта география чаще всего (оно и понятно) ведет свои поиски в местах, хранящих память живого, физического присутствия Пушкина. Москва и Петербург, Молдавия, Крым, Кавказ, Одесса, Оренбург, губернии Псковская и Тверская... – здесь, похоже, определена каждая верста, отмеченная пребыванием Поэта, как в творчестве его высмотрены едва ли не всякая строка, не всякое слово, до этих – пушкинских – мест относящиеся.

«У каждого есть своя тропинка к Пушкину, а у вас целых две – африканская и итальянская...» – благословил нашего автора академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Тропинки, по которым ходит Алексей Букалов, не исхожены. Он работает на территориях, где Пушкину «живьем» бывать не приходилось, но где, как убеждаемся, читая книги Алексея Букалова, присутствие Пушкина до ощутимого живо.

«Пушкин в Италии никогда не был. Сей бесспорный факт, казалось бы, должен с ходу перечеркнуть весь замысел этой книги...», – начинает Алексей Букалов «Пушкинскую Италию», начинает для того, чтобы всей своей книгой «опровергнуть это мнение и показать удивительную прочность и гармоничность видимых и невидимых нитей, связавших великого русского поэта с “прекрасным далеко”, с Италией». Он совершает прогулку с Пушкиным, и не только по Риму, не только по иным городам и областям «Авзонии счастливой», но и по итальянской книжной полке Поэта, по итальянскому лексикону, хранимому в памяти Поэта и тут, там являющего себя в его сочинениях, по свидетельствам современников и воспоминаниям мемуаристов, И где бы ни оказался с любимым своим героем, всюду, как истинный *чичероне*, дополняет основной рассказ попутно приходящими на ум сведениями, суждениями, наблюдениями. Сказать же Алексею Букалову есть *что*, знания его разносторонни и разнообразны: история, этнография, экономика, литература, пластические искусства – и к тому же дней минувших анекдоты, «от Ромула (вот уж поистине!) до наших дней» (автор наш – человек

ума живого, подвижного, в лучшем смысле слова – веселого, в чем читателю, по мере знакомства с книгой, предстоит убедиться).

Замысел книг, широта взгляда, глубина освоения материала, подступы к нему отмечены профессиональной подготовкой и опытом автора: Алексей Букалов – итальянист, африканист, журналист, политолог, историк. И – *пушкинист*. Как-то повелось, говоря о нем, поначалу именовать его профессии, определенные дипломом и пожизненной деятельностью, но, если взглянуть из будущего, у которого своя шкала ценностей, следует наверно, совершить перестановку в «служебном списке», перенести *пушкиниста* на первое место.

Идея совместного издания обеих книг необыкновенно удачна. «Пушкинская Африка» и «Пушкинская Италия» сообща смотрятся по-своему органически цельной *дилогией*. Как бы сама собой разумеющаяся возможность такого объединения тем более привлекательна, что у каждой из книг собственное «лица необщее выражение». Типологическое сходство в постановке темы не исключает существенного различия в ее решении. Общность замысла не исключает разнонаправленного движения мысли при его воплощении.

«Пушкинская Италия» – собрание эссе («собрание пестрых глав», если угодно), увлекательных, разнообразных, подчас неожиданных, объединенных в целое (цельное) сопряжением в них двух пространств – пространства духовного мира Пушкина, которое, при том, что физической, материальной встречи Поэта с прекрасной страной его заветнейшей мечты не произошло, полнится Италией, и пространства Италии, которое, как убеждает нас автор, полнится Пушкиным.

«Пушкинская Италия» – это образ Италии, какой она является в воображении и раздумьях Пушкина, темы и образы итальянской поэзии, перевоплощенные в его творениях, пронесенный через всю жизнь пристрастный интерес к «звучкам италианским», к «языку Петрарки и любви»; но это также и любовное внимание к личности нашего Поэта, к его жизни и созданиям в «стране высоких вдохновений» – *итальянская пушкиниана*, возможность которой основана на том, что «творчество этого славянского латинянина имеет такой же европейский характер, как творчество Гете или Моцарта» (Томас Манн).

Обширность и разнообразие материала «Пушкинской Африки» нисколько не уступают тому богатству, которое находим под переплетом «Пушкинской Италии». Но материал в книге, не столько по воле автора, сколько в силу внутренней необходимости, строится иначе, чем в «Пушкинской Италии», или, может быть, *иначе строит* книгу.

В «Пушкинской Африке» имеется некая точка сосредоточения материала – *фокус*, где весь материал собирается, сквозь который он проходит, из которого исходит: нечто подобное тому, что совершается со световым потоком, на пути которого поставлено увеличительное стекло. Этот фокус – Роман о Царском Арапе («Арап Петра Великого», как называли текст уже после смерти Пушкина первые публикаторы). Алексей Букалов открывает нам, как в этом фокусе собирается, сосредоточивается *африканское* (оно же – *негритянское, арапское*) начало (назовем это так), каким оно существовало в российской истории и легенде, менталитете, культуре, как оно в них преломляется, пресуществляется, чтобы затем, обретя новые черты и краски, устремиться в будущее, отозваться ярким, неожиданным лучом в ином времени и ином пространстве, у Дягилева или Мейерхольда, у Ахматовой или Пастернака...

Роман о царском арапе – не только важнейший этап в творчестве Пушкина, по сути, начало пушкинской прозы. Роман этот – важнейший этап пушкинского *мифотворчества*, этап в осознании себя и в создании того образа, в котором он хотел бы явиться современникам и потомкам. Речь, по слову Ю.М. Лотмана (имеется в виду вообще творчество Поэта), о «стремлении Пушкина создать себе в литературе *вторую биографию*, которая служила бы в глазах читателей связующим контекстом для его произведений».

Африканский миф в жизни, творчестве, судьбе Пушкина нечто совсем иное, чем миф итальянский. Осваивая Италию, овладевая ею, Пушкин, – конечно же, *по-своему*, гениально, неповторимо, – занимался *общим* делом с иными соотечественниками, предшественниками и современниками, введившими Италию в российский обиход, участвовал в общей разработке целого пласта русской культуры. Африка для Пушкина нечто совершенно *свое*, ни с кем не делимое, – не только сфера притяжения, область интересов и творческих занятий, но часть его Я. Другого такого африканца в культурной истории России не было.

Пушкину нужна была для его мифа, для его жизни и искусства эта отвечающая легенде «африканская кровь», он чувствовал ее в своих жилах и, творчески возводя образ предка, от которого эту «кровь» получил, как бы «легитимировал» ее. Когда он просил брата посоветовать Рылееву «в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку» («Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы»), он, конечно же, сознает и собственную сугубую особость, которую придает африканское начало его личности, и без того обособляемой его гением, в многолюдстве общественного и литературного мира. Эту необычную особость Пушкина, создаваемую его *африканством*, замечательно убедительно, опираясь на документы, устные и письменные свидетельства, обнаруживает Алексей Букалов.

«В один из февральских дней 1974 года наш маленький автомобильный «караван» медленно продвигался всё дальше и дальше на север Эфиопии, – начинает он «Пушкинскую Африку». – Судя по карте, мы уже пересекли пятнадцатую параллель, а стало быть еле заметный ручей под мостом – река Марреб. Остановились у большой акации на развилке дорог. Было тихо, солнце клонилось к закату, тени стали длиннее, и высокие горы на горизонте покрылись легкой дымкой... Здесь, на границе с Эритреей, воздух тоже, казалось, был пропитан не пылью, а самой историей...»

Алексею Букалову, переправившемуся через реку Марреб, посчастливилось больше, чем Пушкину с Арапчаем. Перед ним раскинулась территория, еще не завоеванная, которую предстояло ему открывать, исследовать, наносить на карту.

«Дальние загадочные страны», – берет он эпитафией, начиная свое дальнейшее и долгое путешествие. «Дальние загадочные страны», составляющие предмет *Пушкинской географии*, не очерчены границами, потому что безгранично воображение Поэта; их история не скреплена хронологией, потому что мысль Поэта не стеснена временными пределами, а Слово его по-своему отзывается в новых поколениях.

Об этом путешествии рассказывает Алексей Букалов в книге «Берег дальний».

Владимир Порудоминский

Маршрут первый **Африка**

Моей маме, лучшему в мире детскому доктору, посвящается

«Il mal di Africa» **От автора**

Эта книга призвана рассказать не столько об А.П. Ганнибале, «гениальном предке гениального поэта» (определение Натана Эйдельмана), сколько о значении этого родства для психологии творчества и мировоззрения самого Пушкина.

Судьба так распорядилась, что автор, итальянист по образованию, после окончания института десять лет проработал в Восточной Африке, где тогда еще помнили итальянский – язык бывших колонизаторов. И как большинство европейцев, не смог не влюбиться в этот удивительный материк. Альберто Моравиа даже придумал имя такому наваждению: «Il mal di Africa» – «Заболеть Африкой», как назвал его писатель в последней книге о путешествиях по Черному континенту (1987). Сейчас, пытаясь понять это чувство очарования и привязанности, я нашел еще одно объяснение, для меня – важнейшее. Африка подарила России предка ее величайшего поэта, и уже за одно это следует испытывать признательность «ветрам степей африканских», забросившим на наши просторы пушкинского черного прадеда.

Знаю, что был не одинок в этом восприятии Африки «через Пушкина», у меня были столь блестящие предшественники, как Николай Степанович Гумилев, совершивший три путешествия на Африканский Рог и оставивший нам не только «абиссинские и сомалийские» стихи, полные грусти и экзотической прелести, но и интереснейшие дневники, лишь недавно обнаруженные. Поэт побывал на предполагаемой родине Ганнибала, первым сфотографировал молодого раса Тафари (будущего императора Эфиопии Хайле Селассие) и привез в Петербург коллекцию предметов африканского быта, не потерявшую и сейчас, спустя почти век, своего научного значения.

Есть Музей этнографии в городе этом
Над широкой, как Нил, многоводной Невой,
В час, когда я устану быть только поэтом,
Ничего не найду я желанней его.

Я хожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда-то я сам издалека привез,
Чуют запах их странный, родной и зловещий,
Запах ладана, шерсти звериной и роз.

* * *

Предлагаемая читателю литературоведческая работа образует вторую часть дилогии «Иноземный Пушкин». Первая книга называется Пушкинская Италия, она написана в Риме и вышла в 2004 году в петербургском издательстве «Алетейя». (Сейчас при университете Три-

еста готовится ее новое издание, исправленное и дополненное.) Пушкинская Африка продолжает тему и представляет собой расширенный и переработанный вариант моей же монографии Роман о царском арапе. Очерки истории одного пушкинского шедевра. (Москва, «Прометей», 1990.)

Идея серии «географических» работ о Пушкине принадлежала академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Он всегда поощрял новые подходы в пушкинских исследованиях, требуя, разумеется, тщательности и точности. В 1982 году в академическом санатории «Узкое», на окраине Москвы, я брал у него интервью для журнала «В мире книг», где тогда работал. «У каждого есть своя тропинка к Пушкину, а у вас целых две – африканская и итальянская, – сказал он, когда официальная беседа закончилась. – Смело по ним идите, не рискуя наступить кому-нибудь на ногу: пушкинисты этого не любят». И устроил мне незабываемую импровизированную экскурсию по старинной усадьбе санатория, помнившей многих именитых постояльцев.

Пушкина у нас почитают все, и «Царский арап» разошелся очень быстро, возможно, благодаря впервые опубликованным в этой книге замечательным рисункам Павла Бунина. Незадолго до своей смерти Д.С. Лихачев порекомендовал переиздать монографию и даже написал короткое, но очень лестное для меня предисловие. Позволю себе процитировать его отзыв: «Книга Алексея Букалова “Роман о Царском арапе” вызвала к себе очень широкий интерес, (“художественное исследование” – я бы так определил его, но это не совсем точно), по подходу к теме, по тому, что в центре ее Пушкин, его незаконченное произведение... Я всецело присоединяюсь к высоким отзывам об этой книге профессиональных пушкинистов, и прежде всего “строгую” С.А. Фомичева, а от себя скажу, что читал ее с увлечением. Это исследование, внимательное к мелочам, вместе с тем написано с широких позиций африканиста и русиста одновременно». И подписался официально: *«Председатель Пушкинской юбилейной комиссии академик Дм. Лихачев».*

Мне вообще повезло, и я многим обязан творческим подсказкам Дмитрия Сергеевича. Однажды, услышав от меня рассказ о плачевном состоянии бывшей усадьбы М.А. Ганнибал в подмосковном сельце Захарове, где в детские годы бывал Пушкин, Лихачев разволновался и посоветовал срочно запечатлеть для потомков все, что осталось, «пока окончательно не разрушили». Так вышел в свет набор слайдов «Пушкинское Захарово» с моей сопроводительной брошюрой¹.

А в Париже, совершенно независимо от этого замысла, профессор Е.Г. Эткинд работал над материалами по теме «Пушкинская Франция». Мы говорили с ним об этом труде в Милане, у нашего общего друга Ю.А. Добровольской. К сожалению, Ефим Григорьевич не успел свою книгу закончить. Но замысел этот все же получил свое воплощение – в издательстве «Алетейя» вышла прекрасная книга известного пушкиниста Ларисы Ильиничны Вольперт «Пушкинская Франция» (СПб., 2007, 576 с.)

За полтора десятилетия, прошедшие после выхода в свет моих очерков «Роман о царском арапе», отечественная пушкинистика, освободившись от идеологических пут, шагнула далеко, в том числе и в познании биографии поэта и его родословной. Российскому читателю стали доступны не только оригинальные работы Владимира Набокова и других представителей русского зарубежья, но и новые открытия последних лет, в том числе пришедшие из Африки, с родины пушкинского прадеда.

Библиография «ганнибалиады» сегодня уже насчитывает сотню названий, многие из них читатель встретит на страницах предлагаемой книги. Назову здесь с благодарностью лишь некоторых авторов, из трудов которых мы сумели узнать о пушкинском предке то, что не успел

---

¹ Москва, Диафильм, 1986, см. также: Букалов А.М. Сентиментальное путешествие в Захарово // В мире книг, 1981. № 9. С. 71–74. Справедливости ради, отмечу, что сейчас в Захарове восстановлен господский дом и создан музей.

для себя выяснить сам поэт: В. Набоков, В. Ходасевич, Б. Модзалевский, М. Вегнер, Н. Лернер, М. Лонгинов, М. Хмыров, Д. Анучин, С. Опатович, Д. Благой, И. Файнберг, С. Фомичев, Н. Эйдельман, В. Листов, М. Сергеев, Г. Леец, Н. Телетова, В. Старк, А. Бессонова и, наконец, камерунский ученый Д. Гнамманку.

Хочу с признательностью вспомнить здесь моего трагически погибшего друга Сергея Дубова, журналиста и книголюба, первого издателя этих очерков.

* * *

Habent sua fata libelli – Пушкин любил этот ставший поговоркой стих римского писателя Теренциана Мавра – «книги имеют свою судьбу».

Но что такое судьба книги? Это история ее замысла и рождения, ее написания, публикации, это ее путь к читателю, ее путешествие во времени. Судьбы писателя и книги тесно связаны. В книге отражается личность и жизнь писателя, а сама эта жизнь во многом зависит от судьбы книги – детища писателя. Поэтому часто судьба книги становится судьбой писателя – в глазах современников и в представлении потомков.

Судьба книги – это не просто ее издательская, типографская история. Книги имеют еще и общественные, читательские судьбы» историю своего восприятия.

Судьба книги – это судьбы ее героев, они «прорастают» – в других книгах. Это не только цензурные перипетии, иллюстрации, инсценировки и экранизации. Это и отражение книги, пусть даже неоконченной или при жизни автора неопубликованной, на судьбе писателя. Незавершенный – не значит несовершенный. Оказывается, и незавершенные книги имеют свою судьбу. Счастливую или несчастную? Несчастную – потому что им не повезло, они остались недописанными, брошенными созданиями. Это книги-«сироты», иногда даже книги-«подкидыши». Счастливую, прежде всего, потому что они остаются *вечной загадкой*, годами, иногда веками додумываются, мысленно завершаются читателями.

Счастливую – еще и потому что с годами многие из них возвратились к жизни, нашли дорогу к читателю. Рассыпанные в рукописных листах, запертые в письменном столе автора, они излучают невидимую энергию, множеством ярких искр разбрасываются драгоценными вкраплениями по разным книгам писателя, отражаются в книгах других авторов.

Вот почему разговор о судьбе незавершенной книги вполне правомерен, когда речь идет о шедевре, оказавшем громадное влияние на судьбы русской исторической прозы, отечественной литературы в целом.

Мы говорим о судьбе книги и подразумеваем ее роль в творческой эволюции писателя. Это совершенно оправданный и даже необходимый разговор, когда речь идет об одном из самых заветных, задушевных творений гения.

Пушкин торопился, как будто знал, чувствовал, что мало времени ему отпущено судьбой. И мы давно уже не разделяем его произведения на законченные и незавершенные. И не перестаем удивляться этим последним – сколько законченности в их незавершенности!

Роман о царском арапе так и остался «недостроенным замком» пушкинской фантазии. Мы мысленно пройдемся по его этажам, по старинным залам, спустимся в подвалы и заглянем в каморки, поднимемся на башни. С их высоты открываются захватывающие дали...

Часть первая

Тень африканского предка

Горячий ветер пустыни

Вместо пролога

Далекie загадочные страны...
Николай Гумилев

В один из февральских дней 1974 года наш маленький автомобильный «караван» медленно продвигался все дальше и дальше на север Эфиопии. Судя по карте, мы уже пересекли пятнадцатую параллель, и, стало быть, еле заметный ручей под мостом, – река Марерб. Остановились у большой акации на развилке дорог. Было тихо, солнце клонилось к закату, тени стали длиннее, и высокие горы на горизонте покрылись легкой дымкой. Позади осталась бывшая эфиопская столица Гондар, с круглыми башнями средневекового замка императоров из династии Фасилидэсов. Здесь, на границе с Эритреей, воздух тоже, казалось, был пропитан не пылью, а самой историей.

Не по этим ли камням пятнадцать столетий назад брели под крики погонщиков вереницы рабов – строителей дворцов и загадочных стел древнего Аксумского царства? А в конце XIX века где-то совсем рядом, за тем холмом, грохотала великая битва: в 1896 году вооруженные лишь стрелами и кремневыми ружьями войска эфиопского негуса Менелика II наголову разбили при Адуа мощную армию итальянских завоевателей... За двести лет до славной битвы по этой же дороге от селения Лого вдоль берега мелководного и мутного Мареба турецкие янычары гнали в рабство горстку эфиопских детей – «аманатов», заложников. Гнали до самого Красного моря, в беломазанный и глинобитный портовый город Массауа, город мечетей и соляных копей. Среди мальчишек мог быть маленький Абреха, младший сын Бахар Негаша, правителя приморской провинции Абиссинии... Здесь начинался долгий и дальний путь по дорогам мира, который предстояло пройти одному из выдающихся африканцев XVIII века, будущему сподвижнику Петра I и главному «фортификатору» России генералу Абраму Петровичу Ганнибалу – прадеду Александра Сергеевича Пушкина. Здесь разыгрались первые сцены великой драмы его жизни.

Не случайно Ю.Н. Тынянов задумал открыть свою трилогию о Пушкине романом «Ганнибалы» (1932). И кажется, начало вступления к роману относится именно к этому эфиопскому перекрестку: «Дело идет на этот раз о Хабеше, старой Абиссинии, о самом севере ее, стране Тигрэ, где люди говорят на языке тигринья, о той горной части Тигрэ, которая называется: страна Хамасен. В этой земле Хама-сен есть река Марерб, у самой реки стояло – быть может, стоит еще и теперь – дерево сикомора, которое арабы зовут: даро. Ветки его сто лет назад протягивались на тридцать шесть метров; купол дерева покрывал круг в шестьсот метров. В тени его отдыхали войска хамитов в тысячу пятьсот человек и больше. На верхних ветках сидели голуби, золотистые, абиссинские. Двести лет назад, если идти из Хабеша в турецкую Массову, непременно нужно было пройти мимо этого дерева. Тогда голуби провожали человека разговором. Дело идет о человеке, абиссинце, который не своей волей прошел мимо этого

дерева – его вели в турецкую неволю. Разговор идет о старой Турции, которая в XVII и XVIII веках не менее важна для Европы, чем Россия, а для России не менее важна, чем Европа»².

Тынянов из далекой России угадал, увидел этот абиссинский перекресток, услышал шелест крыльев и воркование золотистых голубей. Потому что в полете фантазии он следовал за самим Пушкиным, который всю жизнь зачарованно вглядывался в «земли полуденной волшебные края» и воссоздавал в своем воображении удивительную и полную сказочных приключений судьбу черного предка.

Фигура эта не давала Пушкину покоя, просилась на бумагу. Наконец все продумано до мельчайших деталей. Как в волшебном фонаре возникали яркие, почти лубочные картины событий XVIII века – того, который Пушкин считал своим по праву рождения.

Михайловское. Приближался пир его фантазии. Бессонные ночи над фолиантами Петровских хроник, прогулки по тенистым аллеям старого Ганнибалова парка. И вот пробил час – побежали, помчались легкие строки, закрипело перо. Их встреча состоялась.

Был негр ему истинным сыном,
Так истинным правнуком – ты
Останешься. Заговор равных.
И вот, не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух³.

«Потаенна, сафьянная тетрадь»

*Как мог унизиться до прозы
Венчанный Музою поэт...*

А.С. Пушкин (II, 247)

Счастливая мысль – вести дневник – пришла Алексею Николаевичу Вульффу весной 1827 года, после окончания Дерптского университета. Человек умный и наблюдательный, Вульф отразил в дневнике с предельной хронологической аккуратностью свои встречи и беседы со многими знакомыми, в том числе – с опальным другом и соседом Александром Пушкиным. «Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать, – вспоминал потом Пушкин их знакомство. – Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной проверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял...» («Заметка о холере», 1831; XII, 308). Давние приятели вновь встретились, когда Пушкин (уже не изгнанником!) провел часть лета и осень в Михайловском.

16 сентября 1827 года Вульфф записал:

«По шаткому крыльцу взошел я в ветхую хижину первенствующего поэта русского. В молдаванской красной шапочке и халате увидел я его за рабочим его столом, на коем были разбросаны все принадлежности уборного столика поклонника моды; дружно также на нем лежали Montesquieu с “Bibliothèque de champagne” и “Журналом Петра I”, виден был также Alfieri⁴, еже-

---

² Цит. по сб.: Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М.: Мол. гвардия, 1966 (ЖЗЛ). С. 204–205.

³ Цветаева М.И. Мой Пушкин. М., 1931. С. 23.

⁴ Монтескье. Сельские чтения; Альфиери.

месячники Карамзина и изъяснение снов, скрывшееся в полдюжине альманахов; наконец, две тетради в черном сафьяне⁵ остановили мое внимание на себе: мрачная их наружность заставила меня ожидать что-нибудь таинственного, заключенного в них, особенно когда на большей из них я заметил полустертый масонский треугольник. Естественно, что я думал видеть летописи какой-нибудь ложи; но Пушкин, заметив внимание мое к этой книге, окончил все мои предположения, сказав мне, что она была счетною книгой такого общества, а теперь пишет он в ней стихи; в другой же книге показал он мне только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал, сын Абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который сам его воспитывал и очень любил. Главная завязка этого романа будет – как Пушкин говорит – неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка и за то была посажена в монастырь. Вот историческая основа этого сочинения»⁶.

Не только халат и красная шапочка были молдавского происхождения, но и тетради на рабочем столе поэта. Когда-то в Кишиневе Пушкин и впрямь был членом масонской ложи «Овидий» – той самой, за которую, как он полагал, были «уничтожены в России все ложи» (XIII, 257)⁷. Вульф не обманулся в своем ожидании тайны – «масонские» тетради содержали в себе главы одного из самых сокровенных произведений Пушкина, его первого исторического романа, известного впоследствии под названием «Арап Петра Великого». Мы еще вернемся к этому важному свидетельству тригорского приятеля Пушкина (Вульф сделал свою запись «по свежим следам» – на другой же день после обеда в Михайловском), оно является, пожалуй, единственным указанием на возможное развитие сюжетной линии романа.

О том, что замысел и план романа уже вполне созрели у Пушкина ко времени приезда в псковское имение, говорит быстрая, почти «чистовая» работа над ним. 31 июля Пушкин сообщил А.А. Дельвигу: «Я в деревне и надеюсь много писать, в конце осени буду у Вас; вдохновенья еще нет, покамест принялся я за прозу» (XIII, 334). Этой прозой были публицистические наброски «Отрывки из писем, мысли и замечания» и первые главы исторического романа эпохи Петра I.

Ни для самого Пушкина, ни для его друзей и читателей это обращение к прозе, пожалуй, не явилось неожиданным, оно было подготовлено всем его житейским и творческим опытом. «Лета клонят к прозе», – писал Вяземскому в 1822 году двадцатитрехлетний поэт (XIII, 44). А через два года Пушкин, обращаясь к читателям третьей главы «Евгения Онегина», обещает «унизиться до смиренной прозы» и написать новый роман – на этот раз не в стихах, а в прозе («дьявольская разница!»).

Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны,
Да нравы нашей старины. (VI, 57)

Здесь у Пушкина есть одно слово, которое служит вообще как бы ключом к пониманию его художественно-исторического мышления, подметили исследователи, слово это – *предание*. Если проанализировать многочисленные случаи употребления этого слова в самых разных пушкинских текстах на протяжении всего его творческого пути, то выяснится, что предание

⁵ Обман зрения – тетради были в обыкновенных черных бумажных переплетах.

⁶ Вульф А.Н. Дневники. М.: Федерация, 1929. С. 135–136.

⁷ «4 мая 1821 был я принят в масоны» – запись из кишиневского дневника (XII, 303).

– самая притягательная для Пушкина форма, в которой запечатлевает себя минувшее. Предание (по определениям фольклористики) – это особый вид устно передаваемого повествования, которое, возникнув некогда как рассказ участника или свидетеля действительных событий, при дальнейшем распространении утрачивает «эмпирическую фотографичность», обретая взамен смысл обобщенно-поэтический. В предании как бы осуществляется синтез документальности и поэтического вымысла, «летописности» и «сказочности» – рождается та самая «поэзия истории», которая так привлекала Пушкина⁸.

Удивительная судьба пушкинского прадеда, известная по «семейственным преданиям», не могла не заинтересовать Пушкина – историка и романиста. «Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа» (VIII, 53) – этой формуле из пушкинского незавершенного «Романа в письмах» (1829 год) как нельзя более соответствовал замысел повествования о Петровской эпохе.

Вот строки о михайловских буднях поэта из «Памятных записок» Н.М.Смирнова, камерюнкера: «Его дни тянулись однообразно и бесцветно. Встав поутру, погружался он в холодную ванну и брал книги и перо; в минуты грусти перекачивал шары на бильярде или призывал старую няню рассказывать ему про старину, про Ганнибалов, потомков Арапа Петра Великого, из фамилии которых происходила его мать»⁹.

Пушкин, как сообщает его первый биограф П.В. Анненков, говорил друзьям: «Бог даст, мы напишем исторический роман, на который и чужие полюбуются»¹⁰.

Напрашивался и главный герой – здесь, в псковской деревне, в старинной Ганнибаловой вотчине все дышало памятью о царском арапе.

Летом 1827 года Пушкин одновременно работал и над исторической эпопеей в прозе, и над любимым своим детищем – романом в стихах «Евгений Онегин». Эти произведения тесно связаны между собой, причем не только хронологией их создания, но и многими невидимыми нитями художественного свойства. Перефразируя Анну Ахматову, можно сказать, что над Пушкиным, приступившим к роману о царском арапе, стояла «Онегина» воздушная громада...

«Свет мой, зеркальце, скажи»

Одно зеркало важнее целой галереи предков
Вольфганг Менцель

Почему Пушкин, обратившись к Петровской эпохе, вывел на сцену экзотическую фигуру своего прадеда? Наверное, прежде всего потому, что в отношении к Ганнибалу проявился тот «личный автобиографический, домашний интерес к истории» (по определению Ю.Н. Тынянова), который Пушкин так высоко ценил у Вальтера Скотта.

Первые рассказы о загадочном «абиссинском принце», властной волей царя Петра спасенном из турецкого плена и призванном в Россию, Пушкин услышал еще мальчиком – от своей бабушки Марии Алексеевны Ганнибал.

...Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный... (V, 100)

---

⁸ Тархов А.Е. Мир «Капитанской дочки». В кн.: Пушкин. Избранная проза. М., 1978. С. 4.

⁹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. 2-е изд. М., 1985. Т. II. С. 273.

¹⁰ Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. СПб., 1855. С. 199.

Летними вечерами в подмосковном Захарове сказки о Бове-королевиче, о Лукоморье переплетались с «семейственной» легендой о знаменитом арапе, ставшем крестником русского царя. Любимая няня Арина Родионовна, в молодости служившая у Ганнибалов в Суйде, тоже хорошо помнила своего старого черного барина.

Принадлежность к этому славному и странному роду (как причастность к сказке, к трагедии), к «русскому ганнибальству» Пушкин ощутил очень рано – сначала в приметах собственной внешности и характера.

Суший бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом... (I, 499) —

так написал о себе пятнадцатилетний лицеист в полушутливом стихотворении на французском языке. Тогда же в 1814 году лицейское стихотворение «Казак» он подписал: «А. Пушкин-Аннибал». С жизнеописания Ганнибалов, с пращуров, он начнет потом свою автобиографию.

В детстве Саша Пушкин, русоволосый мальчик, говорил, что хочет покрасить волосы в черный цвет, чтобы более походить на арапа!

В московском музее поэта экспонируется миниатюрный детский портрет Пушкина, исполненный в самом начале XIX века неизвестным художником. Вот анализ искусствоведа: «Каким мы видим Пушкина на первом его портрете? Это большеголовый мальчик двух-трех лет, по-детски пухлый, с привлекающим внимание живым и серьезным взглядом темно-синих глаз. Волосы густые, светло-русые, с рыжеватым оттенком. Уже в этом детском портрете Пушкина, как в строении, так и в выражении лица, проступают черты, унаследованные им от прадеда абиссинца А.П. Ганнибала»¹¹.

Е.П. Янькова, знакомая родителей Пушкина, вспоминала: «Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик <...> со смуглым личиком, не скажу, чтобы приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались»¹².

Писатель-карамзинист М.Н. Макаров, московский приятель семьи Пушкиных, рассказывал: «В детских летах, сколько я помню Пушкина, он был не из рослых детей и все с теми же африканскими чертами физиономии, с какими был и взрослым, но волосы в малолетстве его были так кудрявы и так изящно завиты африканскою природою, что однажды мне И.И. Дмитриев сказал: “Посмотрите, ведь это настоящий арабчик”. Дитя рассмеялось и, оборотясь к нам, проговорило очень скоро и смело: “По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик”¹³. Рябчик и арабчик оставались у нас целый вечер на зубах»¹⁴.

Порывистый, импульсивный, с «необузданными африканскими (как происхождение его матери) страстями» (М. Корф); «проявлялась в нем вся пылкость и сладострастие африканской его крови»¹⁵ (С. Комовский) – это Пушкин по воспоминаниям других воспитанников лицея.

А.В. Луначарский обобщил лицейский образ поэта: «Маленький стройный арапчонок, курчавый, с огнем в глазах, подвижный как ртуть, полный страсти, – таким видят Пушкина лицейские товарищи и педагоги»¹⁶.

¹¹ Павлова Е.В. А.С. Пушкин в портретах. М., 1983. С. 7–8. (Некоторые исследователи, заметим, ставят под сомнение утверждение о том, что на этом портрете изображен Пушкин.)

¹² Рассказы бабушки Д. Благово. СПб., 1885. С. 459–160.

¹³ Намек на рябое лицо И. Дмитриева.

¹⁴ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. I. С. 56.

¹⁵ Там же. С. 69, 119. (Другой лицеист – М.Л. Яковлев на полях против этих последних строк возмущенно заметил: «Описывать так можно только арабского жеребца, а не Пушкина, потому только, что в нем текла кровь арабская».)

¹⁶ Цит. по сб.: Дань признательной любви. Л., 1979. С. 90.

«Невысокого роста, поджарый, подвижный, смуглолицый, с толстыми губами, крупными белыми каннибальскими зубами и глазами, сиявшими в минуты радости, он, судя по всему, соблазнил не одну стоворчивую царскосельскую девицу» – предполагает знаменитый французский писатель, Гонкуровский лауреат Анри Труайя, автор двухтомной биографии Пушкина (1946), только недавно появившейся в русском переводе¹⁷.

Когда 19 октября 1828 года лицеисты первого выпуска собрались на свой традиционный праздник, Пушкин вел шуточный протокол их встречи. Он перечислил присутствовавших и назвал их школьные клички, последним в списке значился: «...Пушкин – француз (смесь обезьяны с тигром)»¹⁸. Тот же лицеист С. Комовский в своих воспоминаниях пояснял, что «по страсти Пушкина к французскому языку <...> называли его в насмешку французом, а по физиономии и некоторым привычкам обезьяною или даже смесью обезьяны с тигром»¹⁹ (что вызвало сердитую ремарку М. Яковлева: «как кого звали в школе, в насмешку, должно только оставаться в одном школьном воспоминании старых товарищей»). Впрочем, и он тут же подтвердил, что Пушкина «звали обезьяной, смесью обезьяны с тигром»²⁰.

Юный Пушкин в неоконченной лицейской поэме «Бова» (осень 1814 года) восклицал, обращаясь к своему кумиру:

О Вольтер! о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии! (I, 64)

А почти через десять лет, в черновиках III главы «Евгения Онегина», под портретом Вольтера, появится автопортрет, явно стилизующий сходство Пушкина с великим французом²¹.

Ю.Н. Тынянов полагал, что у Пушкина в годы учебы было даже три клички: «француз», «обезьяна» и «тигр». В известном тыняновском романе две последние объясняются тем, что Пушкин имел склонность к прыжкам, грыз перья и, «когда он сердился, его походка становилась плавная, а шаги растягивались»²².

Ю.М. Лотман, ссылаясь на выражение Вольтера «смесь обезьяны и тигра», показал, что оно означает просто «француз» – именно в таком смысле этот фразеологизм получил распространение²³.

Однако кличка «обезьяна» была, по-видимому, широко известна и вне лицейского круга, она постепенно стала соотноситься лишь с внешностью поэта и в этой связи использовалась мемуаристами, в том числе и из дружеской поэту среды. Вот, например, дневниковая запись Долли Фикельмон, относящаяся к декабрю 1829 года: «Пушкин, писатель, ведет беседу очаровательным образом – без притязаний, с увлечением и огнем; невозможно быть более некрасивым – это смесь наружности обезьяны и тигра; он происходит от африканских предков и сохранил еще некоторую черноту в глазах и что-то дикое во взгляде»²⁴.

¹⁷ Труайя Анри. Пушкин: Биография в 2 томах. Т. I. СПб.: Вита Нова, 2005. С. 34.

¹⁸ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.–Л., 1935. С. 733.

¹⁹ А.С.Пушкин в воспоминаниях... Т. I. С. 69.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Жуйкова Р. Г. Автопортреты Пушкина (каталог). В сб.: Временник Пушкинской комиссии, XIX. Л.: Наука, 1985. С. 99 (портрет № 35).

²² Тынянов Ю.Н. Пушкин. М.: Книга, 1983. Т. II. С. 32.

²³ Лотман Ю.М. Смесь обезьяны с тигром. В сб.: Временник Пушкинской комиссии. XIII, Л., 1979. С. 110–112

²⁴ А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. II. С. 140.

О сложившемся стереотипе, связанном с кличкой «обезьяна», говорят и другие мемуарные свидетельства. М.И. Осипова, дочь Прасковьи Александровны, вспоминала: «Я, бывало, все дразню и подшучиваю над Пушкиным; в двадцатых годах была мода вырезать и наклеивать разные фигурки из бумаги; я вырежу обезьяну и дразню Пушкина, он страшно рассердится, а потом вспомнит, что имеет дело с ребенком, и скажет только: «Вы юны, как апрель»²⁵.

Современница Пушкина рассказывала тверскому краеведу В.И. Колосову, как однажды ее муж, придя домой, сообщил: «Я сейчас видел Пушкина. Он сидит у Гальяни на окне, поджав ноги, и глотает персики. Как он напомнил мне обезьяну!»²⁶

Актриса А.М. Каратыгина писала, что в 1818 году, «говоря о Пушкине у князя Шаховского, Грибоедов назвал поэта «мартышкой» (un sarajon). Пушкину перевели, будто бы это прозвище было дано ему – мною! Плохо же он знал меня, если мог поверить, чтобы я позволила себе так дерзко отозваться о нем, особенно о его наружности...»²⁷

К 20-м годам XIX века относится небольшой портрет Пушкина на пластине слоновой кости, ныне также хранящийся в московском музее поэта (автор неизвестен): «Передав внутреннюю красоту и обаяние Пушкина, автор миниатюры не счел нужным скрыть его своеобразную некрасивость: большой приплюснутый нос, толстые губы, густые бакенбарды, закрывающие значительную часть щек. Именно эти внешние черты обращали на себя внимание тех, кто в первый раз видел Пушкина»²⁸, – отмечает искусствовед.

Вот как запомнила, например, свое первое впечатление от внешности Пушкина знаменитая цыганка Таня, тогда еще подросток: «Небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой <...>. Он мне очень некрасив показался. И я сказала своим подругам по-нашему, по-цыгански: «Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери!» «Гляди, значит, гляди, как нехорош, точно обезьяна!»²⁹

В «Семейной хронике» Л.Н. Павлицева приведен записанный со слов его матери, Ольги Сергеевны, сестры поэта, разговор, который будто бы вел при ней ее брат Александр с одной недалекой и болтливой француженкой. Вот его перевод:

« – Кстати, г-н Пушкин, в ваших жилах и сестры вашей течет негритянская кровь?

– Разумеется, – отвечал поэт.

– Это ваш дед был негром?

– Нет, он уже им не был.

– Значит, это был ваш прадед?

– Да, мой прадед.

– Так это он был негром... да, да... но в таком случае, кто же был его отец?

– Обезьяна, мадам, – отрезал наконец Александр Сергеевич»³⁰.

«Кличка, которая в своей первооснове, т. е. применительно к французскому характеру, – отметил Ю.М. Лотман, – никаких зрительных ассоциаций не имеет, будучи отнесена к Пушкину, получала дополнительные смыслы в связи с некоторыми особенностями мимики³¹ и внешности поэта. Одновременно, получив, видимо, широкую огласку, она давала поверхностному наблюдателю готовый штамп восприятия именно внешности. В период, когда вокруг

²⁵ См.: *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни. М., 1936. С. 305.

²⁶ *Колосов В.И.* Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии в 1827 году. Тверь, 1888. С. 2.

²⁷ А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. I. С. 200.

²⁸ *Павлова Е.В.* А.С. Пушкин в портретах. М., 1983. С. 28.

²⁹ А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. II. С. 209.

³⁰ Говоря о слове «обезьяна» в лексике Пушкина, следует вспомнить и его письмо Вяземскому в мае 1826 года, где обезьяна вырастает в какой-то символ злого духа, несчастья и коварства: «Судьба не перестает с тобой проказить. Не сердись на нее, не ведаешь бо, что творит. Представь себе ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит ее на цепь? Не ты, не я, никто...» (XIII, № 265).

³¹ Вспомним опять роман Ю. Тынянова: «Пушкин вдруг засмеялся, как смеялись Ганнибалы: зубами» (т. II. С. 31).

Пушкина начал стягиваться узел светских сплетен и личность его стала привлекать недоброжелательное любопытство, старая дружеская лицейская кличка в руках его преследователей легко превратилась в направленное против него оружие. Связь с «французом» была окончательно забыта, и на поверхность выступила пасквильная характеристика внешности, что вписывалось в штамп «безобразный муж прекрасной жены»³².

Та же Д. Фикельмон не преминула отметить (запись 31 мая 1831 года): «Пушкин приехал из Москвы и привез свою жену... Он очень в нее влюблен, рядом с ней его уродливость еще более поразительна, но когда он говорит, забываешь о том, что ему недостает, чтобы быть красивым...»³³.

Вот как резюмирует свидетельства современников один из составителей сборника мемуаров о поэте: «Из разногласия мнений, суждений, оценок, фактов и домыслов для нас вырисовывается облик живого Пушкина. Человек среднего роста со смугловатым оттенком кожи, сильным и легким телом и маленькими аристократическими руками, за которыми тщательно следит. Он весь в движении, и естественность и непринужденность придают ему неуловимое изящество, заменяющее природную красоту. Действительно, в этой подвижности есть что-то обезьянье: привычка грызть яблоко или акробатическая ловкость, с какой он бросается на диван, поджав под себя ноги. <...> Оскорбленный, он становится страшен; лицо искажается, с полуоткрытых губ срываются несвязные слова, ужасные и оскорбительные... Еще час – и он спокоен и холоден»³⁴.

В 1830 году в «Московском телеграфе» появилась пародия на пушкинское «Собрание насекомых», обвинявшая его автора в подражательстве и подписанная: Обезьянин³⁵.

В октябре 1830 года Ф. Булгарин напечатал в 12-м томе собрания своих сочинений повесть «Предок и потомок». В повести стольник царя Алексея Михайловича некто Свистушкин проспал в замороженном состоянии двести лет и очнулся в XIX веке.

Проснувшись, он стал искать своих потомков и нашел поэта Никандра Семеновича Свистушкина, автора сочинений «Воры» и «Жиды» (сравни: «Разбойники» и «Цыганы»). Увидев потомка, предок приходит в ужас: «Какой это потомок мой? Это маленькое зубастое и когтистое животное, не человек, а обезьяна!»³⁶.

В феврале 1831 года вышел третий номер рукописного журнала «Момус». Журнал этот выпускался кружком студентов Московского университета, членами которого были Давыдов и Сарохтин, поклонники Н.Н. Гончаровой до ее замужества. В номере были помещены два произведения, содержавшие намек на брак Гончаровой с Пушкиным: стихотворение «Элегия» и пьеса «Два разговора об одном предмете». Молодые представлены под прозрачными именами Изразцовой и Фузеина (фузея – старинное название пушки). Приведем отрывок из пьесы:

(Зима. Гулянье на набережной.)

Иксин. Вот и семейство Изразцовых. Фузеин рядом с Надеждой. Правда ли, что он на ней женится?

Фарсин (протяжно). Говорят... (со смехом) Поддели молодца!..

Иксин. Как хочешь думай обо мне, Фарсин, а я по-старому не нахожу ничего сверхъестественного в особе Надежды Петровны.

Фарсин. Признаюсь тебе, я сам то же думаю.

Иксин. Например, что за глаза, что за колорит?

³² Временник Пушкинской комиссии. XIII, Л., 1979. С. 111.

³³ А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. II. С. 141.

³⁴ А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. I. С. 31 (вступительная статья В.Э. Вацууро).

³⁵ См.: Гордиш А. Гибель Пушкина. В кн.: Три повести. Л., 1973. С. 136.

³⁶ Там же. С. 158. К этому же времени относятся стихотворные пародии (пресные и бессмысленные) на Пушкина-поэта Африкана Желтодомова (Сын Отечества. №17, 1830).

Фарсин. О! что до глаз, так они просто косые; лицо же спорит с цветом светло-оранжевой шляпки ее возлюбленной сестрицы.

Иксин. Ну, а Фузеин-то каков?

Фарсин. Сатир! Обезьяна!

Иксин. Зато любимец Феба³⁷...

Заключительные реплики заставляют вспомнить обмен эпиграммами между Пушкиным и поэтом А.Н. Муравьевым, состоявшийся в Москве тремя годами раньше. В ответ на шуточные строчки Пушкина (вызванные тем, что Муравьев нечаянно отбил руку у гипсовой статуи Аполлона):

...Кто же вступился за Пифона?
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан!

Муравьев разразился эпиграммой вполне в духе «светского» фольклора того времени:

Как не злиться Митрофану?
Аполлон обидел нас:
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас³⁸...

Это «зооморфное» (по определению Ю.М. Лотмана) сравнение преследовало Пушкина и на протяжении всех лет его семейной жизни. Если верить воспоминаниям В.А. Соллогуба, Пушкин однажды сказал, «что Дантес носит перстень с изображением обезьяны. Дантес был тогда легитимистом и носил на руке портрет Генриха V. – Посмотрите на эти черты, – воскликнул тотчас Дантес, – похожи ли они на господина Пушкина?»³⁹

Иногда сам Пушкин, словно издеваясь над столичным «фольклором», в сердцах «возвращал» свету эту кличку. Вот отрывок из его письма к Е.М. Хитрово от 21 августа 1830 года (из Москвы): «Как же я должен благодарить Вас, сударыня, за любезность, с которой уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе! Здесь никто не получает французских газет, а что касается политических суждений, то Английский клуб решил, что князь Дмитрий Голицын был неправ, издав ордонанс о запрещении игры в экарте. И среди этих-то *орангутангов* я осужден жить в самое интересное время нашего века!» (XIV, 415). Сравним с гневной репликой княжны Полины из романа «Рославлев» по адресу тупой московской знати: «...Что могли понять эти обезьяны просвещения...» (VIII, 151).

Кличка перешла «по наследству» и к пушкинским детям. Московский знакомый поэта, отставной полковник С.Д. Киселев, сообщал в письме жене (из Петербурга, 19 мая 1833 года): «Я зван в семейственный круг, где на днях буду обедать; мне велено поторопиться с избранием дня, ибо барыня обещает на днях же другого орангутанца произвести на свет»⁴⁰. (Сын Александр, второй ребенок Пушкиных, родился 6 июля 1833 года.)

³⁷ Цит. по: *Овчинникова С.Т.* Пушкин в Москве. М., 1985. С. 158–160.

³⁸ См.: *Поэты 1820–1830-х годов.* Т. II. Л., 1972. С. 125, 692. (Комм. В.С. Киселева-Сергенина.)

³⁹ А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. II. С. 297. «Сам по себе этот эпизод маловероятен, – комментирует Ю.М. Лотман, – он представляет интерес для характеристики того светского фольклора, который создавался в эти дни вокруг трагедии Пушкина <...> Горькая шутка Вольтера, сделавшись лицейской кличкой, с одной стороны, повлияла на мемуарные свидетельства о внешности поэта. Без учета этого мы рискуем слишком буквально понимать документы, вместо того чтобы их дешифровать. С другой, она вплелась в предсмертную трагедию поэта, давая в руки его врагов удобное «объяснение» характера, подлинные размеры которого были выше их понимания» (*Временник*... Л., 1979. С. 112).

⁴⁰ *Литературное наследство.* М., 1952. Т. 58. С. 112.

Прозвище «обезьяна» стоит в данном случае в одном смысловом ряду с понятиями «негр», «арап», «африканец».

Это прозвище не могло не обратить на себя внимания и последующих поколений. В 1918 году поэт Григорий Шенгели опишет экзамен в лицее:

И юноша, волнуясь и летя,
Лицом сверкая обезьяньим,
Державина, беспечно как дитя,
Обидел щедрым подаяньем⁴¹.

Эпитет «африканский» так постоянно сопутствовал Пушкину с детства, что поэт, глядясь в свое отражение в зеркале, словно старался тщательно соответствовать сложившемуся стереотипу:

А я повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный... (II, 139) —

это из стихотворения «Юрьеву» (1818-й или 1820 год). Скептическое отношение к своей внешности, род «комплекса неполноценности», с годами усиливалось. «...Могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был» (письмо Н.Н.Пушкиной, 1835 год) (XVI, 51). В другом письме к жене, в последний год жизни (о предложении скульптора Витали): «Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности» (май 1836 года) (XVI, 116).

9 мая 1828 года, во время поездки в Кронштадт на пароходе, английский художник Доу зарисовал Пушкина (рисунок, к сожалению, не сохранился). Пушкин упрекнул его:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель... (III, 101)

«Страдая от своей наружности, – отметила Т.Г. Цявловская, исследуя рисунки поэта, – Пушкин говорил о ней – в стихах и в прозе, рисовал себя, оставляя свои автопортреты друзьям. Во всем этом сквозит, может быть, некий вызов, бравада»⁴².

Со своей стороны, друзья подтрунивали над Пушкиным. Вот, например, как А.И. Тургенев сообщал П.А. Вяземскому о возможных переменах в судьбе Пушкина: «Граф Воронцов сделан новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Не знаю еще, отойдет ли к нему *бес арапский*. Кажется, он прикомандирован был к лицу Инзова» (9 мая 1823 года, из Петербурга в Москву. Подлинник по-французски)⁴³. «Поэту смуглому поклон» – читаем мы в другом письме (А.И. Тургенев – В.А. Жуковскому, 4 сентября 1831 года)⁴⁴.

---

⁴¹ Пушкин в русской поэзии. М., 1937. С. 143.

⁴² Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М., 1980. С. 341. См. также: Аришина Н. Арапские завитки // Работница, 1992. №9/10. С. 32–33.

⁴³ Цит. по сб.: Одесский год Пушкина. Одесса, изд. 2-е, 1979. С. 200. Эта интонация – традиционная для переписки двух пушкинских друзей. Сравним с письмом Вяземского к А.И. Тургеневу об успехах юного Пушкина: «Стихи чертенка-племянника чудесно хороши...»

⁴⁴ Литературное наследство. Т. 58. С. 104.

Друг Пушкина П.В. Нащокин сделал ему в декабре 1831 года новогодний подарок: чернильницу с бронзовым арапчонком⁴⁵: «Посылаю тебе твоего предка с чернильницами...»⁴⁶ (XIX, 250).

Пушкин охотно включается в игру. В декабре 1830 года он в письме в Бухарест к Н.С. Алексею вспоминал о кишиневских красавицах, «о еврейке, которую так долго и так упорно таил ты от меня, своего черного друга».

«Африканский» ореол образа Пушкина отразился в памяти многих мемуаристов – и близко знавших поэта, и едва с ним знакомых. П.А. Вяземский описал Льва Сергеевича Пушкина: «Как брат его, он был несколько смуглый араб, но смахивал на белого негра. Тот и другой были малого роста, в отца. Вообще в движениях, в приемах их было много отцовского. Но африканский отпечаток матери видимым образом отразился на них обоих. Другого сходства с нею они не имели» (написано в 1860-х годах)⁴⁷.

«Африканцами» в шутку называли обоих братьев Пушкиных. Вспомним эпиграмму С. Соболевского:

Пушкин Лев Сергеич
Истый патриот:
Тянет ерофеич
В африканский рот...

Аннет Оленина, дочь известного мецената, президента Академии художеств, записала в дневнике о своей встрече на балу у Хитрово со «знаменитым поэтом Пушкиным» (1828 год): «Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие – вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия»⁴⁸.

И.И. Лажечников, известный исторический романист, впервые увидел Пушкина в 1819 году в доме графа Остермана-Толстого в Петербурге: «Только что я ступил в комнату, из передней вошли в нее три незнакомых лица. Один был очень молодой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, с арабским профилем, во фраке»⁴⁹.

«Цветом лица Пушкин отличался от остальных. Объяснялось это тем, что в его жилах текла арапская кровь Ганнибала, которая даже через несколько поколений примешала свою сажу к нашему славянскому молоку», – написал польский доктор Станислав Моравский в своих «Воспоминаниях», опубликованных в «Красной газете» в 1928 году.

---

⁴⁵ «Чернильница эта служила Пушкину до конца жизни. Сейчас она хранится в доме на Мойке. Такие массивные бронзовые чернильницы, с небольшими вариантами в деталях, были распространены в начале 30-х годов прошлого века», – пишет Л.П. Февчук в книге «Личные вещи А.С. Пушкина» (Л., 1970. С. 83). Один из ее вариантов выставлен в мемориальной комнате второго этажа московского Музея-квартиры А.С.Пушкина на Арбате.

⁴⁶ Пушкин ответил: «Очень благодарю тебя за арапа» (январь 1832 г.). Между прочим, обмениваться «восточной бронзой» было принято в пушкинском кругу. В апреле 1830 г., например, Пушкин перед отъездом на Кавказ шлет из Москвы в Петербург своему другу Дельвигу бронзовую статуэтку грифа и стихотворение «Загадка» (с подзаголовком «При посылке бронзового сфинкса»). Поводом послужил выход в свет сборника «Стихотворения барона Дельвига».

⁴⁷ А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. I. С. 156–157.

⁴⁸ Там же. Т. II. С. 70.

⁴⁹ Там же. Т. II. С. 170.

А вот цитата из записок Н.И. Греча: «Однажды, кажется, у А.Н.Оленина, Уваров, не любивший Пушкина, гордого и не низкопоклонного, сказал о нем: “Что он хвалится своим происхождением от негра Аннибала, которого продали в Кронштадте (Петру Великому) за бутылку рома!” Булгарин, услыша это, не преминул воспользоваться случаем и повторил в “Северной Пчеле” этот отзыв. Этим объясняются стихи Пушкина “Моя родословная”».

Другой известный литератор, член «Арзамаса» Ф.Ф. Вигель в своих «Записках» сослался на пушкинскую родословную: «Он по матери происходил от арапа генерала Ганнибала и гибкостью членов, быстротой телодвижений несколько походил на негров и на человекоподобных жителей Африки»⁵⁰.

М.В. Юзефович, друг и боевой товарищ Льва Пушкина, в статье, написанной в 1880 году, оспорил общепринятое представление о «смуглом» Пушкине: «Я встретился с ним в 1829 году <...> Как теперь вижу его, живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного, даже вертлявого, с великолепными большими, чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе, с белыми, блестящими зубами, о которых он очень заботился, как Байрон. Он вовсе не был смугл, ни черноволос, как уверяют некоторые, а был вполне белокож и с вьющимися волосами каштанового цвета. В детстве он был совсем белокур, каким остался брат его Лев. В его облике было что-то родное африканскому типу; но не было того, что оправдывало бы его стих о самом себе: «Потомок негров безобразный». Напротив того, черты лица были у него приятные, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет, работы Кипренского, похож безукоризненно»⁵¹.

Это последнее замечание, правда, находится в противоречии с широко известной ремаркой самого Пушкина («Себя как в зеркале я вижу, // Но это зеркало мне льстит»). Однако в целом зарисовка Юзефовича по настроению близка к записи М.И. Цветаевой: «Обман зрения всей России, видевшей – от арапской крови, «Арапа Петра Великого» и «Цыган» – Пушкина черным. (Правильный обман). Был рус»⁵².

Конечно, многое зависело от того, какими глазами смотрел тот или иной мемуарист на Пушкина. Страстный его поклонник, писатель И.А. Гончаров, будучи еще студентом, видел Пушкина в сентябре 1832 года на лекции в Московском университете и так описал его внешность: «С первого взгляда наружность его казалась невзрачною. Среднего роста⁵³, худощавый, с мелкими чертами смуглого лица. Только когда взглядишься пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах, которых потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождавших его речь, была сдержанность светского, благовоспитанного человека. Лучше всего, по-моему, напоминает его гравюра Уткина с портрета Кипренского. Во всех других копиях у него глаза сделаны слишком открытыми, почти выпуклыми, нос – выдающимся – это неверно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорциональная лицу голова, с негустыми кудрявыми волосами»⁵⁴.

С этим описанием перекликается запись В.П. Горчакова, одного из ближайших приятелей Пушкина по Кишиневу (1822 год): «В числе многих особенно обратил мое внимание вошедший молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым и наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие.

⁵⁰ Там же. Т. I. С. 220.

⁵¹ Там же. Т. II. С. 100.

⁵² Цветаева М.И. Мой Пушкин. М., 1981. С. 140.

⁵³ Сохранилось, между прочим, точное измерение роста Пушкина, сделанное художником Г.Г. Чернецовым под рисунком поэта в рост: «Рисовал с натуры 1832-го года. Апреля 15-го. Ростом 2 арш. 5 вершк. с половиной» (XI, фронтиспис). В переводе на современные измерения это составляет 166 см 64 мм.

⁵⁴ А.С.Пушкин в воспоминаниях... Т. II. С. 216.

Черты лица его были неправильные и некрасивы, но выражение думы до того было увлекательно, что невольно хотелось бы спросить, что с тобою? Какая грусть мрачит твою душу?»⁵⁵

Левушка, боготворивший брата, сказал о его внешности: «Пушкин был собою дурен; ростом он был мал»⁵⁶. Казаки под Оренбургом, среди которых Пушкин возбудил подозрение своими вопросами о Пугачеве, в донесении начальству перечислили такие приметы: «собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смугл»⁵⁷.

Молодой литератор И.И. Панаев запомнил свой визит в книжную лавку Смирдина на Невском проспекте (1831 год): «В одно почти время со мною вошли в магазин два человека: один большого роста, с весьма важными и смелыми приемами <...>, другой среднего роста, одетый без всяких претензий, даже небрежно, с курчавыми волосами, с несколько арабским профилем, с толстыми, выдававшимися губами и с необыкновенно живыми и умными глазами. Когда я взглянул на последнего, сердце мое так и замерло... Я узнал в нем Пушкина по известному портрету Кипренского»⁵⁸. (Спутником поэта был его друг С.А. Соболевский.)

В «Литературных и житейских воспоминаниях» И.С. Тургенева упомянуто впечатление, относящееся уже к 1837 году: «Пушкина мне удалось видеть всего один раз, за несколько дней до его смерти, на утреннем концерте в зале Энгельгардта. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом посматривал кругом. Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых, крупных зубов, висячие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей – и кудрявые волосы»⁵⁹.

Уже упоминавшийся нами Н.М. Смирнов, муж А.О. Россет, таким запомнил Пушкина в последние годы жизни: «Домашние нужды имели большое влияние на нрав его; с большой грустью вспоминаю, как он, придя к нам, ходил печально по комнате, надув губы и опустив руки в карманы широких панталон, и уныло говорил: «Грустно! Тоска!» Шутка, острое слово оживляли его электрической искрой: он громко захохочет и обнаружит ряд белых прекрасных зубов, которые с толстыми губами были в нем остатками полуарабского происхождения...»⁶⁰.

В 1830-х годах состоялось личное знакомство с Пушкиным украинского историка Д.Н. Бантыш-Каменского. Опубликованная им в Прибавлении ко II части «Словаря знаменитых Россиян» статья «Александр Пушкин» (1847 год) тоже имеет оттенок мемуарного свидетельства: «Александр Сергеевич Пушкин, среднего роста, худощавый, имел в младенчестве белокурые, курчавые волосы, сделавшиеся потом темно-русыми; глаза светло-голубые; улыбку насмешливую и вместе приятную; носил на умном лице отпечаток африканского своего происхождения, которому соответствовали живость и пылкость характера, раздражительного, но доброго, услужливого, чувствительного. Он, в особенности, отличался большими своими бакенбардами и длинными ногтями, которыми щеголял. Любезность, острый ум, необыкновенная память и заманчивый, веселый рассказ делали его украшением, душою общества»⁶¹.

Нижегородская дама Л.П. Никольская видела Пушкина только однажды – на званом обеде у военного губернатора 3 сентября 1833 года: «Я запомнила наружность этого гостя: по виду ему было более тридцати лет. Он носил баки. Немного смуглое лицо его было оригинально, но не красиво: большой открытый лоб, длинный нос, полные губы, – вообще неправильные черты, но что было у него великолепного – это темно-серые с синеватым отливом глаза, большие, ясные! нельзя передать выражения этих глаз: какое-то жгучее, а при том лас-

⁵⁵ Там же. Т. I. С. 237.

⁵⁶ Цит. по: Брюсов В.Я. Мой Пушкин. М.–Л., 1929. С. 10.

⁵⁷ Цит. по: Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937. С. 33.

⁵⁸ Цит. по: Зажурило В.К., Черная М.Г. По пушкинским местам Ленинграда. Л., 1982. С. 137.

⁵⁹ Тургенев И.С. Собр. соч. в 12-ти т. М., 1956. Т. 10. С. 265. «Тургенев славится точностью своих портретов», – замечает в связи с этим воспоминанием А. Битов (Статьи из романа. М., 1986. С. 205).

⁶⁰ А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. II. С. 237–233.

⁶¹ Цит. по: Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина (факсимильное издание). М., 1985. С. 464.

кающее, приятное. Я никогда не видела лица более выразительного: умное, доброе, энергичное. Когда он смеялся – блестели его белые зубы. Манеры у него были светские, но слишком подвижные. Он хорошо говорил: ах, сколько было ума и жизни в его искусственной речи! А какой он веселый, любезный – прелесть! Этот дурняшка мог нравиться»⁶².

То строки, написанные доброжелательной рукой. Но недругов, увы, было больше. Вспомним выпад в «Северном Меркурии» (17 ноября 1830 года): «Один известный поэт был не весьма пригож собою... Он имел большие серые глаза; рот, занимавший все пространство от одного уха до другого; толстые отвислые губы, длинный нос, загнутый книзу; и рыжеватые бакенбарды...» и т. п.⁶³

В статье «Пушкин в жизни» В.Я. Брюсов подвел итог множеству описаний: «Итак, вот каким мы должны представлять себе Пушкина: невысокий вертлявый человечек, с порывистыми движениями, с нисколько не замечательным лицом, смуглым, некрасивым, на котором поминутно оскаливались большие зубы»⁶⁴.

Т.Г. Цявловская в книге «Рисунки Пушкина» (в главе «Автопортреты») сочла нужным специально оговорить – правда, несколько, на наш взгляд, противоречиво – эти «африканские» признаки пушкинской внешности: «Кстати об арапских, негритянских чертах лица Пушкина. Не совсем это так. В жилах русского поэта текла африканская кровь. Он был по матери эфиопского происхождения (абиссинского, как тогда говорили) <...>. Необыкновенно сильная африканская кровь эта, примешанная к русской крови, сказала как в импульсивно-страстном темпераменте Пушкина, так и во внешности его – тонком вытянутом носе с сильным рельефом ноздрей, в крупных губах, в сверкающем оскале белых зубов, в удлиненной форме глаз, в смуглости кожи и в редкой красоты небольших руках с длинными тонкими пальцами»⁶⁵.

Печать «арапского» (или «обезьяньего») «безобразия» лежала и на многих посмертных портретах поэта. Характерным является признание Ильи Репина, работавшего в январе 1917 года над картиной «Пушкин на лицейском акте»: «Испробованы все мои самые смелые приемы, – нет удачи, нет удачи; а между тем, ведь вот кажется так ясно, я вижу этого «неприятного, вертлявого человека», этого «обезьяну», этого возлюбленного поэта <...> Передо мной фотографии со всех его портретов, передо мною две маски с мертвого; я уже умею разобраться, что лучше из всего материала; уже совершенно ясно чувствую характер этого чистокровного араба...»⁶⁶

Автор многих памятников Пушкину в нашей стране и за рубежом скульптор Олег Комов так рассказывал о своей работе над памятником в Мадриде в 1981 году: «Место для нашего Пушкина было выбрано правильно. И сам его облик не оказался для испанцев «экзотическим». Он был им чем-то сродни, может быть, кудрявостью головы, линией губ, некоторыми мавританскими чертами, присущими многим жителям этой страны (вспомним, что Испания на протяжении семи с лишним веков находилась под владычеством мавров)»⁶⁷.

Ну, скажет читатель, непригож собой был наш Пушкин, смугл, лицом схож со знаменитым своим предком, что ж с того? Не меньше мы его от этого любим, и остается он великим русским поэтом в сердцах наших и в глазах остального мира. Зачем же столько свиде-

⁶² *Граве Н.* Памяти А.С. Пушкина (1799–1837). – Нижегородский биржевой листок, 1887, 30 января.

⁶³ Цит. по: Болдинская осень. 2-е изд. М., 1982. С. 403. Месяцем раньше, в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений», Пушкин записал: «В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула» (XI, 166).

⁶⁴ *Брюсов В.Я.* Мой Пушкин. С. 10.

⁶⁵ *Цявловская Т.Г.* Рисунки Пушкина. С. 340–341. См. также: *Аришина Н.* Арапские завитки // Работница, 1992. № 9/10. С. 32–33.

⁶⁶ Письмо Л.Н. Андрееву. Цит. по: *Голубев В.* Пушкин в изображении Репина. М.–Л., 1936. С. 32.

⁶⁷ Цит. по: *Красиков А.А.* «От царскосельских лип до башен Гибралтара», в альманахе «Памятники Отечества», 1986. № 2 (14). С. 164.

тельств, столько цитат и воспоминаний?! Да затем только, что коснулись мы сокровенного и очень важного момента пушкинской биографии и пушкинского творчества. Ощущение непохожести своей, избранности Пушкин пронес через всю жизнь. «Темная кровь остается отметиной», как сказал Ю.Н. Тынянов. И эту «отметину» чувствовал сам Пушкин, понимали окружающие – друзья и враги.

Более полувека назад один искусствовед верно заметил: «Образ Пушкина не представляет большой проблемы пушкиноведения; однако не следует его считать вопросом из области «гробокопательства» и крохоборства. Необходимо только соблюдать в этом вопросе нужные масштабы. Внешний облик поэта определяет его внешнее поведение <...> Облик поэта определяет и восприятие его творчества...»⁶⁸

Толпа, «светская чернь» не простила Пушкину его «непохожести» и африканских предков. Он же сам с интересом и гордостью изучал биографию Ганнибалов, видя в этом родстве «перст судьбы».

«Я чувствую, что мы будем друзьями и братьями не только по африканской нашей крови, – писал Пушкин о своем младшем брате Левушке (в письме Дельвигу из Кишинева. 23 марта 1821 года. XIII, № 20).

До нас дошла пушкинская шутка, сказанная в доме Н.В. Всеволожского. Всеволод, его слуга-калмык, «отличавшийся удивительной сметливостью», откликнулся на пошлые остроты за столом словами «здравия желаю» (с чем связан стих «Желай мне здравствовать, калмык» в послании Пушкина «Горишь ли ты, лампада наша», 1822 год). По свидетельству Я.Н. Толстого, «...Пушкин ни разу не подвергался калмыцкому желанию здравия. Он иногда говорил: «Калмык меня балует, Азия протезирует Африку»⁶⁹.

В сборнике «Разговоры Пушкина» (М., 1929) приводятся и другие «африканские» ремарки поэта. «Да у меня вот тут-то пустота, – проговорил Пушкин, ударяя по своему карману, – пустота степей африканских». Или: «Жара стоит африканская, у нас там, в Африке, ходят в таких костюмах», – сказал Пушкин в жаркий полдень на даче. К этим записям, конечно, нельзя относиться как к документальным свидетельствам, но атмосферу мифа они отражают.

Пушкина, как известно, чрезвычайно интересовала судьба модного тогда «властителя дум» – лорда Байрона. «В классах он был из последних учеников, – писал Пушкин в статье («Байрон», 1835 год), – и более отличался в играх. По свидетельству его товарищей, он был резвый, вспыльчивый и злопамятный мальчик, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду <...> Первые годы, проведенные лордом Байроном в состоянии бедном, не соответствовавшем его рождению, под надзором пылкой матери, столь же безрассудной в своих ласках, как и в порывах гнева, имели сильное продолжительное влияние на всю его жизнь...» (XI, 276–278). (Б.И. Бурсов в своем исследовании «Судьба Пушкина» подметил: «Байрон стал для Пушкина словно зеркалом, в котором рассматривают самого себя»⁷⁰.)

Пушкин напомнил справедливое, по его словам, замечание Мура о том, что «в характере Байрона ярко отразились и достоинства и пороки многих из его предков: с одной стороны – смелая предприимчивость, великодушие, благородство чувств, с другой – необузданные страсти, причуды и дерзкое презрение к общему мнению <...> Много перенял у своего странного деда в его обычаях...».

И наконец, главное: «Обстоятельство, по-видимому, маловажное имело столь же сильное влияние на его душу. В самую минуту его рождения нога его была повреждена – и Байрон остался хром на всю свою жизнь. Физический сей недостаток оскорблял его самолюбие. Ничто

---

⁶⁸ Борский Б. Иконография Пушкина в сб.: Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 967.

⁶⁹ См.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Словарь-справочник. Л., 1976. С. 77.

⁷⁰ Бурсов Б.И. Судьба Пушкина. Роман-исследование. Л.: Сов. писатель, 1985. С. 249–250.

не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрис Байрон выбрала его хромым мальчишкой. Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых, опасаясь их насмешливого взгляда. Самый сей недостаток усиливал в нем желание отличиться во всех упражнениях, требующих силы физической и проворства» (XI, 278).

Не Байрона ли тень мелькает в VIII главе «Евгения Онегина»:

Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудаком,
Или печальным сумасбродом,
Иль сатаническим уродом. (VI, 126)

Между прочим, это *сближение* образа Пушкина с образом Байрона было отмечено еще П.А. Вяземским. Весной 1830 года он сообщает в письме к своей жене Вере Федоровне: «... Я начал читать мемуары Байрона, опубликованные Муром. Они составлены из записок его журнальных, переписок, сведений, собранных от разных лиц. Много примечательного, объясняющего своенравие, дикость и разлития (*les debordements*) Байрона. Постараюсь доставить их тебе. В ином нахожу сходство с Пушкиным: разумеется, и с собою. Хромая нога большую роль играла в жизни его. Это оскорбление природы раздражало его... Что же Пушкин? Все еще женится?»

В письме от 16 мая Вяземский приводит большую выписку из книги Мура о Байроне, касающуюся хромоты поэта, и неожиданно замечает мимоходом: «Я уверен, что Пушкин очень сердится за свой малый рост». И еще одно упоминание – летом того же года: «... Следовательно, у вас есть записки Байрона или о Байроне. Ты пишешь, что и у Пушкина сердце сжимается от сходства...»⁷¹ (Остафьевский архив).

В библиотеке Пушкина сохранилось пять томов мемуаров Байрона, подготовленных Т. Муром и изданных на французском языке в 1830 году. Все тома разрезаны; первый том имеет ряд пометок карандашом. Отмечено описание Байрона-ребенка, его любовь к чтению Библии, его исключительное положение среди товарищей по школе, страдание от физического недостатка и мечты о возможности в будущем смыть пистолетом все оскорбления⁷²!

Мало кто из пушкинистов обратил внимание на эту переключку. Только сравнительно недавно было подмечено: «Если Байрон тяготился хромотой, то Пушкин – тем, что он «потомок негров безобразный». Но, как и в других подобных ситуациях, эту схожую с байроновской коллизию он решает способом, противоположным байроновскому. У Байрона – поиски выхода в принципе поведения, у Пушкина – в творческом преломлении. Байрон делает себя самого прототипом многих своих героев, а свою биографию темой собственного творчества, – в результате противопоставляет своего героя едва ли не всем остальным людям. Пушкин, также художник чрезвычайно субъективный в смысле использования в своих произведениях автобиографического материала, поднимается к вершинам объективного творчества...»⁷³

Вернемся, однако, к «арапской» теме. Отношение самого Пушкина к своему «африканскому» происхождению, взгляд «светской черни» на поэта как на экзотического представителя

⁷¹ Литературное наследство. Т. 16–18. С. 806. Существует одно интересное пушкинское автобиографическое признание, до сих пор, кажется, почти не замеченное исследователями. В 1830 году, работая над «Детской книжкой», Пушкин в новелле «Ванюша, сын приходского дьячка» слишком подробно для нравоучительного рассказа перечисляет оскорбления, адресуемые мальчиком вослед «порядочному человеку»: «пьяница, урод, развратник, зубоскал, писака, безбожник, нигилист!» (XI, 102).

⁷² См.: Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина. СПб., 1910. № 696.

⁷³ Бурсов Б.И. Цит. соч. С. 251.

«негритянской расы» важны для нас не сами по себе, а постольку поскольку эта драматичная ситуация повлияла на духовный мир Пушкина. Наше намерение – показать истоки одного из важных мотивов пушкинского творчества, зарождение африканской темы, причину обращения к ней Пушкина. Этот интерес невозможно, очевидно, правильно понять и объяснить без учета сильнейшего психологического момента, связанного с «истоками» поэта, что отразилось в сознании Пушкина и его окружения.

При этом мы далеки от мысли давать какие-то «биологические» объяснения пушкинскому характеру и поведению, поступкам тех или иных его героев. Это старый прием, давно и бесповоротно отечественным пушкиноведением отвергнутый. Критикуя одно из жизнеописаний поэта – книгу петербургского педагога В.Я.Стоюнина «Пушкин» (1880), профессор Д.Д.Благой в статье «Проблемы построения научной биографии Пушкина» писал: «Основным ключом к пониманию личности и жизни Пушкина является для Стоюнина все же биологический – расовый – фактор – «несчастное наследство, доставшееся ему от его прадеда по матери, арабская (sic!) кровь, которая превратила в вулкан пылкий темперамент гениальной натуры». С помощью этой пресловутой «арабской крови», которая, с легкой руки Стоюнина, заняла столь почетное место в последующей биографической литературе о Пушкине, он пытается слить в один сложный образ тех «двух Пушкиных», о полной несхожести которых не уставал твердить Анненков: «Арабская кровь нарушала мир его души, раздвояла его, ставила в противоречия с самим собою. Она составила его судьбу. Подобно трагическому герою он боролся с нею, и, наконец, пал ее жертвою». Это двигание на первый план биологического фактора <...> лишает работу Стоюнина необходимой цельности и единства. Таким же выдвиганием на первый план «биологии» страдает и другая небольшая биография Пушкина, появившаяся вскоре после работы Стоюнина, в 1882 году, и написанная также педагогом, А.А. Венкстерном («А.С. Пушкин. Биографический очерк»): «Характер Пушкина, состоящий весь из крайностей, почти несовместимых, полный противоречий, непонятных с первого взгляда, может быть объяснен только его происхождением, соединившим в одном человеке африканскую кровь Ганнибала с чисто русской душой»⁷⁴.

Тридцать три года спустя Д.Д. Благой вновь призвал к сбалансированному подходу к биографическим фактам и свидетельствам. «Формальный и социологический методы, – писал он, – пройденный этап нашего литературоведения, хотя рецидивы того и другого порой дают себя знать. Но в настоящее время существует настороженное отношение к привлечению фактов личной и общественной жизни писателя для объяснения тех или иных явлений его творчества. В этом видят чуть ли не возврат к старому «биографическому методу», впадение в «биографизм». С этим соглашаться нельзя. Биография в широком и правильном понимании этого слова (не только события личной жизни писателя, тесно связанной с современной ему исторической обстановкой, явлениями жизни общественной, но и его мировоззрение, история его духовного развития), с одной стороны, с другой – его творчество представляют собой диалектическое единство⁷⁵. Поэтому биограф, в центре внимания которого – история жизни писателя, не может игнорировать самое главное в ней – его художественные создания. Наоборот, исследователь творческого пути писателя, в центре внимания которого находится именно это главное, отнюдь не должен отказываться как от привлечения, там, где это нужно, биографического материала, так и от возможных объяснений фактами жизни фактов творчества»⁷⁶.

Таким образом, самое главное – в правильном понимании взаимосвязи биографии и творчества. Один из первых наших пушкинистов П.И. Бартенев вспоминал: «Князь П.А.

⁷⁴ Литературное наследство. Т. 16–18. С. 255. «Ганнибальская стихия – это яростные страсти, жизнелюбие и жажда свободы», – пишет Ю. Дружников в своей книге «Узник России: по следам неизвестного Пушкина» (М.: МПИ, 1993. С. 36).

⁷⁵ См.: Левкович Я.Л. Биография Пушкина. Итоги и проблемы изучения. 1966. С. 251–302.

⁷⁶ Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. 1824–1830. 1967. С. 10.

Вяземский журил нас, что мы в каждом произведении Пушкина ищем черт автобиографических, тогда как многое писал Пушкин, вовсе забывая о себе лично»⁷⁷. Через много лет в статье «Об автобиографичности Пушкина» В.В. Вересаев тоже призывал к осторожности: «Пользоваться его поэтическими признаниями для биографических целей можно только после тщательной их проверки имеющимися биографическими данными, а никак не в качестве самостоятельного биографического материала»⁷⁸.

Стереотип «Пушкин-африканец» прочно укоренился в представлениях о русском поэте, хотя и не укладывался в канонический образ деятеля «великого и всенародно признанного». С поразительной иронией отметил это наш современник Дмитрий Пригов в пародии «Звезда пленительная Русской поэзии». Вот как там описана сцена на балу: «Входит тут Пушкин, высокий, светловолосый, с изящными руками, оглядел все это космополитическое общество и говорит зычным голосом: «Господа, на нас движется Наполеон». Все смущенно посмотрели друг на друга, словно он какую глупость при иностранце сморозил. А племянник Геккерена, маленький, чернявенький, как обезьянка, с лицом не то негра, не то еврея, вдруг ловко подставил великому поэту ножку и ушмыгнул, как зверек, в толпу засмеявшихся великосветских бездельников»⁷⁹.

Современный таджикский писатель Тимур Зульфикаров в эссе-притче о Пушкине тоже увидел поэта на светском рауте, в Зимнем дворце. «Царь сказал: Пушкин поэт, когда ты вступишь в залу – душно становится в зале. Ветер горячий приносишь ты что ли, поэт? Иль с тобой влетает, впадает твой сахарийский горячечный Ганнибал, прадед иль дед? Твое генеалогическое нерусское древо смутно колышется как пальма в кадке...»⁸⁰

И вновь сошлемся на исследование Б.И. Бурсова: «В словах Пушкина о своей внешности, якобы безобразной, но как раз в силу этого не отдаляющей, а, напротив, приближающей к осуществлению всей своей человеческой природы, заключен тот общий смысл, что всякий человек вправе воплотить себя именно как определенное, единственное в своем роде духовное существо, вопреки всяким неблагоприятным обстоятельствам. Для этого необходим соответствующий темперамент... Но когда у нас пишут о темпераменте Пушкина, то дело чуть ли не сводят к его африканской наследственности. Разумеется, мы не можем сбрасывать со счетов и этого фактора. Однако сама по себе наследственность ничего здесь не объясняет. В данном же случае она имеет значение, поскольку Пушкин и ее *сделал темой своей поэзии* (курсив мой. – А.Б.). И в своей наследственности Пушкин усматривал элемент, входящий в формулу его гениальности»⁸¹.

Ну вот, подумает читатель, старая песня: «Пушкин-арап, Пушкин-африканец», слышали! Зачем все это? Верните нам нашего Пушкина! В самом деле, зачем? Неужели, говоря о Пушкине, нельзя обойтись без «путешествия» в далекую Африку?

Оказывается, нельзя. Не только потому, что сам Пушкин придавал своей «африканской» родословной огромное значение. Но и потому, что африканские мотивы вошли в творчество поэта на всех стадиях – от лицейских стихов до зрелой прозы.

Сегодня нет опасности «недооценки» Пушкина. Остались в прошлом вульгарно-социологические подходы к его творчеству. Попытки выяснить значение «африканских» моментов в психологии личности поэта были многократно зашиканы и освистаны⁸². Думается,

⁷⁷ Русский архив, 1911. Кн. I. С. 648.

⁷⁸ Вересаев В.В. В двух планах. М., 1929. С. 78–79.

⁷⁹ Пригов Д.А. Звезда пленительная Русской поэзии. В сб.: В.Ерофеев, Д. Пригов, В. Сорокин. ЕПС, М.: Зебра Е, 2002. С. 245–246.

⁸⁰ Зульфикаров Тимур. Смерть Пушкина // Независимая газета, 05.05.1993.

⁸¹ Бурсов Б.И. Цит. соч. С. 280.

⁸² Вот один пример: стихотворение Олега Кочеткова «Признание», где автор обрушивается на «очернителей», осмеливающихся утверждать: «Что-де Пушкин-то наш – африканская кровь, Ну, а Лермонтов – это потомок шотландский. И у Блока-то,

настало время с использованием всех знаний, накопленных пушкинистикой, спокойно и беспристрастно разобраться в этом вопросе. В чем и поможет нам роман о царском арапе.

«Под небом Африки моей»

*Африка троп неторных
и глухо гудящих гонгов...
Я умираю!*

Николаас Гильен. «Баллада о двух предках»

Исторический роман о царском арапе по многим аспектам относится к большой и сложной теме, которую коротко можно назвать так: Пушкин и Африка. Вопрос об ориенталистских интересах поэта привлекает в последние годы все более пристальное внимание исследователей⁸³.

Плодотворно разрабатывающий проблему концепции Востока в творчестве Пушкина нижегородский филолог с замечательной пушкинской фамилией – Д.И. Белкин⁸⁴ выделяет – достаточно, конечно, условно – девять восточных регионов, которые в разные периоды привлекали внимание поэта: Пушкин и русский Восток; Пушкин в работе над образом африканца Ибрагима Ганнибала; Пушкин и библейский Восток; арабский Восток в стихах Пушкина; тема Турции в творчестве Пушкина; пушкинские строки о Персии; индийские мотивы в творчестве Пушкина; Пушкин и культура Китая; книги о Монголии в библиотеке Пушкина⁸⁵. (В этой классификации исследователь следует за Валерием Брюсовым, указавшим при издании в 1919 году сборника «А.С. Пушкин. Песни и стихотворения разных народов» ориентальные регионы в пушкинском творчестве. В комментариях к этому сборнику В. Брюсов отмечал, что в творчестве Пушкина «можно было обозревать всю историю человечества, весь цикл разноязычных литератур».)

Тема Африки постоянно присутствует в творчестве Пушкина. «Арапов черный рой» возникает уже на страницах «Руслана и Людмилы», негры и арапы фигурируют во многих стихотворных и прозаических произведениях разных лет. В одном из вариантов «Осени» (1833) так описано творческое вдохновение поэта:

И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей,
Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские цари... (Ш, 917)

видишь ли, – корень германский. И так далее... слушай и не прекословь! (День поэзии 1987. М., 1987. С. 204.)

⁸³ См., например: *Брагинский И.С.* Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина // Народы Азии и Африки. 1965, № 4 и 1966, № 4; *Нольман М.Л.* Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа // Народы Азии и Африки. 1967, № 4; *Лотман Ю.М.* Генезис поэтического текста. Л., 1972; *Лобикова Н.М.* Пушкин и Восток. Очерки. М.: Наука. 1974; *Грачева А.Д.* К вопросу о восточных интересах А.С. Пушкина. // Изв. АН ТССР, серия общ. наук. Ашхабад. 1976, № 3. С. 57–64; Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979; *Фейнберг И.Л.* Читая тетради Пушкина. Изд. 2-е, доп. М., 1981; *Букалов А.М.* «Земли полуденной волшебные края» (из наблюдений над африканскими мотивами у Пушкина), в сб.: Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М.: Наука, 1991. С. 181–193 и др.

⁸⁴ См.: *Белкин Д.И.* Тема зарубежного Востока в творчестве А.С. Пушкина. // Народы Азии и Африки. 1965, № 4; *Белкин Д.И.* О роли авторских примечаний в «Подражаниях Корану» Пушкина // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Вып. 145. Горький, 1971.

⁸⁵ *Белкин Д.И.* Пушкинские строки о Персии. В сб.: Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979. С. 156–214.

Стремление ассоциировать себя с далекой экзотической родиной предков удивительно емко отразилось в пушкинской формуле *Моя Африка*.

«Природа Африки моей // Его в день гнева породила» (III, 693) – так записан вариант строфы знаменитого «Анчара». В годы южной ссылки Пушкин думает о своем побеге:

И средь полуденных зыбей
Под небом Африки моей
Вздыхать о сумрачной России. (III, 26)

С легкой руки Пушкина это дерзкое присвоение стран и континентов – «моя Африка» – стало крылатым. Первым отозвался М.Лермонтов («В горах Шотландии моей...»)⁸⁶. Спустя столетие В.Набоков надумал

В горах Америки моей
Вздыхать по северной России⁸⁷...

А в самом начале XX века другой русский поэт завоевал право сказать «Моя Африка». Этим поэтом был Николай Гумилев, совершивший три путешествия в глубь Черного континента, в Эфиопию:

Оглушенная ревом и топотом,
Облаченная в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы⁸⁸.

«Моя Африка» – назвал Б. Корнилов свою поэму об африканце Вилане, красном командире, участнике гражданской войны в России.

«Моя Африка» – мог бы сказать знаменитый английский актер и писатель Питер Устинов, один из прадедов которого – эфиоп – «боролся за власть в Аддис-Абебе», а другой – «родился в 1730 году благочестивым саратовским помещиком»⁸⁹.

«Моя Африка» – говорил Пушкин, как мы сегодня говорим «Мой Пушкин». Именно так – «Мой Пушкин» – называли свои книги В. Брюсов и М. Цветаева. Кое-кто иронизировал по сему поводу (нашлись, мол, собственники!). А в этом, наверное, просто очень личное отношение к Пушкину. Просто любовь. И желание отобразить его у того, кто первым произнес «Мой Пушкин» – вспомним слова Николая I после аудиенции в Чудовом дворце Московского Кремля 8 сентября 1826 года: «Ну, теперь не прежний Пушкин, а мой Пушкин!».

«Плен в своем отечестве» (так назвал одну из своих самых проникновенных автобиографических книг мой покойный друг писатель Лев Разгон) стал для Пушкина одной из жизненных трагедий. В советском пушкиноведении эта тема, по понятным причинам, не исследовалась. В опубликованной в Нью-Йорке (а затем и в Москве) книге «Узник России» (1993) Юрий

---

⁸⁶ Подобно Пушкину, Лермонтов душой стремился на родину предков: Зачем я не птица, не ворон стеной, Пролетевший сейчас надо мной?... На запад, на запад помчался бы я, Где цветут моих предков поля.

⁸⁷ Цит. по: журнал «Москва», 1956. № 12. С. 68.

⁸⁸ Гумилев Н.С. Вступление из книги «Шатер». П-г., 1921. Африка действительно породила поэтов. Есть в Эфиопии обычай – называть детей по имени лучших друзей или знатных гостей. Современный эфиопский поэт Ассэфа Гэбре Мариам назвал своего сына *Пушкин*. Когда-то такой же чести удостоился и Гумилев: эфиопский крестьянин, принимавший в своем доме русского путешественника, назвал сына *Гумало*. «Издrevле сладостный союз поэтов меж собой связует...»

⁸⁹ См.: Книжное обозрение. № 40, от 3 октября 1955 г.

Дружников с горечью констатировал: «Пушкин никогда не был за границей. Ему не дали возможность увидеть Европу, Китай, Африку, Америку, куда он стремился...»

Мечта о побеге в Африку с особой силой пробудилась у поэта в годы южной ссылки, в портовой Одессе.

Несколько раньше в письме к П. Вяземскому Пушкин признавался: «Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит – мою душу». Можно спорить, о каких краях мечтает здесь Пушкин, но то, что Африка ярко и зримо нанесена на карту пушкинской фантазии – факт бесспорный. «Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которую не видал бы собственными глазами», – подчеркнул Пушкин (XI, 55).

Воображение поэта устремляется туда, где «темная, знойная ночь объемлет Африканское небо...» (VIII, 422). «Горит ли Африканский день, // Свежеет ли ночная тень...» – сказано в стихах о Клеопатре (отрывок «Мы проводили вечер на даче» – VIII, 420).

Комментируя другие пушкинские строки: «Я вижу берег отдаленный, // Земли полуденной волшебные края», В.Я. Брюсов заметил, что это определение, равно подходящее к Испании, к Индии или к Африке.

Внимание Пушкина к африканской теме – одно из свидетельств его «всемирной отзывчивости» (выражение Ф.М. Достоевского).

Не будем забывать, что в крепостнической России размышления о рабской судьбе африканцев звучали весьма многозначительно. В «Вестнике Европы», например, в 1815 году была опубликована «Песнь негра». Там есть такие строки:

Гром, вестник мщенья, колеблет свод неба:
Бог африканский течет к нам на помощь!
Нет! Мы омоем в крови ненавистной
Стыд свой, мученья и смерть однокровных!
Грозно докажем, что может десница,
Что может сердце Негров свободных⁹⁰.

Еще раньше, в периодическом издании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» за 1804 год, был помещен очерк «Негр» за подписью В.В. Попугаева. («Перевод с испанского» – так из цензурных соображений замаскировался автор).

Амру, «невольника, отягченного цепями», работоторговцы увозят из Африки:

«Прощай, любезное светило! – вскрикивает он с сердцем, полным уныния, – ты скоро сокроешься, и, может быть, завтра я тебя не увижу. Свирепейший тигра европеец запрет меня в мрачную темницу, из коей я не прежде выду, как пристав к месту моих страданий...»

Европеец, славящийся своим просвещением и человеколюбием, сколь ужасное ты чудовище! Ты предпочитаешь себя неграм, чем ты их превосходишь? – никогда негр не отягчал оковами белого! все зло, кое он ему сделал, есть то, что принял неблагодарного и пекся о нем во всех правилах священного гостеприимства! если же когда и применял оружие, устремляясь на его поражение, то не с намерением привести его в неволю, но дабы защитить собственную безопасность, жизнь и имение от жадного его корыстолюбия и вероломства...

...Негр не может принадлежать белому ни по каким правам. Воля не есть продажная, цена золота всего света не в силах оной заплатить, и никакой тиран ею располагать не должен". В сию минуту солнце скрылося, и несчастный негр умолк, последовав за матросом, долженствовавшим его, как и других, заключить в мрачную темницу корабля»⁹¹.

⁹⁰ Как нас учили в университетах, Африка в XIX веке оставалась, по определению К. Маркса, «заповедным полем охоты на чернокожих».

⁹¹ Цит. по: Поэты-радищевцы. М., 1935. С. 55–58.

В 1803 году Андрей Тургенев перевел пьесу А. Коцебу «Негры в неволе», в которой рабы во время работы «поют по простой, трогательной мелодии»:

Мы в горестных слезах
Хлеб рабский омочаем!
К тебе мы, смерть! взываем,
Приди избавить нас⁹².

Поэт-радищевец И.П. Пнин в «Опыте о просвещении относительно к России» (1804) сравнивал крепостное право с рабством американских негров: «Горестно, весьма горестно для россиянина, свое отечество любящего, видеть в нем дела, совершающиеся только в отечестве негров...»⁹³

Новый этап антирасистских настроений в русской просвещенной среде связан с эпохой декабризма. Взгляды декабристов формировались и под влиянием идей американской революции, взглядов борцов за освобождение негров в США. Накануне восстания на Сенатской площади «Сын Отечества» писал: «Предрассудок, ставящий черное африканское поколение, которое так долго осуждено было на тягостное рабство, гораздо ниже белого, столь повсеместно царствует в Америке, что и просвещенные Соединенные Штаты не могли освободиться от оногo»⁹⁴.

Об общих истоках рабства американских негров и русских крестьян писал декабрист М.С. Лунин: «Рабство, несовместное с духом времени, поддерживается только невежеством и составляет источник явных противоречий по мере того, как народы успевают на поприще гражданственности. Прискорбный, но полезный пример этой истины представляют Американские Штаты, где рабство утверждено законом. Признав торжественно равенство людей перед законом как основное начало их конституции, они виселицею доказывают противное и приводят оттенки цвета в оправдание злодейств, оскорбляющих человечество»⁹⁵.

Пушкин, разделявший многие настроения и взгляды декабристов, безусловно, солидаризировался с их антирасистским пафосом. Он не только знал о бесправном, угнетенном положении африканских народов, «моей братии негров», но еще в 1824 году горячо желал им «освобождения от рабства нестерпимого» (XIII, 99). Между прочим, активисты американского негритянского движения в XX веке чутко уловили эту сторону пушкинского творчества. В одной из статей о романе говорилось: «В шести кратких главах Арапа Петра Великого Пушкин с нескрываемой симпатией затронул тему одиночества черного человека в обществе белых»⁹⁶.

Эта тема тесно переплеталась в творческом сознании поэта с «памятью рода», с идеей о русском «ганнибальстве», представителем и наследником которого поэт не переставал себя ощущать.

Пушкин всю жизнь собирал сведения о прадеде. Он в 1824 году получил семейные документы у своего двоюродного деда «старого арапа» П.А. Ганнибала в его поместье Сафонтьево, в 60 верстах от Михайловского, а десять лет спустя, работая над «Историей Петра», выписывал из разных источников сведения об Абраме Петровиче. Сохранившаяся в библиотеке поэта шеститомная «История Петра Великого» Вениамина Бергмана (выпущенная в 1833–1834 годах в Петербурге в переводе с немецкого) разрезана на некоторых, важных для Пушкина страницах, в том числе посвященных А.П. Ганнибалу (том шестой).

---

⁹² Цит. по сб.: Болдинские чтения. Горький, 1984. С. 145.

⁹³ Пнин И.П. Сочинения. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан, 1934. С. 139.

⁹⁴ Сын Отечества. 1825. № 20. С. 475–479.

⁹⁵ Лушин М.С. Сочинения и письма. Пг., 1929. С. 49.

⁹⁶ The Negro in World History. Part V. Puskin // The Times-Union Tuesday Magazine. November 1966. P. 19.

Примерно к этому же времени (лето 1834 года) относится запись в дневнике Пушкина о вечере у Е.А. Карамзиной: «Она едет в Тайцы, принадлежавшие некогда Ганнибалу, моему прадеду» (XII, 330).

Один из анекдотов в Table-talk⁹⁷ рисует «обычай Петра» и относится к эпизоду, связанному с детством Ганнибала и его службой у царя: «Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке...» (XII, 157). В черновике было сказано конкретнее: «Арап Ганнибал сопровождал Петра I в одном из его путешествий» (XII, 397). Любопытна другая фраза в пушкинском черновике, дающая представление об отношении Петра к своему маленькому крестнику: «Петр сам помог ему освободиться от глисты и при сем случае объяснил ему ученым образом...» (там же). Этот довольно натуралистический эпизод Пушкин вписывает в тетрадь, но не включает в окончательный текст своих «Застольных бесед» (Table-talk).

Пушкин поделился своей информацией о прадеде с историком Д.Н. Бантыш-Каменским, автором биографической заметки «Ганнибал» в «Словаре достопамятных людей Русской земли» (М., 1836). В конце заметки указаны источники: «Из Анекдотов г. Голикова; Дипломатич. собрания дел между Российским и Китайским государствами; Московских ведомостей; Примечаний к первой главе Онегина, и по словесному преданию, переданному мне родным правнуком А.П. Ганнибала, Александром Сергеевичем Пушкиным».

В России всегда нелегко было найти что-нибудь в архивах. Об этом писал М.Е. Салтыков-Щедрин: «Так как архивные дела, по обыкновению, оказались сгоревшими (а может быть и умышленно уничтоженными), то пришлось удовольствоваться изустными рассказами и преданиями».

«Арапов черный рой»

*В чалме пуцовой, щегольски одет,
Стоял арап, его слугитель верный*

М.Ю. Лермонтов. «Сашка»

Высокое положение «царского арапа» при дворе, успешная карьера военного инженера объясняются не только личными качествами Ганнибала, его умом и трудолюбием, но и политикой Петра, широко распахнувшего границы Российского государства для «полезных» людей разной породы и племени. Политикой, вошедшей в историю под формулой Пушкина: «все флаги в гости». Именно этот своеобразный петровский «интернационализм», очевидно, имел в виду Достоевский в своей знаменитой пушкинской речи 1880 года: «Мы не враждебно (как казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий...»⁹⁸

Пушкин признавался, что его всегда волновала «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний». Изучая документы петровского времени, он вряд ли мог не обратить внимания на известный официальный портрет Петра Великого работы А. Шхонебека. Царь изображен на нем в голландском кафтане, в чулках и башмаках, в большой круглой шляпе с перьями и загнутыми полями, из-под шляпы падают на плечи длинные локоны парика. В правой руке Петр держит скипетр. Картину дополняет фигура стоящего позади мальчика-арапа.

⁹⁷ Эту подборку пушкинских миниатюр обычно датируют 1835–1836 годами. Однако рассматриваемая нами новелла, судя по бумаге, написана в 1831 году. (См.: Левкович Я.Л. Table-talk Пушкина. Русская литература. 1987. № I. С. 73.)

⁹⁸ Достоевский Ф.М. Собр. соч. М., 1958. Т. X. С. 457.

Портрет этот, сделанный еще до прибытия Ганнибала в Россию (Шхонебек умер в 1704 году), не просто показывает одну из петровских причуд: картина зафиксировала сам факт русского «арапства» на рубеже XVII–XVIII веков.

Обычай пользоваться «арапами», неграми в качестве рабов и слуг ведет свою историю с глубокой древности. В XVIII веке в Германии, пожалуй, не было ни одного короля или владетельного герцога, который бы не имел «арапов» в своей свите. В Россию эта мода стала проникать еще в конце XVII века (есть сведения, в частности, что арап был среди челяди боярина А.С. Матвеева). При дворе Петра и Екатерины было уже более десятка «декоративных» черных слуг⁹⁹. Так, например, при праздновании Ништадтского мира в Петербурге 10 сентября 1721 года императрица появилась на маскараде на Троицкой площади, окруженная восемью арапами в индийских костюмах.

Интересно, что институт «придворных арапов» сохранился в России до последнего дня царствования дома Романовых. В дневнике французского посла в Петрограде Мориса Жоржа Палеолога имеется следующая запись, датированная 13 марта 1917 года: «...У Летнего сада я встречаю одного из эфиопов, которые караулили у двери императора, и который столько раз вводил меня в кабинет к императору. Милый негр тоже надел цивильное платье, и вид у него жалкий. Мы проходим вместе шагов двадцать; у него слезы на глазах. Я говорю ему несколько слов утешения и пожимаю ему руку. В то время как он удаляется, я следую за ним отчаянным взглядом. В этом падении целой политической и социальной системы он представляет для меня былую царскую пышность, живописный и великолепный церемониал, установленный некогда Елизаветой и Екатериной Великой, все обаяние, которое вызывали эти слова, отныне ничего не означающие: «русский Двор»...

Со второй половины XVIII века восточная, в том числе «арапская», тема прочно вошла в литературный и культурный быт обеих русских столиц. Африканская экзотика становилась модой, распространенным орнаментом во многих произведениях изобразительного и декоративно-прикладного искусства того времени, как привозимых из-за рубежа, так и принадлежавших кисти и резцу отечественных художников и скульпторов. Они украшали «арапский» зал Эрмитажа, гостиные и кабинеты многих дворцов Петербурга и Москвы. Вспомним, например, выставленный в Третьяковской галерее известный конный портрет императрицы Елизаветы Петровны с арапчонком работы Г.-Х. Гроота (1743). Примерно к тому же времени относится серия чрезвычайно выразительных фигур «Негры», изготовленных на императорском фарфоровом заводе в Петербурге (ныне хранятся в Русском музее). Назовем также портрет Екатерины I с арапчонком работы Ивана Адольского, скульптуру Б.К. Растрелли «Анна Иоанновна с арапчонком». В этом же ряду стоит и миниатюра на золотой табакерке: женщина в легкой одежде, повергающая темного воина-галла. (Эта табакерка была подарена Петром Первым А.П. Ганнибалу и хранилась в семье его потомков до 1918 года¹⁰⁰.)

Традиции эти были живы в пушкинское время в среде русского дворянства. «От скуки я взяла с собой арапку-девку да собачку», – говорит старая московская барыня Хлестова в грибоедовской комедии «Горе от ума». Она же дает портрет своей черной невольницы:

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг:
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошачьи хватки!
Да как черна! Да как страшна!
Ведь создал же Господь такое племя!

⁹⁹ См.: Хмыров Д.М. Графиня Е. К. Головина и ее время. СПб, 1867. С. 93–94

¹⁰⁰ См.: Фейнберг И.Л. Цит. соч. С. 17–18.

Чорт суший¹⁰¹...

Между прочим, *арапка-девка* попала в Россию из Африки тем же «маршрутом», что и маленький арап Ибрагим. Об этом свидетельствуют слова Хлестовой:

Представь: их как зверей выводят напоказ...
Я слышала, там... город есть турецкий...
А знаешь ли, кто мне припас? —
Антон Антоныч Загорецкий.

Попутно выясняется, что Загорецкий «двоих арапченков на ярмонке достал».

Рассказывая о Москве своего детства (в «Путешествии из Москвы в Петербург», 1833–1835 гг.), Пушкин вспоминает богатого чудака, который «на запятки четырехместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой» (XI, 246).

Однажды в письме к П.А. Вяземскому Пушкин дал настоящую словарную справку, уточняющую различие в употреблении слов «араб» и «арап»: «*Араб* (женского р. не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. Караван был разграблен степными арабами. *Арап*, женск. *арапка*, так обыкновенно называют негров и мулатов. Дворцовые арапы, негры, служащие во дворце. Он выезжает с тремя нарядными арапами...» (XVI, 208).

Сам же Пушкин в своем творчестве очень точно различал применение этих понятий, употребляя слова арап (всего 52 раза) и негр (15 раз) как синонимы, соответствующие слову африканец¹⁰².

Начиная «Записки П.В. Нащокина» (1830 год), Пушкин приводит детские воспоминания своего друга: «На дворе собирается огромный обоз – крыльцо усеяно народом – гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными майорами в старинных мундирах и проч.» (XI, 189)¹⁰³. И далее: «Вслед тянулись кареты <...> За ними ехала длинная решетчатая фура с дураками, арапами, карлами, всего 13 человек» (XI 190) Еще подробность: «В числе приближенных к отцу моему два лица достойны особого внимания: дурак Иван Степаныч и арапка Мария» (XI, 191).

Занося в Table-talk свои разговоры с Н.К. Загряжской, Пушкин записывает и ее рассказ об арапе Нарциссе при дворе Петра III (XII, 177).

А вот извещение об отъезде из столицы в «Санкт-Петербургских ведомостях», типичное для начала XIX века: «Действительная камергерша Ольга Александровна Жеребцова с дочерью ее Елизаветой Александровной и племянницей девицей Катериной Ивановной; при них польской нации девица Роза Немчевичева, немецкой нации скороход Фердинанд Ранфельд, арап Иван Кочанин и крепостной человек Никифор Яковлев»¹⁰⁴. Арап, хоть и тоже невольник, но в табели о рангах стоит выше крепостного...

Орест Кипренский, автор прославленного пушкинского портрета, следует моде: пишет петербургских красавиц сестер М.А. Потоцкую и С.А. Шувалову (середина 1830-х годов), а рядом экзотики ради, помещает и третью деву – «эфиопянку»¹⁰⁵. Карл Брюллов, создавая порт-

¹⁰¹ Грибоедов А.С. Избранные произведения. Б-ка поэта (Малая серия). Л., 1961. С. 148.

¹⁰² См.: Левашов Е.А. Словарная справка Пушкина. Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979. С. 110–117. Назначение этой лексической справки неизвестно. Высказывается предположение, что она могла служить комментарием к «Арапу Петра Великого» (см.: Переписка А.С. Пушкина. Т. I. М., 1952. С. 327, примечание М.И. Гиллельсона).

¹⁰³ Не в этих ли строках объяснение пушкинских слов в письме П.В. Нащокину от 1 июня 1831 года: «...Опять бы завелись и арапы, и карлики, и сотерн и пр.».

¹⁰⁴ Санкт-Петербургские ведомости, 26 февраля 1801 г.

¹⁰⁵ См.: Паустовский К.Г. Кипренский. М., 1985. С. 53. Эти традиции сохранялись и в живописи второй половины

рет своей возлюбленной графини Юлии Самойловой, тоже изображает ее вместе с воспитанницей и арапчонком.

Европейская литература к концу первой четверти XIX столетия уже накопила богатый опыт «арапских» вкраплений в канву повествования (В. Скотт помещал ради эффекта в свите своего героя негров. Он даже дал особое примечание к «Айвенго»: «Я потому сделал рабов черными, что хотел представить противоположность более разительную»¹⁰⁶). Непревзойденным образцом яркости и психологической достоверности оставались «арапские» драматические герои Шекспира – о них речь пойдет отдельно. Запоминающиеся образы людей Востока встают со страниц «Персидских писем» Монтескье¹⁰⁷.

Европейский опыт изображения Востока осваивала и русская литература¹⁰⁸. В духе традиций европейской «ориентальной повести» изобразил И.И. Лажечников дворцовых арапов в романе «Ледяной дом»: «Из-за высокой спинки кресел видна черная, лоснящаяся голова, обвитая белоснежною чалмою, как будто для того, чтобы придать еще более достоинства ее редкой черноте. Можно бы почесть ее за голову куклы, так она неподвижна, если бы в физиономии араба не выливалась душа возвышенно-добрая и глаза не блестели то негодованием, то жалостью при виде страданий или неволи ближнего». Это описание Николая, слуги графа Волынского. В другом месте приоткрывается тайна его происхождения: «Черный невольник, сын жарких и свободных степей Африки, может быть царь в душе своей». И наконец, следует портрет «арапки, привезенной вместе с ним в Россию»: «Молодая пригожая негритьянка, с коралловым ожерельем вокруг черной шеи в белой шерстяной одежде...»¹⁰⁹

Этим образом близок герой неоконченной лермонтовской поэмы «Сашка» (1835–1836 гг.):

<...> У дверей с недвижностью примерной,
В чалме пунцовой, щегольски одет,
Стоял арап, его служитель верный.
Покрыт, как лаком, был чугунный цвет
Его лица, и ряд зубов перловых,
И блеск очей открытых, но суровых,
Когда смеялся он иль говорил,
Невольный страх на душу наводил¹¹⁰...

Оказывается, у арапа есть родина, и он часто вспоминает «о дальней Африке своей»:

...Однако были дни давным-давно,
Когда и он на берегу Гвинеи

XIX века. В Третьяковской галерее есть картина художника И.О.Миодушинского, иллюстрирующая эпизод из «Капитанской дочки» Пушкина: Маша Миронова вручает письмо Екатерине II (1863 г.). На втором плане – фрейлины, наследник Павел и юный паж-арап.

¹⁰⁶ Отмечено Д.П.Якубовичем (см. сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. Л., 1979. С. 271).

¹⁰⁷ См.: *Белкин Д.И.* «Арап Петра Великого» А.С.Пушкина и «Персидские письма» Монтескье. В сб.: *Литературные связи и традиции*, выпуск 160. Горький, 1973. С. 122–130. Вспомним, что томик Монтескье увидел Вульф на столе Пушкина в Михайловском...

¹⁰⁸ См.: *Эберман В.* Арабы и персы в русской поэзии. // Восток. Кн. 3. М., Пг., 1923; *Кубачева В.Н.* Восточная повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века. XVIII век. – Сб. 5. М.; Л., Изд. АН СССР, 1962.

¹⁰⁹ *Лажечников И.И.* Ледяной дом. Л., 1982. С. 31, 103, 178–179.

¹¹⁰ *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч. Л., 1980. Т. II. С. 316–317. П.А.Висковатов, опубликовавший полностью эту поэму в 1882 году, писал тогда же: «Арап этот был слугою в доме Лопухиных, близких друзей Лермонтова. Он его очень любил и в одном из своих писем упоминает о нем, как о друге» (Русская мысль. 1882. Кн. 1. С. 111). Сохранился акварельный портрет арапа Ахилла, выполненный Лермонтовым в альбоме А.М.Верещагиной (см. об этом в сб.: М.Ю.Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979. С. 59–61).

Имел родной шалаш, жену, пшено
И ожерелье красное на шее,
И мало ли?.. О, там он был звено
В цепи семей счастливых...

< . . . >

Но родина и вольность, будто сон
В тумане дальнем скрылись безвозвратно...
В цепях железных пробудился он.
Для дикаря все стало непонятно —
Блестящих городов и шум и звон¹¹¹...

Арапы – популярные персонажи многих театральных представлений в XVIII–XIX веках. Например, в Опочке Псковской губернии в 1820-х годах в общественном сарае близ магистрата был открыт театр, в котором среди прочих давалась «тальянская» опера с длинным названием «Действия королевы Дидоны, князя Енея – любовника Дидонья и Жоржа Дидор – короля арапского»¹¹².

Известны лицейские стихи Пушкина, обращенные к актрисе крепостного театра В.В. Толстого, выступавшего в Царском Селе:

...Наталья!
Выслушай еще меня:
Не владетель я Сераля,
Не арап¹¹³, не турок я. (I, 7)

Вот как комментирует эти строки театровед: «Негры и мавры часто появлялись на сцене в трагедиях («Зулима» Вольтера), драмах («Негры-невольники» А. Коцебу; пьеса эта неоднократно переводилась на русский язык и ставилась на сцене), операх («Оберон» Враницкого, «Волшебная флейта» Моцарта). В черной маске, обшитой шерстью, выступал Арлекин. Негр Осмин, невольник в опере В. Пашкевича (текст Матинского) «Тунисский паша», поясняет: «В Италии и Франции в обыкновение, чтоб черный человек, которого называют там Арлекином, представлял слугу и делал разные обманы, приняв на себя разные виды. Иногда делается он господином, иногда морским разбойником»¹¹⁴. В уникальном музее Центрального театра кукол имени С.В. Образцова выставлена выразительная кукла арапа – героя театра марионеток XVIII века. Это весьма популярный персонаж. Вспомним перечисление участников труппы кукольного театра в умной и познавательной сказке А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино»: «Все куклы – и Арлекин, и девочки в черных масках, и колдуны в острокопанных шапках со звездами, и горбуны с носами, как огурец, и арапы, и собачки, – все, все, все куклы удрали от Карабаса-Барабаса». Традиции народного кукольного театра, ярмарочного балагана, с непременно участием арапов-злодеев или разбойников, безмолвных рабов или восточных царей, перешли и в XX век. Вот, например, главные действующие лица знаменитого балета И. Стравинского «Петрушка», поставленного в Париже в 1911 году, – фокусник и его куклы: балерина, арап и Петрушка. Авторы либретто (И. Стравинский и А. Бенуа) уточ-

---

¹¹¹ Там же. С. 318.

¹¹² См.: Гейченко С.С. У Лукоморья. Изд. 3-е, доп. Л., 1977. С. 54

¹¹³ В черновой рукописи – «араб».

¹¹⁴ Гозенбуд А.А. Пушкин и русский театр десятых годов XIX в. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 35. См. также главу «Один какой-то шут печальный» (С. 233).

няют: «Действие происходит в Петербурге на масленичном гулянье в 30–40-х годах прошлого века»¹¹⁵.

Не случайно М.А. Булгаков, тонкий знаток театральных эффектов, в своей посвященной Пушкину пьесе «Последние дни» выводит на сцену фигуру арапа:

«Николай I и Натали, затем Николай I и Жуковский – на балу у Воронцовых. Где-то там, в продолжении уже невидимого нам зала, невидимый нам Пушкин (Николай I: «Я плохо вижу... кто этот черный стоит у колонны?») – Жуковский всматривается. Подавлен). Между тем безмолвный свидетель объяснений царя с Натали, а потом с Жуковским – обе сцены красноречиво характеризуют как семейную ситуацию, так и общественное положение поэта – «у колоннады, неподвижен, негр в тюрбане»¹¹⁶.

Эта зловещая фигура привлекла внимание исследователей: «Негр местонахождением, позой, «цветом», наконец, зеркально отражает неприсутствующего Пушкина – тоже у колонны, тоже «стоит», тоже черен. Негр – проекция расовой принадлежности поэта. Может быть, речь идет о чем-то еще более значительном. Можно спорить о смысловом объеме отражения – важно, что назначение «негра» в пьесе не исчерпывается его прямыми служебными функциями»¹¹⁷.

Разговор об арапах помогает уяснить литературную и общественную ситуацию, в которой Пушкин приступил к своему историческому роману. Разбивая сложившиеся стереотипы условно-романтической традиции своего времени, Пушкин впервые в русской литературе сделал африканца главным героем художественного произведения.

Это был вызов. Да, «купленный арап», да «черен и не нашей породы». Но, возвращенный Петром, он оправдал его надежды, учился в заморских странах точным наукам, вернулся по зову долга на свою вторую родину, «отличался умом точным и наблюдательным». *Царю наперсник, а не раб!*

Обратим внимание на одну деталь: в первом пушкинском историческом романе герой – негр, арап, африканец – выступает «на равных» с другими персонажами петровского окружения (так же как и парижского света). Новизна этого образа в том, что традиционно понятие «негр» было синонимично понятию «невольник». Даже белых рабов (крепостных) именовали неграми (как в стихотворении Вяземского, 1820 года:

Пусть белых негров прекратится
Продажа на святой Руси¹¹⁸.

Психология творчества – тонкая материя, очень трудно понять и выявить скрытые пружины движения писательской мысли. Мы достоверно знаем только ее результат – постоянное присутствие «арапской» темы в пушкинском художественном мире. Пушкин, автор не только своих произведений, но и своей жизни, по замечательному определению Ю.М. Лотмана, как бы «экстраполировал» образ бывшего арапа-«аманата» на собственную судьбу. Так потомок черного невольника стал «невольником чести», чья биография оборвалась на Черной речке.

В течение всей жизни отношение к этой теме определяло многие творческие импульсы и поиски Пушкина, круг его чтения, знакомств, эстетических интересов.

¹¹⁵ Слонимский Ю., Друскин М. Петрушка. Балет, муз. И. Стравинского. Изд. Ленинградского Гос. акад. театра оперы и балета. 1935. С. 3.

¹¹⁶ Булгаков М.А. Пьесы. М., 1962. С. 312.

¹¹⁷ Есипова О. Пушкин в пьесе М. Булгакова. В сб.: Болдинские чтения. Горький, 1985. С. 185.

¹¹⁸ Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1958. С. 145. Ср. с названием романа англичанина Ч.Ф. Хеннингсена «Белая невольница, или Русская крестьянка» (The white slave or the Russian peasant-girl. London, 1845). См.: Букалов А.М. Прадед мой арап // Книжное обозрение. 1986 г. 19 июля.

«Все волновало нежный ум»

*Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его
живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга,
и в отдохновении чувств... (XII, 93)*

А.С. Пушкин. «Путешествие В.Л.П.»

Если сначала, в детстве и юности поэта, появляется только смутное осознание своей «непохожести», то постепенно чувство это сменяется острым любопытством, желанием как можно больше узнать о своих предках и об их далекой родине. Этот интерес многогранен: он объясняется и принадлежностью А.П. Ганнибала к славной Петровской эпохе, его близостью к великому преобразователю России, чья личность и деяния притягивали так властно внимание Пушкина – художника и историка, и увиденным в судьбе Ганнибала сходством с отдельными фактами и явлениями собственной жизни.

Вместе с постижением этих своих дальних корней начинается развитие африканской темы в творчестве Пушкина.

В детстве его представление об Африке было самым общим, расплывчатым, как у большинства дворянских детей начала XIX века. Сергей Львович Пушкин 1 марта 1811 года написал прошение о приеме сына Александра в Царскосельский лицей, указав, что тот «получил воспитание в доме родителя, где приобрел первые сведения в грамматических познаниях русского и французского языков, арифметике, географии, истории и рисовании».

Прошение удовлетворено, и вот уже юный Саша Пушкин в сопровождении дяди Василия Львовича едет из Москвы в Петербург и далее – в Царское Село, в «город Лицей на 59-м градусе широты», как шутили потом лицеисты.

В лицее 12 августа 1811 года, на вступительном экзамене, том самом, известном нам по мемуарам И.И. Пущина, выяснилось, среди прочего, что отрок А. Пушкин «в начальных основаниях географии – имеет сведения».

Итак, в условиях домашнего воспитания, когда «учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», были почерпнуты только самые первые сведения о многих науках, в том числе географии. Учили гувернеры, учили книги из богатой отцовской библиотеки.

Всероссийский музей А.С. Пушкина приобрел у потомков семьи Шереметевых игральные игры, состоящие из фрагментов гравированных географических карт, которые предназначались для обучения географии «недорослей» в дворянских семьях XVIII–XIX вв. Такие игры-карты могли быть и в семье Пушкиных или их московских знакомых¹¹⁹. В ходу были и географические самоучители, и книги для детей. «Способ научиться самим собою географии. Издал И.Н., Москва, 1798, с 37 картами». Издатель извещает: «Книга сия выдается для малолетних детей».

В дворянских семьях пользовалась популярностью изданная в 1807 году География Е.Ф. Зябловского (Гоголь взял эпиграф из этой географии для «Миргорода»).

В Царскосельском лицее географию учили уже по настоящим картам, атласам и глобусам (они были почти все заграничного происхождения. Первые глобусы, изготовленные в России для учебных целей, преподнесены Московскому университету в 1823 году их автором геогра-

---

¹¹⁹ «Аналогичные игральные карты имеются в экспозиции Останкинского дворца-музея творчества крепостных (г. Москва). Географические понятия дворянские дети твердили с детства, кто выучивал их с помощью лото и игральные карты, кто от гувернера-француза: подобно Петруше Гриневу. Вместо занятий с мосью Бопре (для чего «выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене без всякого употребления») дворянский недоросль пускал бумажных змеев и «прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды» (VIII, 280). Посчитав это употребление слишком несерьезным, составители Справочного тома к Большому академическому собранию (М–Л., 1959) даже не включили Мыс Доброй Надежды в указатель имен и географических названий, упомянутых Пушкиным.

фом Ф. Пристлеем с такой надписью: «Сии Глобусы, сделанные в первый раз в Москве, при книге, служащей руководством к употреблению их ¹²⁰, честь имею поднести первому Российскому Университету в знак глубочайшего уважения к сему святилищу Наук. Ф. Пристлей». Глобусы эти и сейчас можно увидеть на выставке редких книг в бывшем актовом зале МГУ. Попадавшие в Россию из-за границы учебные пособия по географии, в частности глобусы, отражали уровень географических знаний того времени. (В музее обсерватории Тартуского (бывшего Дерптского) университета выставлен земной глобус диаметром 54 см, изготовленный в Лондоне в 1800 году фирмой «Кари». На нем, между прочим, подробная карта Эфиопии!)

По каким же учебникам лицеисты изучали географию? Перед самым открытием лицея были переведены на русский язык с немецкого две книги одного автора: А.Х. Гаспари «Новое всеобщее землеописание для употребления в училищах», СПб., 1809, с картами и А.Х. Гаспари «Новейшее и подробное землеописание Европы, Азии, Африки, Америки и Южной Индии в нынешнем каждого государства состоянии», с геогр. картами всех частей света, СПб., тип. И. Глазунова, 1810. Незадолго до этого третьим изданием была опубликована «Новейшая всеобщая география, или Описание всех частей света Европы, Азии, Африки, Америки и Южной Индии; с историей народов и всех государств от начала оных до наших времен», в 3-х частях, СПб., 1809.

Были в лицейской библиотеке и уже несколько устаревшие «Новейшая всеобщая география, содержащая в себе пространное сведение о четырех частях света, с присовокуплением обозрения Российской Империи», СПб., 1793, «Всеобщее землеописание, изданное для народных училищ Российской Империи» (2-е тиснение), авторы – И.Ф. Гакман и Ф.И. Янкович де Мириево, СПб., тип. Комис. об учреждении училищ Ф. Брункова, 1789 и прочие учебники. Среди них – География В. Кряжева (издание 1816 г., а не первое, 1806 г.), вероятно, лучший учебник первой трети XIX столетия. Часть III, объемом в 200 страниц, посвящена Африке. Директор лицея В.Ф. Малиновский наряду с другими русскими и иностранными изданиями выписывал журнал «Вестник Европы», уделявший значительное место на своих страницах восточным материалам: описаниям путешествий, переводам образцов поэзии Востока и т. д.

География не входила в число «профилирующих», как бы мы сейчас сказали, предметов обучения в лицее. Мемуары лицеистов не сохранили фамилии учителей географии, за одним исключением: в младших классах в 1816–1817 годах географию (и историю) преподавал молодой И.П. Шульгин, впоследствии – профессор и ректор Петербургского университета...

Интерес к древнему Востоку пробуждал у лицеистов профессор истории И.К. Кайданов. В его лекциях большое внимание уделялось Египту, Аравии, истории магометанской религии.

Наступила весна 1817-го. Годы учения – позади, прошли экзамены (в том числе и по географии: 21 мая – иностранная география и статистика, 26 мая – в день рождения Пушкина – восемнадцатилетие! – отечественная география и статистика), и вот уже Александру Пушкину вручено свидетельство выпускника: «В течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в Законе Божьем и священной истории, в логике и нравственной философии, в праве естественном, частичном и публичном, в российском гражданском и уголовном праве хорошие; в латинской словесности, в государственной экономии и финансах весьма хорошие; в российской и французской словесности, а также в фехтовании превосходные. Сверх того, занимался историей, географией, статистикой, математикой и немецким языком».

В первый петербургский период друзья по «арзамасскому братству» корят его за малые знания. «Не худо бы, – пишет Константин Батюшков, – его запереть в Геттинген и кормить три года молочным супом и логикой». Однако до университета в Германии дело не дошло – его заменила ссылка: сначала на Юг, потом в Псковскую губернию.

¹²⁰ Рассуждение об употреблении глобусовъ, изданное Ф. Пристлейемъ. М., Типография С. Селивановского, 1823.

Сознание того, что многому следует еще подучиться, не оставляет его. В Кишиневе вышел казус: не сумел показать на карте какое-то известное географическое место, а вызванный тут же крепостной денщик одного из офицеров – сумел!

Пушкин сознает изъяны своего образования и продолжает учиться – всю жизнь он совершенствует знания в самых различных областях и, стремясь «в просвещении стать с веком наравне», становится постепенно одним из энциклопедически образованных людей своего времени.

Итак, за книги! Кропотливая, ежедневная работа ума в ссылках не прекращалась. В Михайловском Пушкин жаловался друзьям, что не имеет средств учиться, «пока пора», – но, тем не менее, он нашел эти средства. М.В. Юзефович, встретивший Пушкина на Кавказе в 1829 году, заметил, что Пушкин воспользовался ссылкой для пополнения своего образования.

«Жажда размышлений», о которой Пушкин писал в известном послании к Чаадаеву из кишиневской ссылки, крепла из года в год, превращаясь в неутолимую духовную потребность.

В «программе самосовершенствования» важное место Пушкин отводит познанию Востока, мир которого с детских лет пленил его воображение. Источники сведений Пушкина об этом загадочном мире и, в частности, обо всем, что так или иначе связано с Африкой, были самые разнообразные. Прежде всего – книги и журналы, русские и иностранные.

Впрочем, для многих поэтов, не только для Пушкина, интерес к Востоку окрашен сугубо личными тонами. В России это относится к Василию Жуковскому, «сыну прекрасной турчанки», а в Европе – к Шарлю Бодлеру. Главное увлечение всей жизни французского поэта мулатка Жанна стала для него воплощением изощренной восточной красоты.

Безусловно, обращение Пушкина к восточной теме отражало и возросшее в конце XVIII – начале XIX века внимание европейской культуры, в том числе русской, к Востоку¹²¹. Кроме того, специальный интерес русского общества к странам Востока вызывался частыми войнами с пограничными мусульманскими государствами, а также дипломатической активностью Российской империи в Восточном Средиземноморье¹²². Особенно вырос объем западноевропейской (и переводной русской) литературы на восточную тему после египетской экспедиции Наполеона Бонапарта.

Появляются и путевые записки первых русских путешественников, побывавших в странах Африки и Ближнего Востока. Еще с 1786 году опубликовал свой отчет о плаваниях в Тунис и Алжир бригадир флота М.Г. Коковцев. В его книге явственно прозвучали ноты уважения к народам, населяющим Северную Африку, к их обычаям и достоинствам. «Несправедливо было бы, – писал Коковцев, – осуждать целый народ потому только, что в нем, носят на голове чалмы, но должно рассматривать его законы, обычаи, воспитание, климат, их правление и по тому делать общее заключение»¹²³.

Большим успехом пользовалась и книга капитана В.М. Головина о его плавании на шлюпе «Диана» из Кронштадта через южную оконечность Африки на Камчатку в 1807–1809 годах.

В. Кюхельбекер, например, писал в журнале «Невский зритель» в феврале 1820 года: «Когда мы услышали, что в «Сыне отечества» будут появляться время от времени описания пера г. Головина, мы обрадовались и приготовились читать статьи занимательные без всяких пустых украшений, восторгов и восклицаний – мы не ошиблись».

---

¹²¹ См. об этом: Лобикова Н. Пушкин и Восток. С. 6.

¹²² Этот интерес подметил Н.М. Карамзин в своей статье «О книжной торговле и любви к чтению в России» (1802): «Самые бедные люди подписываются (на газеты. – А.Б.), и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель!»

¹²³ Цит. по: Изучение Африки в России М., 1977. С. 74.

В 1818 году в Петербурге открывается Азиатский музей, ставший центром отечественной ориенталистики. Ширится преподавание и изучение восточных языков, и вот уже Пушкин, описывая в «Послании к Дельвигу» жилище рижского студента, упоминает

Творенья Фихте и Платона
Да два восточных лексикона... (III, 69)

Пушкин внимательно следит за публикациями по Востоку, он мог просматривать книги и журналы на эту тему в Петербургской публичной библиотеке, в книжных собраниях Москвы, Одессы¹²⁴, Три-горского...

Осведомленность поэта в международных делах вообще поражала современников. Адаму Мицкевичу при встречах и беседах с Пушкиным казалось, что тот прибыл с прений в европейских парламентах. А.О. Смирнова-Россет в шутку назвала поэта «министром иностранных дел на русском Парнасе».

Конечно, восточные интересы Пушкина отразились и на составе его личной библиотеки (в описании Б.Л. Модзалевского в частности, упоминается четырехтомная «Всеобщая география» Мальте-Бруна, изданная в Брюсселе в 1829–1830 годах и разрезанная на страницах, посвященных Африке и Абиссинии).

П.А. Плетнев, один из ближайших друзей Пушкина, писал: «Едва ли кто из наших литераторов успел собрать такую библиотеку, как он. Не выходило издания почему-либо любопытного, которого бы он не приобретал. Издерживая последние деньги на книги, он сравнивал себя со стекольщиком, которого ремесло заставляет покупать алмазы, хотя на их покупку и богач не всякий решится»¹²⁵.

Другим важным источником ориентальных знаний Пушкина в разное время, на протяжении многих лет являлись его знакомые востоковеды, путешественники – все, кто мог сообщить ему те или иные сведения о «полуденной земле». Кто же были эти собеседники поэта?

Первым среди них назовем Осипа Ивановича Сенковского (1800–1858) – крупнейшего востоковеда, арабиста и тюрколога, профессора Петербургского университета, литератора и путешественника. «Лекции его не ограничивались языком и литературой, а были живою энциклопедиею науки о Востоке», – вспоминал ученик Сенковского П. Савельев. «Я не Сенковский, чтобы знать все в мире языки!» – восклицал А. Бестужев-Марлинский.

Сенковский, писавший под псевдонимом *Барон Брамбеус*, известен и своей издательской деятельностью – с 1834 года он редактировал журнал «Библиотека для чтения». (В 1836 году, например, в т. XV «Библиотеки для чтения» можно найти сообщение об англоазиатской войне рядом с объявлением об ожидающемся выходе в свет первого выпуска пушкинского «Современника».) Отношение Пушкина к литературной работе Сенковского было сложным, но поэт неизменно ценил его эрудицию в вопросах востоковедения. «Многие из его статей <...> достойны были занять место в лучших из европейских журналов. В показаниях его касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные...» (XII, 96), – скажет Пушкин в том же 1836 году в «Письме к издателю». Интерес Пушкина к восточным познаниям Сенковского был постоянным. Внимательно следил он за публикациями о путешествии Сенковского в Египет и Нубию (1820 год) – это была одна из первых русских экспедиций в государство Мухаммеда Али, правителя Египта, присоединившего к своим владениям большую часть Аравии и Судана, Киренаику, Палестину, Сирию, Ливан, приморские провинции Эфиопии и Сомали. В июне 1836 года Пушкин размещает на листе голубой бумаги арабские буквы

¹²⁴ В известной Воронцовской библиотеке в Одессе, основанной С.Р. Воронцовым, русским послом в Лондоне, и пополненной его сыном М.С. Воронцовым, под началом которого служил Пушкин, имелись десятки книг и статей об Африке. Библиотека сохранилась почти целиком.

¹²⁵ А.С.Пушкин в воспоминаниях... Т. II. С. 253.

с объяснением их произношения. Есть основания полагать, что они записаны со слов Сенковского (предположение Л.И. Жеркова).

Вениамин Каверин в книге «Барон Брамбеус» писал: «С помощью «Библиотеки для чтения» Сенковский ввел в интеллектуальный обиход русского общества научные вопросы, которые были достоянием крайне узкого круга специалистов, и сделал это широко, талантливо, умело... Его оригинальная художественная проза была основана на глубоком изучении этнографии Востока». Приведем также мнение выдающегося арабиста и эфиописта академика И.Ю. Крачковского, который, оценивая наследие Сенковского, отметил: «Основной результат его деятельности сказался, главным образом, в усилении «ориентализма» в русской литературе».

Через десять лет после Сенковского в Египте побывал другой знакомый Пушкина – поэт, писатель и путешественник Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874), будущий член Российской академии. Его первые впечатления о Востоке связаны с поездкой в Крым в 1825 году, где он встретился и подружился с А.С. Грибоедовым. Зимой 1826/27 года Муравьев в Москве у Е.А. Баратынского знакомится с Пушкиным, Дельвигом, Вяземским. В салоне З.А. Волконской Муравьев читал свои крымские стихи Пушкину, и поэт похвалил «некоторые строфы из... описания Бахчисарая». К 1827 году относится одобрительный отзыв о поэтических опытах Муравьева (в оставшейся неопубликованной рецензии на альманах «Северная лира»). В 1830 году Муравьев посещает государство Мухаммеда Али и в том же году составляет свое двухтомное «Путешествие ко святым местам...» – один из лучших, по мнению специалистов, образцов географической литературы первой трети XIX века. По словам самого Муравьева, Пушкин написал по поводу его «Путешествия» стихи, до нас, к сожалению, не дошедшие, «он никак не мог их найти в хаосе своих бумаг»¹²⁶, а Лермонтов создал в доме Муравьева свой шедевр – «Ветку Палестины». В 1832 году Пушкин предполагал писать рецензию на книгу Муравьева «Путешествие ко святым местам». Как показывает сохранившийся черновик рецензии, Пушкин намеревался раскрыть в ней перед соотечественниками необходимость основательных знаний о народах, населяющих арабский Восток. После возвращения Муравьева в Петербург они снова встретились – на сей раз в архиве Министерства иностранных дел, где Пушкин собирал материалы для истории Петра. Встреча была дружеской, и отношения поддерживались до самой гибели поэта.

Еще одна книга с описанием восточных – хотя и не заграничных – путешествий, привлекавшая внимание Пушкина, принадлежала перу Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола (1768–1851) дипломата и литератора, тоже члена Российской академии. Речь идет о книге «Путешествие по Тавриде» (СПб., 1823). В письме к Дельвигу (декабрь 1824) Пушкин сожалел, что не встретился с Муравьевым-Апостолом в Крыму (тот был в Гурзуфе месяцем позже Пушкина). Выписка из «Путешествия по Тавриде» была приложена к изданию «Бахчисарайского фонтана» в 1824 г.

Следующим после А.Н. Муравьева русским путешественником, побывавшим в Египте, стал московский знакомый Пушкина отставной подполковник, литератор, содержатель типографии Николай Сергеевич Всеволожский (1772–1857). Пушкин встречался с ним на вечерах в доме историка М.П. Погодина. Всеволожский предпринял свое путешествие в 1836–1837 годах.

В числе друзей Пушкина был и замечательный русский ученый-путешественник Авраам Сергеевич Норов (1795–1869). Участник Бородинского сражения (в котором он потерял ногу), писатель и переводчик, член Российской академии и Академии наук, впоследствии – министр народного просвещения и член Государственного совета, Норов в 1828 году опубликовал книгу «Путешествия по Сицилии в 1822 г.». Он рассказал о далеком южном острове со своеобразной,

¹²⁶ Там же. Т. II. С. 47.

«почти африканской» природой, познакомил читателей с историей и населением Сицилии. Это была первая поистине экзотическая страна, увиденная и исследованная Норовым¹²⁷. В 1834–1836 годах он посетил Египет, Нубию, Палестину, Сирию и Малую Азию – совершил, по его словам, «паломничество по святым местам Африки». Книга его путевых записок вышла уже после смерти поэта, но до этого Норов не раз рассказывал в петербургских салонах о своих странствиях. Пушкин, лично знавший Норова с послелицейских времен, встречался с ним и на заседаниях Общества любителей словесности, наук и художеств в Петербурге и, вероятно, в Москве – у З.А. Волконской и у «любомудров», с некоторыми из которых общался Норов. Пушкин был вхож в превосходную и обширную (свыше 14 тысяч томов) библиотеку Норова, брал у него книги. Сохранилась связанная с этим переписка. «Посылаю тебе, любезный Норов, Satyricon, а мистерии где-то у меня запрятаны. Отыщу – непременно» (Пушкин, ноябрь 1833 года¹²⁸, XV, 94).

Сравнительно недавно в бумагах известного русского египтолога и дипломата Ивана Александровича Гульянова (1789–1841) был найден рисунок египетской пирамиды и под ним следующая пояснительная подпись, сделанная Гульяновым по-французски: «Начертано поэтом Александром Пушкиным во время разговора, который я имел с ним сегодня утром о моих трудах вообще и об иероглифических знаках в частности» (Москва, 13/25 декабря 1831 г.). Археолог А.А. Формозов в интереснейшей работе «Пушкин и древности» так прокомментировал этот рисунок: «Пирамида на нем необычная – не с острой, а с плоской вершиной. Может быть, это случайность, но не исключено, что Пушкин знал о пирамиде такой формы, самой ранней из всех, возведенной фараоном Джосером около 2800 г. до нашей эры»¹²⁹.

(Между прочим, это не единственный пушкинский «египетский» рисунок – на черновике стихотворения «Осень», относящегося к октябрю 1833 г., Пушкин начертил на полях контур древней статуи, восседающей на ступенчатом пьедестале. Специалисты определили, что это точное воспроизведение одного из изображений фараона Аменхотепа III в Фивах¹³⁰.) В «Рассказах о Пушкине, записанных П.И. Бартеневым», приводится свидетельство П.В. и В.А. Нащокиных, в московском доме которых Пушкин встречался с Гульяновым: «Пушкин был человек самого многостороннего знания и огромной начитанности. Известный египтолог Гульянов, встретясь с ним у Нащокина, не мог надивиться, как много он знал даже по такому предмету, каково языковедение. Он изумлял Гульянова своими светлыми мыслями, меткими, верными замечаниями»¹³¹. Эта информация становится особенно ценной, если учесть, что Гульянов был настоящим полиглотом – владел китайским, арабским, армянским, древнееврейским и всеми европейскими языками, изучал языки Африки, Индии, Гренландии, Полинезии, Южной Америки.

В стихотворении «19 октября», написанном к лицейской годовщине 1825 года, есть такие строки:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?

¹²⁷ Сицилия до сих пор разительно отличается от материковой Европы. Это отражено в современном итальянском анекдоте: «Назовите единственную арабскую страну, не принявшую участия в шестидневной войне. Ответ: Сицилия».

¹²⁸ В.Э.Вацуро снабдил это письмо таким примечанием: «...Что имеется в виду под «мистериями», не вполне ясно» (Вацуро В.Э. А.С.Пушкин и книга. М., 1982. С. 179). Не исключено, что в записке Пушкина речь могла идти о книге Штарка И.А. О древних мистериях или таинствах, бывших у всех народов (пер. А.А.Петрова). М.: тип. Лопухина, 1755.

¹²⁹ Формозов А.А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 1979. С. 59.

¹³⁰ Там же. С. 58–59.

¹³¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. II, М. С. 190.

Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя! (II, 425)

Они посвящены лицейскому товарищу Пушкина Федору Федоровичу Матюшкину (1799–1872), моряку, ставшему впоследствии адмиралом и сенатором. Когда Матюшкин отправлялся в кругосветное плавание с капитаном В.М. Головиным на знаменитом шлюпе «Камчатка» летом 1817 года, Пушкин дал ему «длинные наставления, как вести журнал путешествия», и «долго изъяснял ему настоящую манеру записок, предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы»¹³².

Перу Пушкина, по мнению исследователей, принадлежали рецензии в «Литературной газете» на труды его знакомого – географа и историка, профессора Петербургского университета (впоследствии академика) Константина Ивановича Арсеньева (1789–1865). Речь идет о книгах «Краткая всеобщая география» и «Всеобщий атлас», вышедших в Петербурге в 1829 году. Пушкин встречался с Арсеньевым на литературных средах у П.А. Плетнева, где они беседовали «о лицах и событиях времен Петра Великого».

Среди петербургских знакомых Пушкина отметим и барона Петра Львовича Шиллинга фон Канштадта (1787–1837), участника Отечественной войны 1812 года, дипломата и ученого-востоковеда, члена-корреспондента Академии наук по разряду литературы и древностей Востока. Шиллинг являлся одним из самых замечательных и разносторонних умов России того времени. Пушкин был знаком с ним еще с 1818 года, по возвращении поэта из ссылки дружеские отношения между ними возобновились и окрепли. Пушкин собирался принять участие в экспедиции Шиллинга в Китай (1829 год), но получил отказ Бенкендорфа. К этому времени относится рисунок Пушкина в альбоме Ек. Н. Ушаковой, изображающий Шиллинга¹³³.

Поэт и переводчик Дмитрий Петрович Ознобишин (1804–1877), участник альманаха «Северные цветы» на 1826 год и один из издателей альманаха «Северная лира» на 1827 год, оставил воспоминания о встречах с Пушкиным в петербургском салоне М.Ю. Виельгорского в 1830-х годах. Пушкин внимательно следил за русскими переводами с восточных языков, которые публиковал Ознобишин, высказывал по их поводу свои критические замечания.

Имя выдающегося русского ученого – географа и востоковеда Петра Александровича Чихачева (1808–1879) мы не встретим в известном биографическом словаре-справочнике Л.А. Черейского «Пушкин и его окружение». Есть, однако, основание предполагать, что Пушкин был знаком не только с известиями о восточных путешествиях Чихачева, но и с самим исследователем. В летописи жизни и творчества Пушкина фамилия Чихачевых встречается неоднократно. Отец П. Чихачева, действительный статский советник Александр Петрович, был назначен в 1804 году вдовствующей императрицей Марией Федоровной «первым директором Гатчины». Здесь, в городе-парке, неоднократно бывал Пушкин. В 1828 году двадцатилетний П. Чихачев после учебы у профессоров Царскосельского лицея поступает на службу в «ведомство Государственной коллегии иностранных дел» в чине коллежского регистратора. С 1833 года – на службе в русском посольстве в Константинополе. (Здесь Чихачев познакомился с живописцем Карлом Брюлловым – сохранился брюлловский рисунок «Петр Чихачев в восточном костюме».) К ориентальным исследованиям Чихачева относятся его труды о Сахаре, Северной Африке, Малой Азии, Гоби и Тибете. Писатель Леонид Гроссман в своем романе «Записки

---

¹³² Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. В кн.: Сочинения Пушкина. Т. I. СПб., 1855. С. 165.

¹³³ Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. С. 311–314.

д'Аршиака. Петербургская хроника 1836 года» написал: «Я просматривал как-то список дворцовых товарищей Пушкина. Камер-юнкеры Любомирский, Вонляргский, Скарятин, Шишко, Салтыков, Волконский, Кулаковский, Чихачев – кто они?.. Выведет ли их когда-нибудь из безвестности даже солнечное имя поэта, ставшего, волею царя, их товарищем?»

Имя П.А. Чихачева, младшего современника Пушкина, не только вышло из безвестности, но и вошло в созвездие самых замечательных географов и путешественников мира.

Одним из авторитетнейших знатоков Востока был в пушкинское время поэт и дипломат Александр Сергеевич Грибоедов (1790–1829). «Пушкин с первой встречи с Грибоедовым по достоинству оценил его светлый ум и дарование»¹³⁴ (познакомились они летом 1817 года). В марте 1828 года Грибоедов приехал в Петербург с Туркманчайским договором и поселился в гостинице Демута, где тогда проживал и Пушкин. Частые встречи возобновились, а вместе с ними и беседы, в том числе, конечно и о Востоке. Биографы Грибоедова отмечают, что ко времени его новой встречи с Пушкиным он постиг «дух и формы восточных культур» и воспринимал их «не как некий абстрактный и условно экзотический Восток, а именно как исторически сложившиеся, целостные национально-самобытные культуры»¹³⁵.

Много написано о дружбе, связывавшей Пушкина и Гоголя Н.В. Гоголь всерьез интересовался Востоком. В октябре 1834 года Пушкин (вместе с Жуковским) присутствовал на публичной лекции Гоголя в Петербургском университете. Лекция, впоследствии опубликованная в «Арабесках», была посвящена багдадскому халифу Ал-Мамуну (809–833), чей халифат «обнимал на востоке всю цветущую юго-западную Азию и замыкался Индией; на западе он простирался по берегам Африки до Гибралтара». Один из слушателей этой лекции, Н. Иваницкий, вспоминал: «После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал только одно слово: «увлекательно...»¹³⁶.

Мы назвали немногим более десятка выдающихся имен. Эти люди принадлежали к пушкинскому кругу и участвовали – каждый по-своему – в формировании ориенталистской концепции поэта, обогащали его знания об Африке и других регионах Востока.

Жадно вслушивался Пушкин в рассказы о дальних экзотических странах Востока. Они служили пищей его воображению, толкали на новые поиски. Ни одна книга не могла сравниться с живой беседой с друзьями, ум и знания которых он высоко ценил. «Меж ними все рождало споры и к размышлению вело...» Один из собеседников поэта, Ксенофонт Полевой, заметил: «Вообще Пушкин обладал необычайными умственными способностями... Тем особенно был занимателен и разговор его, что он обо всем судил умно, блестяще и чрезвычайно оригинально».

Конечно, никакое общение с путешественниками и прочими «очевидцами» не могло заменить Пушкину личных впечатлений о Востоке, об Африке, куда он безуспешно стремился попасть в годы молодости и южной ссылки. «Сколько лет путешествие было приятнейшей мечтой моего воображения», – мог бы вслед за Карамзиным¹³⁷ воскликнуть Пушкин. «Граница, – пишет Пушкин в «Путешествии в Арзрум», – имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтой. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России» (VIII, 463).

Пушкин был прирожденным путешественником – неутомимым и наблюдательным. Ему так и не удалось «вырваться» из России, но и в пределах империи он перемещался немало (не всегда, правда, по своей воле!) Географ П.П. Померанцев составил «Карту путешествий Пуш-

¹³⁴ См.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. С. 113.

¹³⁵ Цит. по сб.: Пушкин в странах зарубежного Востока. С. 180.

¹³⁶ См.: *Отечественные записки.* 1853. № 2. С. 120–121.

¹³⁷ *Карамзин Н.М.* Записки русского путешественника. М., 1960. С. 28.

кина»¹³⁸. Оказалось, что Пушкин «наездил» по России 34 750 км! «Цифра даже для профессионала-путешественника значительная, почти окружность земного шара, – замечает Померанцев и добавляет: величайший путешественник всех времен и народов Пржевальский за свои центрально-азиатские странствования совершил около 30 000 км».

Пушкинские наблюдения, знания, почерпнутые из книг о Востоке и из бесед с востоковедами, нашли свое отражение во многих его поэтических и прозаических творениях. Недаром В.Ф. Одоевский говорил о Пушкине: «Он умеет освещать обширную массу познаний своим поэтическим ясновидением».

«Вперед, вперед, моя история!»

Воскресить век минувший во всей его истине
А.С. Пушкин (XI, 181)

В третьей главе «Евгения Онегина» Пушкин заинтриговал своих читателей туманным обещанием написать когда-нибудь «роман на старый лад», пересказать «преданья русского семейства» (VI, 57). Строки эти традиционно связываются с замыслом исторического романа о царском арапе¹³⁹.

Вспомним, что, по словам Вульфа, «главная завязка» нового пушкинского романа должна была состоять в семейной коллизии – «неверность жены сего арапа». («Вот историческая основа этого сочинения».) Еще в 1824 году (в конце октября) Пушкин попытался отразить историю женитьбы своего прадеда в стихотворном наброске «Черный ворон выбирал белую лебедушку»:

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышень арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька. (II, 338)

Исследователи обратили внимание на возможную связь этого отрывка, написанного в форме народной песни, со сказовой манерой няниных повествований об «арапе»¹⁴⁰. Действительно, пушкинский набросок во многом сохраняет и передает стилистику русских свадебных песен. Сравним его, например, с сибирской свадебной песней конца XIX века, обращенной к невесте:

Выбирай-ко себе, дитятко,
Из князей ты себе княжича,

---

¹³⁸ См.: Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. XXXI. № 5. С. 453–458. Поразительно, но маршруты пушкинских странствий (совершенных и не осуществленных) во многом совпадают с передвижениями его легендарного предка. Назовем для сравнения «географические точки», связанные с пребыванием и Ганнибала и Пушкина (в хронологической последовательности биографии «царского арапа»): Молдавия – Москва – Петербург – Урал – Петровское. Добавим к этому списку «карту фантазии» самого Пушкина: планы путешествия в Париж и Китай, «бегства» в Константинополь, Италию, Испанию и, конечно, Африку. А от путешествия по следам предка «на Восток», то есть в Сибирь («с фельдгегерем»), Пушкин был, как мы знаем, на волосок... См. также: *Трубе Л.Л.* Остров Буян. Пушкин и география. Горький, 1967. С. 226–229; *Букалов А.М.* Берег дальний // Азия и Африка сегодня. 1987. № 2. С. 60–67.

¹³⁹ См., например: *Аппенков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина. М., 1984. С. 192.

¹⁴⁰ См.: *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина. М., 1967. С. 242; а также: *Сидельников В.М.* Пушкин и народная поэзия (в кн.: Пушкин на Юге. Кишинев, 1958. С. 320).

Из бояр себе боярина;
Выбирай сужено, ряжено,
Удалого добра молодца¹⁴¹...

Н.Я. Эйдельман отметил, что история «черного ворона» и белой лебедушки» взята Пушкиным из так называемой «немецкой биографии» А.П.Ганнибала¹⁴². Думается, однако, что стихотворный набросок 1824 года уже содержит некоторое романтическое переосмысление биографии прадеда. В самом деле, в нем заложен «сюжетный ход» будущего романа: не просто женитьба арапа, а непременно на боярской дочери, на представительнице высшей русской аристократии¹⁴³.

Одновременно (в октябре 1824 года) Пушкин написал обширное авторское примечание к 1-й строфе I главы «Евгения Онегина» об Абраме Петровиче Ганнибале, в последующих изданиях автором опущенное. Оно начиналось словами: «Автор со стороны матери происхождения африканского» и заканчивалось следующим обещанием: «В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок¹⁴⁴, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям. Мы со временем надеемся издать полную его биографию» (VI, 655).

В этом же примечании уже содержится «отправной пункт и в сущности канва» (по определению Д.П.Якубовича) будущего романа о царском арапе: «18-ти лет от роду Аннибал послан был царем во Францию, где и начал свою службу в армии регента; он возвратился в Россию с разрубленной головой и с чином французского лейтенанта. С тех пор находился неотлучно при особе императора» (VI, 654). Таким образом, намерение обратиться к жизнеописанию прадеда у Пушкина созрело. Стихотворный набросок «про черного ворона» свидетельствовал о том, что Пушкин искал форму, жанр произведения о царском арапе. Слишком многое напоминало о прадеде в старом Ганнибаловом парке Михайловского. Не случайно 20 сентября 1824 года возникает стихотворное послание к Языкову:

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой Арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Он думал в охлажденные леты
Под сенью липовых аллей

¹⁴¹ Цит. по: Русские свадебные песни Сибири. Новосибирск: Наука, 1979. С. 43. Ср. с сюжетом другой русской свадебной песни: Как по морю, морю синему Плыло стадо лебединое. Вперед стада – лебедушка белая — Хвалилася, выхвалялася: Никто меня не убьет, не расшибет. С отколь взялся злой сизой орел, Разбил стадо лебединое... (Там же. С. 68) Интересное наблюдение делает Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург»: «Вообще, несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание – или жалоба красавицы, выданной замуж насильно; или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный» (XI, 255).

¹⁴² См.: Эйдельман Н.Я. Ганнибалов колокольчик // Наука и жизнь. 1983. № 10. С. 53.

¹⁴³ Этот отрывок пушкинисты давно связывают с замыслом романа о царском арапе (см.: А.С.Пушкин. Сочинения и письма. Под редакцией П.О.Морозова. Т. V. СПб., 1904. С. 5). Н.О.Лернер предположил, что, «по всей вероятности, к роману должна была относиться сложенная Пушкиным песенка, которую, может быть, поэт намеревался вложить в уста девушек – наперсниц боярышни, выдаваемой по царскому приказу за ненавистного арапа» (Лернер Н.О. Проза Пушкина. Изд. 2-е. Пг.-М., 1923. С. 31). В.И.Чернышев считал, что «во время написания этого отрывка Пушкин воображал иной план рассказа и другую обрисовку положений» (Чернышев В.И. Стихотворения А.С.Пушкина, написанные в стиле русских народных песен. Slavica, 1929. Ч. VIII, ses. 3. С. 287).

¹⁴⁴ Ср. с более поздним пушкинским наблюдением: «...Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» («Путешествие в Арзрум», VIII, 452).

О дальней Африке своей, —
Я жду тебя... (II, 322–323)

Исследователи справедливо отмечают, что псковская ссылка поэта во многом определила его возросший интерес к ганнибальской линии своей родословной. Конечно, пребывание в дедовских владениях этот интерес усиливало, но можно привести доказательства того, что еще раньше, в годы южной ссылки, например, Пушкин задумывается о судьбе своих прославленных «арапских» предков. Жизнь и славные деяния Ганнибалов – это «сквозной сюжет» (выражение Ю.М. Лотмана) в пушкинском творчестве.

Уже в начале двадцатых годов Пушкин опрашивает оставшихся в живых свидетелей подвигов сына царского арапа – И.А. Ганнибала – Наваринского героя. «Его постановления доньне уважаются в полуденном крае России, где я в 1821 году видел стариков, живо еще хранивших его память» (XIII 313), – сказано в «Начале автобиографии». Устное предание – важнейший для Пушкина исторический источник, бесценный и незаменимый. (Недаром много лет спустя, собирая материалы по истории пугачевского бунта, он отправится в Оренбургскую губернию – опрашивать свидетелей крестьянской войны.)

И первая встреча юного поэта с двоюродным дедом П.А. Ганнибалом в 1819 году в Псковской губернии тоже не случайно оказалась «пришпиленной к бумаге»: Пушкин понимал, что разговаривал с главою ганнибальского рода¹⁴⁵!

В конце января – начале февраля 1825 года Пушкин пишет брату Льву: «Присоветуй Рылееву в новой его поэме¹⁴⁶ поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы» (XIII, 143).

Летом 1825 года Пушкин узнает, что его двоюродный дед Петр Абрамович находится при смерти. «Я рассчитываю, – сообщает поэт П.А. Осиповой в Ригу, – еще повидать моего двоюродного дедушку, старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда» (письмо от 11 августа 1825 года, оригинал по-французски; XIII, 205, 543). Поездка состоялась, и в руки Пушкина перешли фамильные бумаги старого арапа (в том самом ганнибальском кованом дорожном сундучке, который сейчас выставлен в Музее-квартире Пушкина на Мойке).

Перескажу простые речи
Отца иль дяди старика... (VI, 57)

Итак, основа есть – семейные предания и документы. Постепенно Пушкину становится ясным и жанр будущего произведения – это должен быть роман в прозе!

Предчувствие новой формы ощущается в лирической концовке VI главы «Евгения Онегина». Пушкин как бы цитирует свое письмо к Вяземскому:

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят... (VI, 135)

Как известно, прозой написано несколько сцен «Бориса Годунова», в том числе и сцена в корчме. Прозаическая вставка «вмонтирована» также в стихотворное послание к Дельвигу, озаглавленное «Череп». В основу его лег реальный эпизод: Вульф привез Пушкину в Михайловское череп от скелета, похищенного из склепа с помощью кладбищенского служителя дру-

¹⁴⁵ Подробнее см.: *Эйдельман Н.Я.* Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 33.

¹⁴⁶ Речь идет о поэме К.Ф. Рылеева «Палей» (1825). Здесь Пушкин предвещает важнейший прием своего будущего романа: «экзотика арапа на историческом фоне» (подмечено Д.П. Якубовичем).

гим дерптским студентом – поэтом Языковым. Скелет оказался останками одного из предков Дельвига! Послание, иронически перекликающееся со знаменитым обращением шекспировского Гамлета к черепу Йорика¹⁴⁷, начинается в романтически-приподнятом тоне:

Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны... (III, 68)

Здесь Пушкин неожиданно переходит к прозе. И извиняется: «Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя заступиться...» (Завершается послание восьмистишием.) Воображаемый сосуд из черепа предка готов. Осталось наполнить его искристым нектаром.

Замысел уже созрел. Анненков – очевидно, со слов друзей Пушкина – написал, что роман о царском арапе был задуман «еще в 1826 году»¹⁴⁸. Скорее всего, окончательный план романа о царском арапе мог сложиться у Пушкина только после возвращения из ссылки, вернее – после известного разговора с царем 8 сентября 1826 года. Создалась качественно новая ситуация, Пушкин на какое-то время поверил в возможность сотрудничества с новым царем, даже увидел в нем черты его великого прадеда – Петра I: «Во всем будь пращурю подобен...» «Домашний» взгляд на историю сохраняется, меняются лишь ее действующие лица из числа предков. На смену выведенным в «Борисе Годунове» представителям «рода Пушкина мятежного» выступает другой прадед – Ганнибал, один из сподвижников царя Петра. «Такая позиция, – отмечено в одном из комментариев, – вполне соответствовала политическим «надеждам» последекабрьского Пушкина, автора «Стансов» 1826 года»¹⁴⁹.

Подчеркнем, что Пушкин был отнюдь не одинок в своей оценке нового царя, в своих ожиданиях и иллюзиях. В «Кратком обзоре общественного мнения за 1827 год», представленном через Бенкендорфа Николаю I, директор канцелярии III отделения небезызвестный М.Я. фон Фок при характеристике так называемого среднего класса, в который входили «помещики, живущие в столицах и других городах, неслужащие дворяне, купцы первых гильдий, образованные люди и литераторы», писал о настроениях «этого многочисленного класса, составляющего, так сказать, душу империи», что «именно среди этого класса государь пользуется любовью и уважением»; «неутомимая настойчивость в работе¹⁵⁰, одержанные Россией в Персии успехи, благородная и великодушная защита греков»... рассматривались, как доносил фон Фок, в «среднем классе» положительно¹⁵¹.

В условиях, сложившихся после поражения декабристов, Пушкин пришел к выводу, что в России только правительство может реально способствовать общественному прогрессу, и считал необходимым воздействовать на него в нужном направлении. Эта идея получила свое отражение и в пушкинской записке «О народном воспитании», составленной по заданию пра-

¹⁴⁷ Ср. также стихотворную «Надпись на кубке из черепа» Байрона или «Череп» Баратынского. Между прочим, черновик «Послания к Дельвигу» находится в одной тетради с черновой рукописью романа о царском арапе (ПД, №836).

¹⁴⁸ Анненков П.В. А.С.Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873. С. 190.

¹⁴⁹ Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 243.

¹⁵⁰ Ср. с тем, как Пушкин говорил о Петре: «неутомим». Эта характеристика Петра – в русле отечественной стихотворной традиции – от Ломоносова («Строитель, плаватель, в полях, в морях герой») и Державина («Строитель, плаватель, работник, обладатель») до пушкинских «Стансов»: «То академик, то герой, / То мореплаватель, то плотник, / Он всеобъемлющей душой, / На троне вечный был работник» (II, 342). Надо полагать, указанная оценка нового императора включена в отчет III отделения не без учета этой традиции: фон Фок, чуткий служака, преподносит Николаю I его эстетизированный портрет «в одеждах» Петра I.

¹⁵¹ Цит. по: Бродский Н.Л. А.С. Пушкин. Биография. М., 1937. С. 512–513.

вительства, и в работе над историческим романом о петровском времени. «Интерес романа, – подчеркнул Б. Томашевский, – состоял в возможных параллелях между эпохой Петра и новым царствованием»¹⁵².

«Мотивы личного характера сыграли очень существенную роль в кристаллизации замысла этого романа, – как бы продолжила эту мысль С.Л. Абрамович. – Несомненно, Пушкину его герой был чем-то очень близок, и, вероятно, у него не раз возникала мысль о какой-то возможной аналогии между взаимоотношениями Петра Великого и Ибрагимом в романе и его собственными, ныне складывающимися отношениями с новым государем»¹⁵³.

Изменения в судьбах России и в личной судьбе поэта, конечно, повлияли на характер замысла исторического романа. Но сама идея художественного отображения петровского времени овладела Пушкиным намного раньше. В псковской ссылке он жадно вчитывается в исторические труды, имевшиеся в библиотеке Тригорского (в частности, изучает многотомные голиковские «Деяния Петра Великого»)¹⁵⁴. Узнав из писем друзей о выходе сборника «Русская старина», где были напечатаны статьи А.Корниловича о «Нравах русских при Петре I», Пушкин просит брата: «Присылай мне Старину: это приятная новость». В конце февраля 1825 года он повторяет: «Да пришлите же мне Старину и Талию, Господи помилуй! – не допрочишься» (XIII, 128, 147, 175). Эта же просьба звучит и в мартовском письме. (Вместе с тем следует оговориться, что на этом, раннем этапе знакомства с эпохой Петра материалов и документов для воссоздания исторической правды было у Пушкина явно недостаточно, что существенно осложнило работу над романом.)

Немало сказано о Пушкине-историке, об историзме пушкинского мышления. Как и у каждого исторического писателя, было у Пушкина «любимое его время» в русской и всемирной истории – XVIII век, с которым он себя связывал, так сказать, по праву рождения (А. Битов). А в XVIII веке были свои главные герои, важнейший из которых – Петр I.

Для характеристики исторических воззрений Пушкина полезно вспомнить его неотправленное письмо П.Я.Чаадаеву от 19 октября 1836 года: «Что касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с Вами согласиться. Войны Олега и Святослава, даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? <...> Оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история!» (подлинник по-французски, XVI, № 1267). Вспомним и другое пушкин-

¹⁵² *Томашевский Б.В.* Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824– 1837). М.: Л., 1961. С. 508.

¹⁵³ *Абрамович С.Л.* К вопросу о становлении повествовательной прозы Пушкина // Русская литература. 1974. № 2. С. 55.

¹⁵⁴ То, что Пушкин к 1825 году уже был знаком с голиковскими «Деяниями», доказал И.Л. Фейнберг (см. его «Незавершенные работы Пушкина». 7-е изд. М., 1979. С. 86). Интересно отметить, что почти одновременно (примерно с 1526 года) над историческим романом из Петровской эпохи («Последний новик») работает И.И. Лажечников. Характерен его метод: «Прежде чем писать мои романы, я долго изучал эпоху и людей того времени, особенно главные исторические лица, которые изображал. Например, чего не перечитал я для своего «Новика»! Могу прибавить, я был столько счастлив, что мне попадались под руку весьма редкие источники...» (Цит. по сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. VI. Л., 1969. С. 175.) Столетие спустя с такой же жадностью всматривается в петровскую эпоху А.Н.Толстой. Он рассказывал об этом времени «с тысячей подробностей, именуя каждого по имени и отчеству, с прибавлением всех титулов, должностей, упоминая о всех внутренних кручинах событий, – вспоминает Н. Смирнов-Сокольский. – Я наблюдал, как однажды он рассматривал у меня «Марсовую книгу», и мне показалось, что он рассматривает не гравюры, иллюстрирующие военные победы Петра, а как бы смотрит в окно... Каждая гравюра для него была не плоское застывшее изображение, каким оно было для нас, – у него это изображение оживало, двигалось: пушки стреляли, войска маршировали, корабли плыли». Можно себе представить, с каким трепетом изучал реалии Петровской эпохи Пушкин. (Не случайно он велит вделать в набалдашник своей любимой трости пуговицу с военного мундира Петра I, перешедшую к нему – вместе с преданием – по наследству от самого А.П. Ганнибала, царского арапа!) Не вызывает сомнения знакомство Пушкина до 1827 года с взглядами на Петра I Ломоносова, Карамзина, декабристов, а также Руссо, Дидро и Вольтера. Как предположил И.Фейнберг, Пушкин, со слов Чаадаева, мог знать и содержание не изданных еще в то время сочинений князя Щербатова, читал в «Сыне Отечества» в 1819 году «Достопамятные повествования и речи императора Петра Великого».

ское письмо, написанное тремя годами раньше, через несколько месяцев после завершения работы над «Медным всадником». Поэт пишет жене о предварительной работе над историей Петра: «Скопляю материалы – привожу в порядок – и вдруг вылью медный памятник, который нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок» (1834, X, 379).

Петр неизменно привлекал внимание Пушкина, стал героем многих его произведений – стихотворных и прозаических. В пушкинской «Петриаде» роман о царском арапе занимает особое место. Прежде всего потому, что он представляет собой одну из первых попыток создания новой русской исторической прозы. Появление его отвечало общественной потребности: «Век наш – по преимуществу исторический век, – писал Белинский. – Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания»¹⁵⁵.

Именно Пушкин, «великий реформатор русской литературы» (по определению того же Белинского), взялся за решение важнейшей и труднейшей творческой задачи – написание исторической эпопеи. Форма романа привлекала своей демократичностью, доступностью. Говоря о народности басен Крылова, Пушкин писал в 1830 году: «Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничные, и дети. Но стихотворение лирическое читает токмо любитель поэзии. – А много ли их?» (XI, 154)

Эту же мысль Пушкин повторил и в 1836 году в «Письме к издателю»: «Поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде» (XII, 98).

«Роман преимущественно перед другими родами сочинений, – утверждал еще в 1828 году «Московский вестник», – пользуется всеобщей любовью и потому действует сильнее на народные нравы»¹⁵⁶. При этом «Вестник» видит особенность романа в «описании частной, семейственной жизни».

Пушкин прекрасно чувствовал потребность в историзме художественной прозы. «В наше время под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании, – писал он в 1830 году. – Валтер Скотт увлек за собою целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея!» (XI, 92).

Известно, что Пушкин и литераторы его круга придавали вопросам становления русской прозы большое значение. А.А.Бестужев-Марлинский в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» констатировал «безлюдье в степи русской прозы»: «У нас такое множество стихотворцев (не говорю поэтов) и почти вовсе нет прозаиков; как первых можно укорить бледностью мыслей, так последних погрешностями противу языка. К сему присоединилась еще односторонность, происшедшая от употребления одного французского и переводов с его языка. Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытным американцам, меняем золото оного на безделки»¹⁵⁷. О.М. Сомов в «Обзоре российской словесности за 1827 год» констатировал преобладание стихов над прозой и «невыработанность» прозаической речи¹⁵⁸.

¹⁵⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Под ред. Венгерова. Т. XII. С. 453.

¹⁵⁶ Московский вестник. 1828. Ч. 7. С. 169–170, 171.

¹⁵⁷ Марлинский А. Полн. собр. соч. СПб., 1838, ч. XI. С. 217.

¹⁵⁸ «Северные цветы» за 1828 год. С. 78–79. Составитель сборника «Проза русских поэтов» (М., 1982) А.Л.Осипов справедливо отмечает: «Чистый стихотворец, поэт и только поэт – фигура довольно редкая в русской литературной действительности прошлого века, которая создала устойчивый писательский тип; это – профессионал, работающий в разных жанрах». Достоевский, сопоставляя русских романистов с западноевропейскими, утверждал, что русские романисты, прежде всего, предстают в качестве поэтов, а потом уже романистов.

«Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат...» – эта пушкинская формулировка стала классической¹⁵⁹.

Вынашивая замысел романа о царском арапе, Пушкин видел перед собой блестящий образец для подражания – историческую прозу Вальтера Скотта. Популярность «шотландского чародея» была поистине всемирной. «Вальтер Скотт решил наклонность века к историческим подробностям, создал исторический роман, который стал теперь потребностью всего читающего мира, от стен Москвы до Вашингтона, от кабинета вельможи до прилавка мелочного торговца», – писал А.А. Бестужев-Марлинский¹⁶⁰.

Причины этой популярности замечательно объяснил Пушкин, одновременно поставив английского романиста рядом с гигантами мировой литературы: «Что нас очаровывает в историческом романе – это то, что историческое в нем есть совершенно то, что мы видим. Шекспир, Гете, Валтер Скотт не имеют холопского пристрастия к королям и героям»¹⁶¹ (XII, 195). И так, главное – в демократизме изображения!

Приведем еще несколько красноречивых высказываний из русской литературной критики того времени.

«Историк учится писать у В.Скотта, философ удивляется, как умел он разгадать такие тайны сердца человеческого, которые понятны ему только через отвлеченные утомительные исследования», – пишет «Московский телеграф». И далее журнал отмечает непостижимую способность В.Скотта «изумлять, очаровывать, переносить читателя с каждым новым произведением в новый мир страстей, чувств, мыслей, окружать его каждый раз совершенно новыми предметами»¹⁶².

«Его романы, – подчеркивает Степан Шевырев, – могут заменить лета опыта, ибо они суть живое изображение мира действительного»¹⁶³. Эти слова перекликаются с тезисом Ивана Киреевского об «уважении к действительности», который связывал формулу «поэт действительности» с творчеством Пушкина, и сам поэт принял эту формулу. Имена Пушкина и В. Скотта поставил рядом П. Вяземский, заметивший, что Пушкин «подобно В.Скотту есть преимущественно практический поэт»¹⁶⁴.

В русле пушкинских суждений о В.Скотте находятся оценки Дельвига, который откликнулся на выход перевода романа «Анна Гейерштейн»: «В пяти томах нами объявляемого романа мы узнаем домашним образом Карла Смелого, Маргариту Анжуйскую и вдоволь наслаждаемся милым, беспечным нравом доброго короля Рене...»¹⁶⁵.

От этих оценок разговор естественно переходил к проблемам создания русского исторического романа. «Русская история, русская старина не только могут быть источником поэти-

¹⁵⁹ А.З.Лежнев хронологически «выстроил» высокое здание пушкинской прозы: «Любопытна последовательность появления отдельных видов прозы у Пушкина, так сказать, филогения его эволюции: сначала дневники, критические заметки, анекдоты, то есть форма коротких записей, афоризмы, наброски мыслей и наблюдений, письма, трактованные как литературная данность (а такой характер они принимают у Пушкина очень рано); только потом повествовательная проза, причем он начинает ей уделять серьезное внимание лишь с конца двадцатых годов, наконец – публицистика и работы по истории» (Лежнев А.З. Проза Пушкина. Опыт стилового исследования. М., 1937. С. 21). См. также: Гей Н.К. Проза Пушкина. Поэтика повествования. М., 1989. С. 5–6.

¹⁶⁰ Марлинский А. Полн. собр. соч. СПб., 1838. Ч. XI. С. 315.

¹⁶¹ Эту же черту отметил и В.Г.Белинский: «Когда мы читаем исторический роман Вальтера Скотта, то как бы делаемся сами современниками эпохи, гражданами стран, в которых совершается событие романа, и получаем о них, в форме живого созерцания, более верное понятие, нежели какое могла бы нам дать о них какая угодно история» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 41–42).

¹⁶² Московский телеграф. 1826. Ч. 11. С. 186, 199–200.

¹⁶³ Московский вестник. 1827. Ч. V. № XX. С. 413.

¹⁶⁴ Московский телеграф. 1828. Ч. 22. С. 137.

¹⁶⁵ Литературная газета. 1830. № 42, 25 июля.

ческих созданий и романов исторических, но, может быть, их должно почтить одним из богатейших источников для поэта и романиста», – утверждает Н.Полевой¹⁶⁶.

Эпоха Петра рассматривалась русской журнальной критикой в качестве одного из наиболее благодатных объектов исторического изображения: «Едва ли какая-либо история сравнится с одним временем Петра, где множество необыкновенных лиц и событий, борьба азиатских нравов с европейскими, появление женщин в обществах, толпа приезжающих иностранцев и проч., кажется, ждут творца-романиста»¹⁶⁷.

П.И. Бартенев записал со слов пушкинского друга П.В. Нащокина: «Пушкину все хотелось написать большой роман. Раз он откровенно сказал Нащокину: «Погоди, дай мне собраться, я за пояс заткну Валтера Скотта!»¹⁶⁸. (Интерес Пушкина к В. Скотту подтверждается и другими мемуарными свидетельствами, например, записью в дневнике М.П. Погодина 1 мая 1827 г.: «говорили о Скотте»¹⁶⁹.)

Впоследствии, рассуждая о достоинствах первого пушкинского исторического романа, В.Г.Белинский так объяснил этот интерес: «...Пресытившись стихами, мы захотели прозы, а пример Вальтера Скотта был очень соблазнителен»¹⁷⁰.

Пушкин чувствовал в Вальтере Скотте «родственную душу». Автобиографические признания шотландского романиста удивительным образом это «родство» подтверждают: «У каждого шотландца имеется родословная, – писал В. Скотт в 1831 году, – это его национальная привилегия, столь же неотъемлемая, как его гордость и его бедность. Мой род не был ни выдающимся, ни захудалым. В нашей стране он считался знатным, ибо как по отцовской, так и по материнской линии я был связан, пускай отдаленно, с древнейшими фамилиями»¹⁷¹. Вполне по-пушкински! В «Опровержениях на критики» Пушкин, словно говоря о В. Скотте, заметил: «...Англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка...» (XI, 162). Совсем неслучайно рядом с черновиками романа о царском арапе, в той же рабочей тетради, Пушкин сделал известную запись, под которой вполне мог бы подписаться и Вальтер Скотт: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» (XI, 55).

Было и еще одно обстоятельство, довольно деликатного свойства. Дело в том, что первое пушкинское обращение к исторической теме – трагедия «Борис Годунов» – было весьма прохладно встречено новым правительством. 14 декабря 1826 года Бенкендорф сообщил автору издевательскую резолюцию Николая I: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман, наподобие Валтера Скотта». Ни о какой переделке, конечно, не могло быть и речи¹⁷². Но «ссориться с царями» Пушкин из-за этого был не намерен. Вы желаете роман «наподобие» Вальтера Скотта? Пожалуйста: «Мы напишем исторический роман из русской жизни, на который и другие полюбуются»¹⁷³. Это будет роман вполне «наподобие» Вальтера Скотта. Роман о царском арапе.

¹⁶⁶ Московский телеграф. 1829. Ч. 30. № 24. С. 463.

¹⁶⁷ Московский телеграф. 1829. Ч. 28. № 15. С. 324.

¹⁶⁸ Бартенев П.И. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851–1860 годах. М., 1925. С. 35.

¹⁶⁹ А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. II. С. 16.

¹⁷⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 564.

¹⁷¹ Цит. по: Краткая летопись жизни и творчества Вальтера Скотта. Сост. А.Г. Левинтон. В кн.: *Скотт В.* Собр. соч., М., 1965. Т. XX. С. 786.

¹⁷² «Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное», – отвечал Пушкин 3 января 1827 года (XIII, 317).

¹⁷³ Анненков П.В. А.С. Пушкин. Материалы для его биографии, оценки произведений. СПб., 1873. С. 191. Впрочем, в самом факте написать «пиесу» по рекомендации царя большого греха еще не было: «Шекспир лучшие свои комедии написал по заказу Елисаветы», – отмечает Пушкин в письме к А.А. Бестужеву из Михайловского в 1825 году (XIII, 179).

«История народа принадлежит поэту», «Истина сильнее царя». Две эти пушкинские формулы, вместе взятые, предельно точно определяют идейную позицию автора романа о царском арапе. Пером исторического романиста водит современная ему жизнь. И вот на поля первой страницы вальтер-скоттовского «Ивангое» (старое написание. – А.Б.) лег рисунок виселицы с пятью повешенными декабристами¹⁷⁴...

30 ноября 1825 года ссыльный Пушкин в письме из Михайловского советовал А.А.Бестужеву: «...Возьмись-ка за целый роман – и пиши его со всею свободой разговора или письма...» (XIII, № 228).

Прошло полтора года, и Пушкин сам взялся за «целый роман» и начал работать над ним удивительно быстро и легко, «со всею свободой разговора или письма». Начал так, как будто бы ясно видел перед собой – одну за другой – пестрые картины XVIII века и внимательно следил за своим героем, пребывающим то в парижских гостиных, то во дворцах русской столицы.

«Разговор его был прост и важен»¹⁷⁵ (VIII, 5), – сказано об Ибрагиме в первой главе романа. Этими же словами можно обозначить и общую тональность всего пушкинского повествования. Он с самого начала счастливо нашел тот неповторимый – лаконичный и яркий – стиль, который обозначен в истории русской литературы как стиль пушкинской прозы.

Судя по датам в рукописи, работа над первыми главами продвигалась очень быстро. Специалисты считают, что все шесть глав романа о царском арапе вчерне были написаны уже в августе 1827 года¹⁷⁶. Во всяком случае, к 10 августа были завершены две главы и начата третья.

Разумеется, такая «скорая» работа предполагала наличие четкого, тщательно продуманного плана. Известно, как высоко ценил Пушкин искусство композиции. Математически рассчитанный план Дантова «Ада» он считал «плодом высокого гения» (XI, 42). Что касается пушкинского романа в стихах, то в нем, по утверждению автора, «время расчислено по календарю» (VI, 193). Однако в бумагах поэта никаких следов первоначального плана «Арапа...» обнаружено не было.

Возможно, работа над черновой рукописью романа о царском арапе заняла август–сентябрь, так как с какого-то момента Пушкин стал одновременно отделять и перебеливать уже законченные главы, переписывая их в другую тетрадь.

В «святая святых» Пушкинского дома, где собраны рукописи поэта, среди его бумаг хранятся три тетради с автографами романа о царском арапе (они числятся под «инвентарными» номерами ПД № 833, ПД № 836 и ПД № 837. Тетради содержат две редакции романа (обе в неполном виде) – черновую (в тетрадях 833 и 836) и беловую¹⁷⁷ (837). Сохранился также черновик начала седьмой главы – на отдельном листке бумаги с жандармской цифрой 65, попавший в Пушкинский дом из знаменитой парижской коллекции А.Ф.Отто-Онегина¹⁷⁸.

Названные ранее сроки работы над «Арапом...» устанавливаются при помощи дат, относящихся к черновикам других пушкинских произведений, записанным вместе с главами исторического романа (речь идет, в частности, об «Акафисте Е.Н.Карамзиной», датированном 31 июля 1827 года, и трех строфах шестой главы «Евгения Онегина», помеченных 10 августа)¹⁷⁹.

¹⁷⁴ Современный исследователь пишет о пушкинских планах в конце июля 1827 года: «В эти дни Пушкин начал работу над «Арапом Петра Великого», что также, разумеется, не было случайным: недавние трагические события требовали осмысления тех исторических закономерностей, которые привели Россию к декабрьской катастрофе...» (Иезуитова Р.В. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826–1827 гг. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI, Л., 1983. С. 113.)

¹⁷⁵ Ср. с пушкинским рассказом о Вульфе (XII, 308).

¹⁷⁶ См.: Латкина Г.А. К истории создания «Арапа Петра Великого». С. 293–309; Абрамович С.Л. К вопросу о становлении повествовательной прозы Пушкина. «Русская литература», 1974. С. 54–73.

¹⁷⁷ Описание тетрадей см.: Якушкин В.Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884, май. Т. XII. С. 352; июнь. С. 536–539; т. XV, ноябрь. С. 335–338.

¹⁷⁸ Описание отдельного листка (ПД–251) см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. М.; Л., 1937. С. 98.

¹⁷⁹ Латкина Г.А. К истории создания «Арапа Петра Великого». С. 294–295. «Роман не был переписан набело сразу, – отмечает исследовательница, – это доказывает неоднократное изменение оттенка чернил и почерка».

Вероятно, беловую редакцию шести первых глав «Арапа» Пушкин закончил уже в середине октября, вернувшись в Петербург. А в начале 1828 года работа над романом была приостановлена¹⁸⁰.

Попробуем проследить за еще «не родившимся» романом, опираясь на, увы, немногочисленные эпистолярные и мемуарные свидетельства современников. Вернувшись из Михайловского в Петербург, Пушкин неоднократно читал первые главы романа своим друзьям-литераторам.

П.А.Вяземский сообщил 24 марта 1828 года И.И.Дмитриеву о вечере у Жуковского: «Пушкин читал нам несколько глав романа своего в прозе: герой – дед его Аннибал; между действующими лицами рисуется богатырское лицо Петра Великого, кажется, верно и живо схваченное, судя, по крайней мере, по первым очеркам. Описание петербургского бала и обеда в царствование Петра ярко и натурально»¹⁸¹. В письме к А.И.Тургеневу от 18 апреля 1828 года Вяземский вновь упоминает о чтении романа, прибавляя: «Должно желать, чтобы он продолжал его»¹⁸². Аналогичные высказывания содержатся в письме Вяземского к жене¹⁸³. Видимо, близкие друзья поэта уже знали, что работа над романом прервана и что у Пушкина появились какие-то сомнения в возможности его завершения¹⁸⁴. Однако Пушкин, как известно, публично читал только свои самые любимые, удавшиеся произведения (ср. воспоминания о чтении им «Бориса Годунова»). Следовательно, весной 1828 года Пушкин еще «не остыл» к своему труду, надеялся как-то разрешить возникшие сомнения и продолжить роман. Во всяком случае, окончательного решения он пока не принял. И даже неожиданная мысль опубликовать отдельные эпизоды из романа (в октябре – декабре 1828 года) в виде самостоятельных исторических очерков еще не свидетельствует, на наш взгляд, о полном отказе от замысла. Скорее всего, здесь сыграли роль какие-то внешние факторы (срочная нужда в деньгах, например). Этой спешкой, наверное, и можно объяснить «варварское» обращение автора с рукописью: когда ему понадобилось передать отрывок из четвертой главы для альманаха «Северные цветы», Пушкин, вместо того чтобы переписать его, вырвал из беловой рукописи нужные ему страницы и отослал их Дельвигу.

Так началась типографская и издательская жизнь романа о царском арапе. Сам Пушкин распорядился его текстом только трижды: в 1828 году, в 1830-м, при публикации глав в «Литературной газете» и в 1834-м, когда под заголовком «Две главы из исторического романа» включил отрывки в сборник «Повести, изданные Александром Пушкиным». (В книгу вошли также «Повести Белкина» и «Пиковая дама».)

После гибели поэта М.П.Погодин, беспокоясь о судьбе тогда еще не опубликованных пушкинских рукописей, спрашивает Вяземского (в письме от 11 марта 1837 года): «Если бы вы были столь добры, чтобы написать мне слова два о его бумагах: цела ли Русалка, Островский¹⁸⁵, Ганнибал, Пророк, 8 песнь Онегина? Что Петр? Мелкие прозаические отрывки, кои готовил он к своей газете для образчика? Сделайте милость»¹⁸⁶. Получив ответ за подписью Коркунова, секретаря Вяземского, Погодин 29 марта 1837 года сообщает очень важные сведения, дополняющие историю чтения Пушкиным «Арапа...»: «...Из другого романа, которого также нет в исчислении г-на Коркунова, Пушкин читал мне глав семь или восемь в Петерб^урге в конце 1827 года. Некоторые помещены были в «Литературной газете». Последняя из читанных

¹⁸⁰ Там же. С. 296.

¹⁸¹ Русский архив. 1866. № 11 и 12. Стб. 1716.

¹⁸² Архив братьев Тургеневых. Вып. VI. Пгр, 1921. С. 65.

¹⁸³ Отрывок из этого письма опубликован в «Литературном наследстве» (т. 58, М., 1952).

¹⁸⁴ См.: *Абрамович С.Л.*, указ. соч. С. 56.

¹⁸⁵ Вариант названия повести «Дубровский».

¹⁸⁶ Звенья. Сб. VI. М.–Л., 1936. С. 152.

заклучала представление Корсакова, кажется, Петру на корабле. Герой романа должно быть Ганнибал»¹⁸⁷.

Впервые шесть глав романа Пушкина были опубликованы в июне 1837 года в посмертно изданном VI номере журнала «Современник». Вероятно, Жуковский, готовивший рукопись к печати, присвоил роману название «Арап Петра Великого», под которым он и вошел в историю русской и мировой литературы.

«Что в имени тебе моем?»

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства

А.С.Пушкин о Вольтере (XII, 75)

В.А. Жуковский, разбиравший бумаги Пушкина после гибели поэта, изменил – по цензурным соображениям – заглавия двух пушкинских произведений: были напечатаны «История села Горохина» и «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде». Название пушкинского романа в прозе «Арап Петра Великого» тоже принадлежит редакторам. Это торжественное, выспреннее заглавие не зря столь прочно вошло в литературный обиход, оно чрезвычайно выразительно. С одной стороны, оно отвечало официальной линии именовать царя-преобразователя Петром Великим. С другой стороны, оно прямо перекликается с начальной фразой романа: «В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим» (VIII, 3).

Профессору С.А.Фомичеву удалось, на наш взгляд, весьма убедительно доказать, что более вероятным заголовком романа должен был быть «Царский арап»¹⁸⁸. Это устанавливается рядом косвенных свидетелей. Например, С.Н. Карамзина в письме сыну в апреле 1837 года называет роман Пушкина «Ибрагим, царский Арап». В 1848 году Н.В. Гоголь назвал неоконченный пушкинский роман примерно так же: «Царский араб».

В тексте романа настойчиво акцентировано определение героя: «царский арап», например: «Изо всех молодых людей, воспитанных в чужих краях (прости Господи), царский арап всех более на человека походит» (VIII, 22); или «В гостиной, в мундире при шпаге, с шляпою в руках сидел царский арап» (VIII, 30); или «Она с усилием приподняла голову и вдруг узнала царского арапа» (VIII, 31) и т. д.

Трагедия Шекспира «Отелло» шла на сцене петербургского «Нового Английского театра» под названием «Венецианский арап» (в переводе И.А.Вельяминова) или «Венецианский мавр» (в переводе А. де Виньи, 1829). На эту модель совершенно оправданно указывает С.А.Фомичев. Он делит заглавия пушкинских произведений больших форм на три основные категории: по имени главных героев («Руслан и Людмила», «Евгений Онегин», «Аджело» и т.п.); по определению – характеристике героя («Станционный смотритель», «Пиковая дама», «Скупой рыцарь», «Капитанская дочка» и др.); по центральному событию или месту действия («Полтава», «Египетские ночи», «Бахчисарайский фонтан» и т. д.) – и выявляет, что вторая категория пушкинских заглавий наиболее представительна и, если включает в себя определение, то обязательно согласованное. «Следовательно, – делает вывод ученый, – заглавие «Царский арап» более соответствует и поэтике пушкинских заглавий, чем принятое донныне».

¹⁸⁷ Там же. С. 153. Следует учесть, что прошло 10 лет с описываемых Погодиным событий, и память могла изменить ему – в том, что касается общего числа глав или их последовательности.

¹⁸⁸ См.: Фомичев С.А. Об одном редакторском заглавии произведения Пушкина. В сб.: Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1982. С. 106–109.

Можно, наверное, привести и дополнительные доводы в пользу версии С.А.Фомичева. Сам Пушкин, опубликовав в «Литературной газете» 1 марта 1830 года отрывок из третьей главы своего исторического романа, озаглавил его «Ассамблея при Петре 1-м»¹⁸⁹ (а не Петре Великом!) – VIII, 533. В тексте романа с именем царя преобладает сочетание «Петр Первый». Например, регент вручает письмо Ибрагиму: «Это было письмо Петра 1-го», – пишет Пушкин (VIII, 8), что тоже косвенно свидетельствует, на наш взгляд, об искусственности конструкции «Арап Петра Великого».

Сила традиции велика, и можно с уверенностью предположить, что и впредь первенец пушкинской исторической прозы будет известен читателям под редакторским названием 1837 года (если, конечно, не будут обнаружены какие-нибудь пушкинские документы или свидетельства, недвусмысленно указывающие на другой заголовок).

И все-таки сомнительно, чтобы Пушкин оставил в названии своего романа пышный титул «Петр Великий». Ведь, несмотря на смену исторических «декораций», еще не устарел «Совет эпическому стихотворцу», данный К.Н. Батюшковым в эпиграмме 1810 года:

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой:
Петр длинный, Петр большой,
Но только Петр Великий —
Ее не называй¹⁹⁰.

«Чтоб эпитафьи разбирать»

Эпитафья (м.) – изречение, которое писатель, как значок или знамя, выставляет в заголовок своего сочиненья...

Вл. Даль. Толковый словарь... Т. IV. С. 665.

«Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпитафья и дозволив себе переменить некоторые собственные имена. Издатель. 19 окт. 1836». Так заканчивается пушкинская «Капитанская дочка». Это обращение к читателям – конечно, маленькая мистификация автора. В нем все вымышлено – кроме сообщения о работе с эпитафьями. Оно приоткрывает нам «авторскую кухню», показывает значение, которое придавал Пушкин смыслу и месту эпитафьи в романе.

Для «Царского арапа» Пушкин тоже тщательно подобрал эпитафьи, выписал их на отдельном листе. Только к двум главам – первой и четвертой – автор сам определил эпитафьи, а остальные условно соотнесли по главам редакторы посмертных изданий. Они же предположительно выделили и общий эпитафья к роману – языковскую строчку – «Железной волею Петра преображенная Россия».

До сих пор – в отсутствие ясно выраженной авторской воли – правомерность подбора эпитафьи к главам романа оспаривается многими исследователями. И хотя в популярных изданиях пушкинской прозы эпитафьи как ни в чем не бывало красуются перед каждой главой, в научных собраниях сочинений Пушкина присутствуют только два, выбранные самим автором:

¹⁸⁹ В «Повестях, изданных А. Пушкиным» (1834) эта же глава была опубликована под авторским названием «Ассамблея при Петре Первом».

¹⁹⁰ Эпитафья была направлена против поэмы С.А. Ширинского-Шихматова «Петр Великий, лирическое песнопение в 8 песнях». Цит. по: *Батюшков К.Н.* Нечто о поэте и поэзии. М., 1985. С. 83.

«Я в Париже: // Я начал жить, а не дышать. (Дмитриев. Журнал путешественника)» – перед первой главой и строки из «Руслана и Людмилы» («Не скоро ели предки наши...») – перед четвертой.

Виктор Шкловский в «Заметках о прозе Пушкина» высказал предположение, что языковский эпиграф должен был относиться не ко всему роману, а только к пятой главе¹⁹¹. Выписанная Пушкиным цитата из Баратынского («Уж стол накрыт, уж он рядами // несчетных блюд отягощен...») первоначально, по мнению Шкловского, предназначалась в качестве эпиграфа к четвертой главе («Обед у русского боярина»), но затем была заменена словами из «Руслана и Людмилы». (Нельзя, правда, исключать, что эпиграф из Баратынского был предназначен к ненаписанной главе о свадебном пире!) Шкловский также считает, что первый эпиграф пушкинского списка («Я тебе жену добуду // Иль я мельником не буду») дает несколько ироническую характеристику настойчивости Петра в сватовстве. Далее В.Шкловский пытается при помощи эпиграфов реконструировать возможное развитие сюжета романа: «Два последних эпиграфа особенно любопытны.

Как облака на небе,
Так мысли в нас меняют легкий образ.
Что любили днесь, то завтра ненавидим¹⁹².

(Кюхельбекер)

Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен...
Желанием честей разлучен,
Зовет, я слышу, славы шум!

(Державин)

Предпоследний эпиграф – это след главы, в которой должно было быть изображено колебание невесты.

Последний эпиграф мог предшествовать главе, в которой любовь Ганнибала сменялась бы жаждой славы»¹⁹³.

Значение эпиграфа в пушкинской поэтике давно замечено.

В.Шкловский, произвольно трактуя последовательность эпиграфов к «Царскому арапу», по-своему прав: раз уж не сохранился авторский план романа, то почему бы не попробовать проследить этот план по списку эпиграфов?

И здесь мы вплотную подходим к важнейшему вопросу, связанному с «Царским арапом»: как должен был заканчиваться роман?

¹⁹¹ Шкловский В.Б. Заметки о прозе Пушкина. М., 1937. С. 33.

¹⁹² Пушкин здесь, очевидно по памяти, цитирует близко к тексту слова Протогена (действие III, явл. 3) из примечания Кюхельбекера к «Отрывку из путешествия по Германии» (1824). См.: Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 29. В.С. Листов видит в этом эпиграфе указание на возможное сюжетное движение романа о царском арапе: «У стрелецкого сироты при неблагоприятной развязке еще больше поводов «завтра ненавидеть» того, кто вчера казнил отца, а сегодня, допустим, разлучает с любимой девушкой или ссылает в дальнюю крепость» (Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989. С. 121). См. об этом в главе «Стрелецкий сын» настоящей книги.

¹⁹³ Шкловский В.Б. Заметки о прозе Пушкина. С. 32–33.

«Даль свободного романа»

*Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман мой продолжать...*

А. С. Пушкин

Исследователь прозы Пушкина, Н.Н. Петрунина права, когда пишет, что «невозможно предугадать конкретных путей движения творческой мысли Пушкина, характера художественных его свершений, так как каждый шаг вперед сопровождался у Пушкина-прозаика новыми творческими открытиями, имевшими принципиальное значение для будущего всей русской прозы»¹⁹⁴.

Предугадать действительно невозможно. Но попытаться проследить направления этой творческой мысли, увидеть ориентиры, самим поэтом расставленные, – его «зарубки» и «сигнальные огни» – можно и должно.

Роман был оставлен, прерван в самом зените. Но Петровская эпоха продолжала будоражить воображение художника, возникшие вопросы настоятельно требовали ответа. Пушкин все больше и больше погружался в исторический материал, пропускал его через себя, познавал свой XVIII век. «Об этом веке он заботливо собирал сведения и знал много, – отметил историк В.О. Ключевский. – Он мог рассказать о нем гораздо больше того, что занес в свои записки, заметки, анекдоты и т. п.»¹⁹⁵.

Пушкин всерьез «заболел» XVIII веком. Он изучал его с добросовестностью ученого и постигал всеведением поэта. Роман пылился в черных тетрадах, но его герои продолжали жить в новых пушкинских творениях.

«Каждый труд оставляет после себя отходы, – сказал однажды К.Г. Паустовский. – Оставляет их и писательский труд. Обычно в роман или повесть входит только часть того материала, какой был для них собран автором. Большая часть материала остается за бортом законченной книги. Это золотая пыль в мастерской ювелира»¹⁹⁶.

«Золотая пыль», оставшаяся от романа о царском арапе, переплавилась в золотое «петровское» ожерелье Пушкина, в котором ярко засверкали «Полтава», «Медный всадник», «Моя родословная», «История Петра».

У Пушкина, как у рачительного хозяина, ничего не пропадает, все идет в дело. Знания, добытые при подготовке романа о царском арапе, были расширены и углублены за те последующие десять лет, которые отпустила ему судьба. Только потомки смогли по достоинству оценить его гигантскую работу.

Вновь предоставим слово профессору В.О.Ключевскому. В день открытия памятника поэту в речи на торжественном собрании в Московском университете он сказал: «Пушкин – не мемуарист и не историк; но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристом он встречает художника. В этом значение Пушкина для нашей историографии, по крайней мере главное и ближайшее значение»¹⁹⁷. А вот другое, более позднее, но не менее авторитетное суждение: «Исторические исследования Пушкина, касающиеся восстания Пугачева и

---

¹⁹⁴ Петрунина Н.Н. Проза Пушкина и пути ее эволюции // Русская литература. 1987. № 1. С. 60.

¹⁹⁵ Русская мысль. 1880. № 6.

¹⁹⁶ Паустовский К.Г. Поэзия прозы. М., 1953.

¹⁹⁷ Русская мысль. 1880. № 6.

царствования Петра Первого¹⁹⁸, ставят его в ряды лучших наших историков», – заявил в 1949 году на юбилейном заседании Академии наук ее президент С.И. Вавилов¹⁹⁹.

Главный пушкинский труд о Петре, вместивший в себя и весь опыт романа о царском арапе, тоже остался незавершенным. «Его записки – пока лишь высокохудожественный подбор материалов – результат архивных изысканий. Восстановив исторический процесс, он надеется объективно объяснить современные ему явления России...» – сказано Пушкиным о Карамзине. Слова эти с полным правом могут быть отнесены и к самому Пушкину.

Дерзнем выглянуть в окно, распахнутое незавершенностью романа о царском арапе. Три важнейших события можно разглядеть в туманных перипетиях судьбы его героя (о них не мог не думать автор): несчастная женитьба, смерть благодетеля – Петра, сибирская ссылка. Такая сюжетная последовательность вполне укладывается в традиции русского романа, который, по меткому наблюдению М.Е.Салтыкова-Щедрина, так отличается от западноевропейского: западный роман кончается свадьбой, а русский роман начинается свадьбой, а кончается где-нибудь в Сибири²⁰⁰.

Первая линия, связанная с семейной жизнью арапа, была предусмотрена планом романа, о котором нам поведал А.Вульф, и кратко намечена в диалоге арапа и Корсакова:

– Благодарю за дружеский совет, – прервал холодно Ибрагим, – но знаешь пословицу: не твоя печаль чужих детей качать...

– Смотри, Ибрагим, – отвечал, смеясь, Корсаков, – чтобы тебе после не пришлось эту пословицу доказывать на самом деле, в буквальном смысле»²⁰¹ (VIII, 30).

Следующая катастрофа, которая неминуемо должна была обрушиться на голову арапа, – это смерть царя Петра, крестного и свата Ибрагима. По нескольким страницам, посвященным описанию этой смерти в пушкинской «Истории Петра»²⁰², можно судить о напряженном драматизме сцены и глубочайшем психологическом проникновении Пушкина в обстоятельства последних дней и часов Петра:

«...Тверской архирей на ухо ему продолжал свои увещевания и молитвы об отходящих. Петр перестал стонать, дыхание остановилось – в 6 часов утра 28 января Петр умер на руках Екатерины» (X, 288). Произошло это ровно через два года после возвращения Ганнибала из Франции в Россию.

Следующий поворот в жизни арапа тоже мог найти свое место на страницах романа. В «Начале автобиографии» Пушкин пишет: «После смерти Петра Великого судьба его переме-

¹⁹⁸ Принято считать, что Пугачев и Петр – у Пушкина две совершенно разные и далекие друг от друга темы. Однако на самом деле их многое объединяет: не просто принадлежность к XVIII веку, не только некоторые сюжетные коллизии, общие для царя Петра в романе о Ганнибале и для крестьянского «царя» Пугачева в «Капитанской дочке» (линия «царя-свата», например). В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в фонде арзамасской провинциальной канцелярии было обнаружено «Дело о получении пороха от находящегося на Выксунском заводе Баташевых капитана II ранга Ганнибала для отражения наступления войск Пугачева». В Выксе в разгар крестьянского восстания в Поволжье находился родной дед поэта, Осип Абрамович Ганнибал, сын арапа Петра Великого. В «Истории Пугачева» Пушкин обошел молчанием события крестьянской войны в нижегородском крае, хотя не исключено, что интерес к этой теме возник у него именно в Болдине. «Может быть, Пушкин знал о выксунской странице жизни деда и бабки?» – задает логичный вопрос хранитель Горьковского архива Н.И. Куприянова, автор увлекательной книги «К сему: Александр Пушкин...» (Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1982).

¹⁹⁹ Правда. 8 июня 1949 г.

²⁰⁰ См.: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Господа ташкентцы.

²⁰¹ В.С.Листов, остроумно сопоставляя первые главы «Арапа» и Голиковские анекдоты о Петре, набрасывает следующую весьма пессимистическую сюжетную линию романа: «Царская милость обернется страшным горем для всех действующих лиц. Навсегда разлучены влюбленные Наташа и Валериян; страдает в семейственной жизни Ибрагим; не будет счастлив и внебрачный ребенок Наташи. Последствия «милости» Петра тяжело скажутся не только на судьбе героев, но и на жизни следующих поколений семьи» (см.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. XIII. С. 117).

²⁰² Многие ее отрывки звучат как чеканная художественная проза. См.: *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. Изд. 7-е. М., 1979. С. 136–160. Тема смерти Петра – труднейшая для писателя. А.Н.Толстой в одном письме признался, что не сможет довести свой роман до смерти Петра.

нилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от дворца. Ганнибал был переименован в майоры Тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену»²⁰³ (XII, 312).

У Меншикова были основания подозревать арапа. Начало их взаимной неприязни запечатлено во второй главе романа: «Ибрагим узнал великолепного князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающего с Екатериной, гордо на него покосился...» (VIII, 11). В пятой главе Ганнибал становится свидетелем претензий Петра к Меншикову, связанных с корыстолюбием и злоупотреблениями временщика. «А теперь, – продолжал он, потряхивая дубинкою, – заведи меня к плуту Данилычу, с которым надо мне перевестаться за его новые проказы» (VIII, 28).

Привлечение этих фактов вполне соответствовало бы творческим принципам Пушкина, который стремился выбирать для художественного анализа ключевые, переломные моменты русской истории, на их фоне повествование напряжено, насыщено «духом эпохи».

К таким моментам относятся и приведенные нами три эпизода, три судьбоносных события, каждое из которых могло бы составить достойное продолжение романа о царском арапе. «А жаль, что не кончил!»

Пушкин, несомненно, вернулся бы к художественному осмыслению Петровской эпохи – на новом творческом и философском уровне. И можно повторить слова писателя-пушкиниста Вс.Н.Иванова: «Мы должны скорбеть глубоко, что ранняя смерть не дала Пушкину осуществить свой великий замысел – создать исторический роман о Петре Первом – в нем бы Россия имела великие исторические осознания. Великая потеря»²⁰⁴.

Пытаясь рельефнее представить художественный мир пушкинского романа о царском арапе, я как-то попробовал на листе бумаги графически изобразить все видимые (и невидимые на первый взгляд) связи «Арапа Петра Великого» с предыдущим и последующим творчеством Пушкина, с русской и европейской литературой как допушкинского, так и современного ему периода. Получился замысловатый многолучевой узор, немного напоминающий морскую «розу ветров», на стрелках которой – вместо названий частей света – стояли названия десятков произведений самых разных жанров и направлений.

«Творчество Пушкина воздействовало на дальнейшую литературу двояким образом: как совокупность его произведений и заключающихся в них мотивов, образов, картин, проблем и идей и как некая единая художественная система. И в том, и в другом отношении посмертная жизнь произведений Пушкина была богатой и плодотворной», – писал Б.В. Томашевский²⁰⁵.

²⁰³ В основу этих записок положен пушкинский перевод т. н. «немецкой» биографии А.П.Ганнибала. Н.Я.Эйдельман дал комментарий историка: «Кое-что Пушкин не сумел или не захотел перевести... Отсюда произошли некоторые особенности перевода: злополучная «Китайская стена» – один из примеров (в немецком тексте ясно сказано – «китайская граница») (Эйдельман Н.Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 343). С таким объяснением трудно согласиться. Скорее всего, в понятие «измерить Китайскую стену» Пушкин вложил известную долю иронии, подчеркнув бессмысленность и надуманность предлога, под которым Меншиков удалил арапа из столицы. Приведем также интереснейшую находку – челобитную арапа, обнаруженную в Омском государственном архиве: «В прошлом 1727 году мая 15 день в бытность мою в Питербурге при дворе Вашего императорского Величества князь Меншиков поимся на меня, последнего раба, безвинно отлучил от двора... и беспременно выслал меня со своим партикулярным письмом в Тобольск и писал к сибирскому губернатору тайному советнику Долгорукову, чтобы он меня послал в сибирский крайний город Селенгинск». В конце – подпись: «лейб-гвардии Преображенского полку от бомбандер поруччик Абрам Петров апреля в 5 день 1728 году руку приложил» («Известия», 25 января 1987 г.).

²⁰⁴ Иванов Вс. Александр Пушкин и его время. М., 1977. С. 6. Л.Сидяков предположил: «Среди комплекса причин, вызвавших отказ Пушкина от продолжения его первого исторического романа, не последнее место занимает, очевидно, успешная разработка петровской темы в «Полтаве». Но историческая поэма Пушкина отнюдь не отменила «Арапа Петра Великого», напротив, опыт исторического романа сказался в ней, определив характер ряда художественных решений автора «Полтавы.» (Сидяков Л.С. «Арап Петра Великого» и «Полтава». В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 65). Наши предположения о причинах незавершенности романа о царском арапе см. в конце главы «Учитель танцев» данной книги (см. также: Букалов А.М. Два персонажа из романа о царском арапе. В сб.: Болдинские чтения. Горький, 1987. С. 250).

²⁰⁵ Томашевский Б.В. Поэтическое наследие Пушкина. В сб.: Пушкин – родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 319.

Часть вторая **«Знакомцы давние, плоды мечты моей»**

«За что арапа своего»

*Лежат снега белее облак,
белей лебяжьего крыла,
И странен абиссинский облик
слуги Великого Петра...*

М. Сергеев. «Перо поэта»

Рассказывая о судьбе пушкинского романа в целом, мы обязательно должны остановиться на образах главных его героев, поговорить и об их судьбе – литературной и исторической. Потому что многое из того, что Пушкин задумал поведать в своем романе, было уточнено, углублено им в других произведениях – в стихах и прозе. «Знакомцы давние», герои романа о царском арапе, стали спутниками всей его жизни, обрели литературных наследников в творчестве самого поэта, в книгах других русских писателей.

При этом мы будем только затрагивать вопросы художественного раскрытия образов, отсылая читателей к специальным литературоведческим статьям, в разное время опубликованным в печати. В этих работах проанализированы язык и стиль романа, особенности его строения, отдельные творческие приемы и находки Пушкина, получившие свое дальнейшее развитие в его повествовательной прозе.

Наш первый рассказ – о самом «Царском арапе».

* * *

Ибрагим Ганнибал – один из самых «любезных» пушкинскому сердцу героев романа. Автобиографичность этого образа давно замечена (хотя время от времени – безуспешно – оспаривается).

Первая глава романа начинается с рассказа об Ибрагиме, очень лаконичного и местами похожего на биографическую справку или выдержку из послужного списка:

«В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим²⁰⁶. Он обучался в парижском военном училище, выпущен был капитаном артиллерии, отличился в Испанской войне и, тяжело раненный, возвратился в Париж. Император посреди обширных своих трудов не переставал осведомляться о своем любимце и всегда получал лестные отзывы насчет его успехов и поведения. Петр был очень им доволен и неоднократно звал его в Россию, но Ибрагим не торопился. Он отговаривался различными предложениями, то раною, то желанием усовершенствовать свои познания, то недостатком в деньгах, и Петр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своем здравии, благодарил за ревность к

---

²⁰⁶ Как подметил В.С.Листов, этот зачин романа, повторяющийся и в статье «Александр Радищев» (ХП, 30), Пушкин почти дословно заимствовал из первой фразы «калмыцкого анекдота» И.Голикова: «Между множеством разосланных Монархом в чужие края молодых Россиян находился один из достаточных калужских помещиков» (Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1959. С. 115).

учению и, крайне бережливый в собственных своих расходах, не жалел для него своей казны²⁰⁷, присовокупляя к червонцам отеческие советы и предостерегательные наставления» (VIII, 3).

Уже в этом отрывке выявляется доминанта в отношении Петра к Ибрагиму: арап – царский «любимец», о здоровье которого Петр заботится, которому дает «отеческие советы». Ибрагим предстает в первых строках романа молодым, образованным офицером, уже успевшим отличиться на полях сражений.

Исследователи пушкинской исторической прозы отмечали, что действительным героем «Арапа...» является не Ибрагим и даже не Петр, а сама Петровская эпоха. С.Евдокимова, например, верно подметила трудности для читателя «проникнуть во внутренний мир Ибрагима, которому, кстати, не так уж и часто предоставлено слово в романе. В отличие от Гриневы в “Капитанской дочке”, претерпевающего трансформацию в ходе развертывания повествования, Ибрагим не меняется сколько-нибудь существенным образом и появляется в романе целиком сложившимся персонажем. Вместо того чтобы создать портрет сложного, находящегося во внутреннем росте человека, Пушкин вводит персонаж, чей путь служит просто комментарием к характеристике исторической эпохи»²⁰⁸.

Затем мы наблюдаем Ибрагима «в волнах» парижского большого света: «Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть у себя *le Negre du czar*²⁰⁹ и ловили его наперехват; регент приглашал его не раз на свои веселые вечера; он присутствовал на ужинах, одушевленных молодостью Аруэта²¹⁰ и старостию Шолье, разговорами Монтестье и Фонтенеля; не пропускал ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представления, и предавался общему вихрю со всею пылкостью своих лет и своей природы» (VIII, 4).

Кажется, это написано о самом Пушкине, вернувшемся к светской жизни после долгих лет ссылки!

Начинается линия графини Д., и здесь раскрываются особенности положения Ибрагима, связанные с его внешностью и происхождением: «Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особенного внимания; это польстило ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его самолюбие. Сладостное внимание женщин, почти единственная цель наших усилий, не только не радовало его сердца, но даже исполняло горечью и негодованием. Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего. Он даже завидовал людям, никем не замеченным, и почитал их ничтожество благополучием» (VIII, 4–5).

Среди этого повествования, напряженного, полного тонких психологических наблюдений и чем-то напоминающего пушкинский же рассказ о поэте из «Египетских ночей», в иронической ремарке от первого лица («почти единственная цель наших усилий») вдруг как из-за кулис выглянул сам автор – знаток света и сердцевед. А мы продолжаем знакомиться с Ибрагимом: «Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его от самонадеянности и притязаний самолюбия, что придавало редкую прелесть обращению его с женщинами. Разговор его был прост и важен: он понравился графине Д., которой надоели вечные шутки и тонкие намеки французского остроумия. Ибрагим часто бывал у ней. Мало-помалу она при-

²⁰⁷ Пушкину не могли быть известны обнаруженные через много лет после его гибели отчаянные письма арапа и его со товарищей по учебе из Парижа: «На плечах ни кафтана, ни рубашки почитай нет, мастера учат в долг. Просим по некоторому числу денег, чтобы нам мастерам дать, но наше прошение всегда вотще...» (Цит. по: *Левц Г.А.* Абрам Петрович Ганнибал. Таллинн, 1984. С. 39.)

²⁰⁸ Pushkin's Historical Imagination. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 151.

²⁰⁹ Царского негра (*фр.*).

²¹⁰ Вольтера.

выкла к наружности молодого негра и даже стала находить что-то приятное в этой курчавой голове, чернеющей посреди пудренных париков ее гостиней. (Ибрагим был ранен в голову, и вместо парика носил повязку.) Ему было 27 лет от роду; он был высок и строен, и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным, нежели простое любопытство, но предубежденный Ибрагим или ничего не замечал или видел одно кокетство» (VIII, 5).

Это замечательная деталь – раненый Ибрагим: она, во-первых, сообщает читателю дополнительную биографическую подробность, во-вторых, как бы перекидывает мостик к другому арапу, страдавшему от ран, полученных в европейских войнах, – к венецианскому мавру Отелло («она его за муки полюбила...»). Мы еще вернемся к этой параллели...

Парижская «любовная» новелла – маленький пушкинский шедевр. Вот как ее оценивает Л.И. Вольперт, одна из первых сопоставившая образы царского арапа и венецианского мавра: «Обаятельный человеческий облик Ибрагима в любви раскрывается со всей полнотой. В отношении к графине проявляются его душевное благородство, верность и альтруизм. Анализ его чувства, от момента возникновения страсти до рождения черного ребенка, – блестящий образец новаторского психологизма. Пушкина. Без всякой чувствительности и дидактизма, с редким лаконизмом и тактом отмечены все этапы развития страсти <...> С новаторской смелостью Пушкин изобразил земную и «грешную» страсть как высокое и чистое чувство. Весь этот отрывок, сверкающий как драгоценный бриллиант в ткани исторической повести, – подлинное открытие в русской литературе. Любовный эпизод романа с его тонким психологизмом прокладывал путь новой поэтике, вел к жанру «светской повести» и «Повестям Белкина»²¹¹.

Важнейший момент для характеристики Ибрагима – его отношение к своей второй родине – России. Он намеревается «оставить Париж и отправиться в Россию, куда давно призывали его и Петр и темное чувство собственного долга» (VIII, 7).

Отъезду Ибрагима предшествует сцена у герцога Орлеанского: «Однажды Ибрагим был у выхода герцога Орлеанского. Герцог, проходя мимо его, остановился и вручил ему письмо, приказав прочесть на досуге. Это было письмо Петра Первого. Государь, угадывая истинную причину его отсутствия, писал герцогу, что он ни в чем неволить Ибрагима не намерен, что он предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или нет, но что во всяком случае он никогда не оставит своего питомца²¹². Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. С той минуты участь его была решена. На другой день он объявил регенту свое намерение немедленно отправиться в Россию. “Подумайте о том, что делаете, – сказал ему герцог, – Россия не есть ваше отечество; не думаю, чтоб вам когда-нибудь удалось опять увидеть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребывание во Франции сделало вас равно чуждым климату и образу жизни полудикой России. Вы не родились подданным Петра. Поверьте мне: воспользуйтесь его великодушным позволением. Оставайтесь во Франции, за которую вы уже проливали свою кровь, и будьте уверены, что и здесь ваши заслуги и дарования не останутся без достойного вознаграждения”. Ибрагим искренно благодарил герцога, но остался тверд в своем намерении»²¹³ (VIII, 8).

Пушкин опирался в своем рассказе на «семейственные предания». Вот как завершается французский этап «немецкой» автобиографии А.П. Ганнибала: «...Заметные преимущества, которые Франция в те времена имела перед Россией, тогдашняя роскошь двора и даже климат, более благоприятный природе африканца, представляли для него столько неотразимой прелести, что он не сразу последовал вызову на север и в течение еще двух лет отговаривался то еще не полным освоением всех математических наук, то плохим состоянием здоровья, и

²¹¹ Вольперт Л.И. Пушкин и Стендаль. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1956. С. 217.

²¹² Ср. с оборотом из стихотворения «К Языкову» (1824): «В деревне, где Петра питомец...» (II, 322)

²¹³ В «Истории Петра» Пушкин вернется к обстоятельствам отъезда своего прадеда из Парижа. Вот его запись: «Петр пишет (17 октября 1722 г.) графу Головину о письме ему Аврама Арапа, Гавр. Резанова и Степана Коровина, что они по указу в свое отечество ехать готовы...» (X, 269). Слова многозначные: Россия – вот «свое отечество» для «Аврама Арапа»!

все откладывал свое возвращение. Настоящая причина этой проволочки не могла укрыться от пронизательного государя. Он написал регенту, что Ганнибала к своей службе не неволит и настоящим предоставляет ему полную свободу действовать по собственной совести и доброй воле. Герцог показал ему письмо государя. Это вновь оживило в нем признательность...»²¹⁴

В своем романе Пушкин, как мы видели, сохранил основной смысл доставшегося ему документа с незначительными стилистическими изменениями. Он вошел и в пушкинский перевод биографии прадеда, и в «Начало автобиографии».

Один из самых значительных эпизодов всего романа – встреча Петра и Ибрагима: «Осталось двадцать восемь верст до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагим вошел в ямскую избу. <...> Ибрагим, узнав Петра, в радости к нему было бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнял его и поцеловал в голову. «Я был предуведомлен о твоём приезде, – сказал Петр, – и поехал тебе навстречу. Жду тебя здесь со вчерашнего дня». Ибрагим не находил слов для изъявления своей благодарности. «Вели же, – продолжал государь, – твою повозку везти за нами; а сам садись со мною и поедем ко мне». Подали государеву коляску. Он сел с Ибрагимом, и они поскакали» (VIII, 10).

Источник у Пушкина – тот же. Сравним с ганнибаловой биографией: «Получив известие об его приближении, государь со своей супругой, императрицей Екатериной, поехал ему навстречу из Петербурга до Красного села, на 27-ю версту...»²¹⁵.

Пушкин, по-видимому, провел кое-какие дополнительные поиски, их результаты отразились в тексте «Начала автобиографии»: «Тронутый Ганнибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать» (XII, 312).

Обращает на себя внимание деталь с наследственной иконой. Пушкин придавал ей большое значение, раз пытался отыскать²¹⁶. В «ямскую» сцену романа об арапе Пушкин икону не включил (равно как и императрицу Екатерину). Но если жена Петра вскоре встречает Ибрагима на пороге своего дворца, то в предпоследней, шестой главе – в светелке боярской дочери «тихо теплилась лампада перед стеклянным кивотом, в коем блистали золотые и серебряные оклады наследственных икон»²¹⁷ (VIII, 29).

Вернемся, однако, в ямскую избу. Биограф Ганнибала Г.А. Леец всю сцену решительно опровергает: «В действительности ничего этого не было. И не могло быть по той причине, что Петр I находился с 18 декабря 1722 года по 23 февраля 1723 года в Москве. В Москву и прибыл из Франции 27 января 1723 года князь В.Л. Долгорукий вместе с Абрамом»²¹⁸.

Другой историк менее категоричен: «Подробности о встрече, сохраненные не только преданием, но и образом Петра и Павла, которым царь будто бы благословил крестника, – все это требует осторожной критики. Вполне вероятно, что встреча возле Москвы позже слилась в памяти с другой, петербургской встречей; особая честь, оказанная офицеру, объясняется скорее всего тем, что Абрам Петрович ехал вместе с послом Долгоруким, а царь встречал все

²¹⁴ Рукою Пушкина. М.–Л., 1935. С. 53.

²¹⁵ Там же. В библиотеке Пушкина была книга Яковкина «История села Сарского» (Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина. С. 119–120. № 443). Д.П.Якубович полагал ее одним из источников романа о царском арапе. Там в главе «Дороги» (на стр. 108) говорилось: «Из Петербурга до Сарского была перспектива одна только дорога... Дорогу сию начали обделять с 1717 года». (См.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. С. 272).

²¹⁶ Академик Д.Н.Анучин у правнучки арапа Анны Семеновны Ганнибал видел образ с надписью на оборотной стороне, удостоверяющей его принадлежность А.П.Ганнибалу. По семейному преданию, это был именно тот образ, которым Петр I некогда благословил своего крестника. Однако образ этот был не Св. Петра и Павла, о котором говорит Пушкин, а Св. Нерукотворного (Анучин Д.Н. Пушкин. С. 8)

²¹⁷ Пушкин внимательно вглядывался в старинные иконы. Еще в детстве в московских и подмосковных храмах он мог рассматривать популярный образ Николы Зарайского, где есть сюжет, как будто связанный с семейными преданиями Ганнибалов. «Никола-Чудотворец возвращает мальчика из мусульманского плена». Такая икона московской школы работы Кирилла Иванова и Тимофея Тимофеева (1642 г.) экспонируется сейчас в Музее древнерусского искусства им. Андрея Рублева в Москве.

²¹⁸ Леец Г.А. Абрам Петрович Ганнибал. 1984. С. 501.

посольство. Весьма довольный Долгоруким (а также другим дипломатом, только что прибывшим из Берлина, – Головкиным), Петр велел им обоим в назначенный день одновременно приехать в Петербург и выехал им навстречу за несколько верст от города в богатой карете, в сопровождении отряда гвардии. Вероятно, часть почестей относилась и к Абраму Петровичу; общая же экспозиция семейного предания, как видим, сходится с историческим описанием: царь выезжает из города, встречает любимцев с особым уважением, награждает и пр.»²¹⁹.

Ибрагим, подобно блудному сыну из библейской притчи, возвращается к своему (крестному) отцу («явился к монарху с повинною головой», – запишет Бантыш-Каменский со слов Пушкина).

Так, наверное, и сам поэт предстал в глазах света «блудным сыном», который вернулся «в объятия государя» после многих лет странствий и ссылки²²⁰.

«Петр со всем семейством сел обедать, пригласив и Ибрагима. Во время обеда государь с ним разговаривал о разных предметах, расспрашивал его об Испанской войне, о внутренних делах Франции, о регенте, которого он любил, хотя и осуждал в нем многое²²¹. Ибрагим отличился умом точным и наблюдательным. Петр был очень доволен его ответами; он вспомнил некоторые черты Ибрагимова младенчества...» (VIII, 11).

Начинается новое поприще Ибрагима. В его душе происходит перерождение: «Ибрагим, оставшись наедине, едва мог опомниться. Он находился в Петербурге, он видел вновь великого человека, близ которого, еще не зная ему цены, провел он свое младенчество. Почти с раскаянием признавался он в душе своей, что графиня Д., в первый раз после разлуки, не была во весь день единственной его мыслию. Он увидел, что новый образ жизни, ожидающий его, деятельность и постоянные занятия могут оживить его душу, утомленную страстями, праздностию и тайным унынием. Мысль быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нем в первый раз благородное чувство честолюбия» (VIII, 12).

Так возникает мотив сподвижничества, участия арапа в кипучей преобразовательской деятельности Петра. «Россия представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом.

²¹⁹ Эйдельман Н.Я. Ганнибал Пушкинский // Новый мир. 1981. № 5. С. 265. Вспомним слова П.А.Вяземского о Петре: «Встреча его с любимым Ибрагимом в Красном Селе, где, уведомленный о приезде его, ждет его со вчерашнего дня, может быть, и даже вероятно, не исторически верна, но – что важнее того – она характеристически верна. Этого не было, но оно могло быть; оно согласное с характером Петра...»

²²⁰ «Символическая связь между *отчим домом, отчиной и отчиной, родиной, между отцом и государем* не требует особых доказательств», – писал кемеровский литературовед В.И.Тюпа в статье «Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого» (Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 74–75). В пушкинских «Воспоминаниях в Царском Селе» хозяйкой «родимой обители», куда лирический герой входит с «поникшей головой», как «отрок Библии, безумный расточитель», выступает «великая жена» – Екатерина II. «Притча о блудном сыне занимает в художественном мире Пушкина место исключительное. Сказки Пушкина, начиная с “Руслана...”, полнятся ею», – отметил В.Н.Турбин (Пушкин. Гоголь. Лермонтов. М., 1977. С. 66). В.И.Тюпа подчеркивал усиление этого мотива в период 1829–1830 гг.: «Помимо общеизвестных биографических обстоятельств, связанных с выношенным намерением жениться и обрести свой Дом, напомним стихотворение “Воспоминание в Царском Селе” 1829 года и работу в этом же году над переводом “Гимна Пенатам” Р. Соути, стихотворения болдинской осени “Отрок” (библейский мотив ухода) и “Два чувства дивно близки нам” и т. п. Наконец, напомним, что описание “немецких картинок” перенесено в текст “Станционного зрителя” из задуманных ранее “Записок молодого человека”» (Болдинские чтения. Горький. 1983. С. 74). См. также: Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 122–127.

²²¹ Петр познакомился с герцогом Орлеанским в 1717 году в Париже. Тогда же состоялась встреча царя с малолетним королем Людовиком XV: Петр принял его из кареты на руки, сказав ставшие знаменитыми слова: «Всю Францию на себе несущ». Тогда же он с юмором сообщил Меншикову: «Король матерой человек и гораздо стар летами, а именно семи лет, которой был у меня, а я у него» (Голиков И.И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. XI. СПб.: 1794. С. 396–397). Пушкин знал об этом письме, а в «Истории Петра» сделал специальную запись о визите царя в Париж (X, 233). (Именно во время этого визита Петр лично оставил сопровождавшего его арапа Абрама для учебы во Франции.) В честь пребывания Петра в Париже была выбита памятная медаль. На лицевой ее стороне – портрет юного Людовика в лавровом венке, на оборотной – изображение сцены встречи Петра с мальчиком-королем. Описание этой медали имелось в библиотеке Пушкина (см.: Модзалевский. № 233). Медаль выставлена сейчас в Эрмитаже (см.: Медали и монеты Петровского времени из коллекции Государственного Эрмитажа, Каталог. Л., 1974. № 52)

Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка...» (VIII, 13). Ибрагим становится в строй деятелей новой петровской России, он один из помощников и доверенных лиц Петра-реформатора. И в этом главнейший смысл образа пушкинского предка в романе²²².

И еще об автобиографических моментах. В эпистолярной прозе Пушкина есть замечательные переключки со страницами его первого исторического романа. «Мне 27 лет, дорогой друг, – исповедуется Пушкин В.П. Зубкову о своем чувстве к Софье Пушкиной (1826 год). – Пора жить, то есть познать счастье <...> Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой – неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно – вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья. – Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером – судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?..» (XIII, 311, 562). Сравним это письмо со словами Ибрагима, обращенными в письме к Леоноре: «Зачем силиться соединить судьбу столь нежного, столь прекрасного создания с бедственной судьбою негра, жалкого творения, едва удостоенного названия человека?» (VIII, 9) А вот новые сомнения Ибрагима, связанные уже с его петербургским сватовством: «Если б и имел в виду жениться, то согласятся ли молодая девушка и ее родственники? Моя наружность...» И далее: «Жениться! – думал африканец, – зачем же нет? ужели суждено мне провести жизнь в одиночестве и не знать лучших наслаждений и священнейших обязанностей человека потому только, что я родился под... (цифра пропущена. – А.Б.) градусом?»²²³ (VIII, 27). Пушкин как будто сквозь столетие увидел, прочитал документ, который тогда еще пылился в архиве, – подлинное письмо прадеда: Ганнибал (уже генерал и обер-комендант Ревеля) восклицает в прошении И.А. Черкасову, кабинет-секретарю императрицы Елизаветы Петровны: «...я бы желал, чтоб все так были, как я: радетелен и верен по крайней мере моей возможности (только кроме моей черноты). Ах, батюшка, не прогневайся, что я так молвил – истинно от печали и горести сердца: или меня бросить, как негодного уroda, и забвению предать, или начатое милосердие со мною совершить...»²²⁴

Из окруженного холерой Болдина в октябре 1830 года Пушкин отправит письмо своей невесте Н.Н. Гончаровой: «Вы на меня видно сердитесь, между тем как я пренесчастнейшее животное уж без того...» (XIV, 119).

Пушкин в реальной жизни мечтает о женитьбе, сомневается, а в романе Корсаков поддразнивает Ибрагима: «С твоим ли пылким, задумчивым и подозрительным характером, твоим сплюснутым носом, вздутыми губами, с этой шершавой шерстью бросаться во все опасности женитьбы?..» (VIII, 30).

На страницах пушкинского романа арап размышляет о своей предстоящей семейной жизни: «От жены я не стану требовать любви, буду довольствоваться ее верностью, а дружбу приобрету постоянной нежностью, доверчивостью и снисхождением» (VIII, 27).

Роман оставлен, а сам Пушкин, решив жениться, пишет письмо своей будущей теще: «Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понра-

²²² Ср. наблюдение В.О. Ключевского: «...Арап Ибрагим, к сожалению, остался недорисованным в неоконченной повести. Можно только догадываться по некоторым штрихам, что из него имел выйти один из петровских дельцов, людей хорошо нам знакомых по Нартовым, Неплюевым и др. Это – характеры резкие и жесткие, но хрупкие по недостатку гибкости, и потому не живучие: они вымирали уже при Екатерине II» (Русская мысль. 1880. № 6. С. 24).

²²³ Д.П. Якубович подметил интонационное сходство этих размышлений; Ибрагима с пушкинским наброском «Жениться! Легко сказать...» («Участь моя решена»). Он же записал: «Арап столь близкий и симпатичный Пушкину, что многое в последних главах звучит как автобиографическое, но жениящийся «не по страсти, а по соображению» (см.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. С. 282). Ср. также с размышлениями Евгения из «Медного всадника»: «Жениться? Ну... зачем женет?» Остроумный комментарий предлагает С.Л.Абрамович: «В этом внутреннем монологе мы вновь узнаем человека 1820-х годов. Неверие в счастье, разочарованность и в то же время возвышенное представление о дружбе, высокий идеал семейных отношений – все это характерно для мироощущения романтика пушкинской эпохи. По смыслу, а также по лексике и стилистике этот монолог очень напоминает разговоры и размышления Ленского» (Русская литература. 1974. № 2. С. 71).

²²⁴ Письма Абрама Ганнибала (Архивные документы.) Издал Н.Гастфрейнд. СПб.: 1904. С. 63.

виться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца...» (XIV, 76, 404; подлинник по-французски).

Сопоставив именно эти тексты, Т.Г. Цявловская делает вывод: «Психологическая основа повести – душевный опыт самого Пушкина»²²⁵.

В черновой рукописи романа были и такие строки, относящиеся к арапу: «Целый день он думал о графине Д., следовал сердцем за нею, казалось, был свидетелем каждого ее движения, каждой ее мысли; в часы, когда он обыкновенно с нею видался, он мысленно собирался к ней, входил в ее комнату, садился подле нее разговаривал с нею, и мечтание постепенно становилось так сильно, так ощутительно, что он совершенно забывался» (VIII, 506). Абзац этот Пушкиным перечеркнут. Т.Г. Цявловская подметила: «Этим реальным ощущением того, что было только в мечтах или было, но отошло, отличался сам Пушкин». И привела выдержку из рассказов П.А. и В.Ф. Вяземских, записанных П.И. Бартевым: «Пушкин говаривал, что как скоро ему понравится женщина, то уходя или уезжая от нее, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит ее с собой, сажает ее в экипаж, предупреждает, что в таком-то месте будет толчок, одевает ей плечи, целует у нее руку и пр.». Цявловская справедливо заключает: «Пушкин обогащает образ Ибрагима собственными чертами». И опять обратимся к роману (глава III): «Ибрагим проводил дни однообразные, но деятельные – следовательно, не знал скуки. <...> Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка и старался как можно менее сожалеть об увеселениях парижской жизни. Труднее было ему удалить от себя другое, милое воспоминание: часто думал он о графине Д., воображал ее справедливое негодование, слезы и уныние... но иногда мысль ужасная стесняла его грудь: рассеяние большого света, новая связь, другой счастливец – он содрогался; ревность начинала бурлить в африканской его крови, и горячие слезы готовы были течь по его черному лицу» (VIII, 13–14). Т.Г. Цявловская: «...читаешь словно не об Ибрагиме, а о Пушкине»²²⁶. В романе много раз подчеркивается африканское происхождение Ибрагима, экзотичность его облика. В черновиках таких деталей было еще больше. Там, например, говорилось, что графиня «увлечена была в его объятия прелестью новизны и странности» (VIII, 521). Или: «Африканец вывел под руку несчастного франта» (VIII, 527). «Подобно многим пушкинским персонажам, образ Ибрагима многопланов, – отмечала Л.И. Вольперт в докладе на «Болдинских чтениях». – В нем проглядывают одновременно и черты исторической личности, прадеда поэта, биографией которого он так живо интересовался, и черты светского человека пушкинской поры, подобного Адольфу, герою Констанана, в момент его страстного увлечения Элеонорой, и, как нам представляется, черты Отелло. Человек редкого артистизма, склонный к «игре» и перевоплощениям, Пушкин, возможно, временами ощущал себя и Ганнибалом, и Адольфом, и Отелло, а иногда и «разыгрывал» эти роли в жизни²²⁷. В мозаичном образе Ибрагима все эти ипостаси поэта слились воедино, соответствуют разным граням личности героя, просвечивают одна через другую»²²⁸.

²²⁵ Прометей. Т. 10. М., 1975. С. 53. На сходство этих текстов обратил также внимание Ю.Г. Оксман в комментариях к «Арапу Петра Великого». См.: Пушкин А.С. Собр. соч. в 6 томах. М.–Л. 1936. Т. IV. С. 716–717.

²²⁶ Прометей. Т. 10. С. 61, 62.

²²⁷ Ср. с наблюдением Ф.Ф. Вигеля, который в Одессе «раз шути сказал» Пушкину, «что по африканскому его происхождению его все мне хочется сравнить с Отелло, а Раевского с неверным другом Яго» (А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. I. С. 226). См. также: Михлевич В.О. Дед Пушкина (Исторический вестник. 1886, январь. С. 87–143). Параллель «Пушкин – Отелло» стала общим местом для петербургского «высшего общества» в последние месяцы перед роковой дуэлью. Что верно подмечено в прекрасной книге «Пуговица Пушкина», принадлежащей перу итальянской исследовательницы-слависта Серены Витале: «В свете начали уже откровенно тяготиться этим человеком, который вел себя как дикарь, достойный своего африканского происхождения, как неистовый Отелло, как безумец» (*Serena Vitale Il bottone di Puskin. Milano: Adelphi Edizioni, 1995. P. 292*).

²²⁸ Вольперт Л.И. «Шекспиризм» Пушкина и Стендаля. В сб.: Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 62. Можно лишь предположить, с каким интересом воспринял бы Пушкин, доживи он до наших дней, сообщение ливийского лидера полковника Муаммара Каддафи, что Шекспир был арабским поэтом по имени шейх Спир, сыном шейха Зубаира. Профессор Леви Фоке из Шекспировского центра в Стратфорд-он-Эйвон назвал это утверждение Каддафи «самой химерической из гипотез».

Итак, Шекспир. Один из самых почитаемых пушкинских учителей в литературе. «По примеру Шекспира я ограничился изображением эпохи и исторических лиц...» (XIV, 46); «Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров...» (XI, 140) – эти и другие высказывания Пушкина можно отнести не только к «Борису Годунову», но и к начатому вслед за ним роману о царском арапе.

Известна оригинальная пушкинская трактовка образа венецианского мавра: «Отелло от природы не ревнив – напротив: он доверчив» (XII, 157).

Как подчеркнула Л.И. Вольперт, «эта идущая вразрез с общепринятым мнением оценка свидетельствовала о глубоком прочтении Пушкиным Шекспира, признании им высокого нравственного облика мавра и определила некоторые грани личности героя романа – Ибрагима. Образ Отелло значим для всех планов «Арапа Петра Великого» – автобиографического, исторического, беллетристического»²²⁹. И далее:

«В тексте романа нет прямых реминисценций из “Отелло”, дело обстоит сложнее. Пушкин заимствует рисунок роли, атмосферу, окружающую героя. Он как бы переносит частицу “внутреннего света”

шекспировского героя на Ибрагима. Его герой также натура глубокая, деятельная, цельная, с большим чувством ответственности. Он умеет быть благодарным, в нем много обаяния и человечности. Он, так же как и Отелло, неотразимо привлекает окружающих. Не только русский царь и любящая его графиня сердечно привязаны к нему, но и правитель Франции, регент Орлеанский, и дочери царя, и даже в доме боярина Ржевского “он всех успел заморозить”»²³⁰ (VIII, 32).

Это очень интересное наблюдение, но все-таки немного упрощенное. Пушкин учитывал неоднозначное отношение окружающих к арапу, и мы еще на этом моменте остановимся. В принципе, наверное, многие герои романа о царском арапе могли бы присоединиться к признанию шекспировского дожа Венеции, обратившегося к Бранцио:

Ваш темный зять
В себе сосредоточил столько света,
Что чище белых, должен вам сказать²³¹.

И если боярин Ржевский с уважением рассказывает историю Ибрагима («Он роду не простого»... «Он сын арапского салтана»), то и сам царский арап мог бы повторить полные достоинства и гордости за предков слова Отелло:

Я – царской крови и могу пред ним
Стоять как равный, не снимая шапки.
Семьей горжусь я так же как судьбой²³².

Что же до ревности, то она, конечно, «бурлит в африканской крови» Ибрагима, но все же и он, как Отелло, вспомним – «не ревнив – напротив: доверчив». И когда приходит горькая весть об измене возлюбленной, «какие чувства наполнили душу Ибрагима? ревность? бешен-

тез» (см.: «Досье», приложение к «Литературной газете», вып. 1, сентябрь, 1989. С. 32).

²²⁹ Вольперт Л.И. Указ. соч. С. 60–51.

²³⁰ Там же. С. 63.

²³¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч. в 8 томах. Т. 6. М., 1960. С. 302 (перевод Б.Л.Пастернака). Ср. эту оценку с репликой князя Лыкова: «Изо всех молодых людей, воспитанных в чужих краях (прости Господи), царский арап всех более на человека походит. – Конечно, – заметил Гаврила Афанасьевич, – человек он степенный и порядочный...» (VIII, 22)

²³² Там же. С. 290.

ство? отчаяние? нет, но глубокое, стесненное уныние» (VIII, 15). Ибрагим тоже доверчив. Как Отелло. Как доверчив был Пушкин.

Образ арапа занимает совершенно особое место в пушкинском романе не только благодаря родственным связям его прототипа с автором. Арап – это человек «со стороны», идеальная «точка наблюдения» за событиями, развертывающимися в столицах Франции и России в первой четверти XVIII века. Он выбран в герои по принципу «нет пророка в своем отечестве», он свободен от связей, он способен совершать поступки²³³.

Арап – изгой, фигура трагическая и уже поэтому полнокровная, живая. И хотя он один из многих иностранцев на службе у Петра, все же судьба у него особенная – дважды похищен, крещен, лицом черен. Все это Пушкин понял чутьем художника, хотя и не мог знать отчаянных строк из написанного по пути в Сибирь собственноручного письма А.П. Ганнибала все-сильному А.Д. Меншикову: «Не погуби меня до конца имене своего ради и кого давить такому превысокому лицу такого гада и самая последняя креатура на земли, которого червя и трава может сего света лишить: нищ, сир, беззаступен, иностранец, наг, бос, алчен, жаден; помилуй, заступник и отец и защититель сиротам и вдовицам...»²³⁴.

Пушкин в «Пиковой даме» привел любимые им дантовские строки о горечи чужого хлеба и тяжести ступеней чужого крыльца. Внимательные читатели не без основания предположили, что эти слова в равной степени относятся и к Лизе, сироте-воспитаннице в чужом доме, и к Германну, немцу-чужестранцу в русской столице²³⁵.

Добавим, что эти же слова можно применить и к Ибрагиму, чей хлеб труден и горек на чужбине.

Чернота – проклятие. Это представление восходит к библейской легенде о Хаме, который был проклят, сделан черным, обречен на рабство, как и сын его Ханаан и его потомки «по племенам их, по языкам их, в землях их, в народах их»²³⁶.

Известный современный африканский историк Шейх А.Диоп (Сенегал), доказывая величие культуры народов негроидной расы в доколониальный период, генетически связывает ее, опираясь на эту библейскую легенду, с древней египетской цивилизацией²³⁷. «Чернота ассоциируется с дьяволом», – подмечает Диоп.

В Словаре Вл. Даля слово «черный» имеет, среди прочих, значения: «нечистый, дьявол, чорт» (и далее «черные книги» – содержащие черную науку, чернокнижие, волхованье, при помощи нечистого, черного духа и пр.)²³⁸. Суеверные люди и в наши дни вместо «черт» говорят «черный».

Пушкин замечательно чувствовал это сближение. Не случайно у него как бы перекликается «арапов черный рой» из «Руслана и Людмилы» и «демонов черный рой» в отрывке «И дале мы пошли». Или другой пример – из «Пира во время чумы». Авторская ремарка: «Едет телега, наполненная мертвыми телами. Негр управляет ею». Под стук ее колес теряет сознание Луиза и, приходя в чувство, вспоминает: «Ужасный демон // Приснился мне: – весь черный, белоглазый... // Он звал меня в свою тележку» (VII, 178)²³⁹.

²³³ Отмечено Ю.М.Лотманом в докладе на конференции, посвященной 150-летию «Пиковой дамы» (Москва, Музей А.С.Пушкина, 5 декабря 1984 г.). См. также: *Абрамович С.Л.* К вопросу о становлении повествовательной прозы Пушкина // *Русская литература.* 1974. № 2. С. 59.

²³⁴ Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен, кн. X, М., 1963. С. 91.

²³⁵ См.: *Михайлова Н.И.* Ораторское слово в «Пиковой даме». В сб.: *Болдинские чтения.* Горький, 1985. С. 116.

²³⁶ Библия. Книга Бытия. Гл. 9, 10. Ряд африканских и негритянских ученых усматривают в этой легенде корни «религиозного расизма».

²³⁷ Критика этой концепции дана в работе Ж. Сюрэ-Канала «Африка Западная и Центральная». М., 1961. С. 59–62.

²³⁸ *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV М., 1982. С. 594.

²³⁹ См. *Россои Г.* Тот «черный человек»: Эссе // *Новое время.* 1994. № 23. С. 34–35.

Тень черного человека возникает и в другой «маленькой трагедии». Моцарт признается Сальери:

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду,
Как тень, он гонится... (VII, 131)

Эта бесовская тень падает на автора и в стихах «К Юрьеву»: «...повеса вечно праздный // Потомок негров безобразный» (II, 139), и в «Гавриилиаде»: «Друг демона, повеса и предатель».

И еще раньше, в полудетском французском автопортрете: «Сущий бес в проказах...» (I, 91). А потом в уже упомянутом дружеском каламбурном прозвище: «бес арабский (= бессарабский)». Дьяволиада продолжается и шуточный «штамп» отражается далее на восприятии друзьями пушкинской внешности: «Пушкин очень переменился и наружностью: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выражение; впрочем, он все тот же, – так же жив, скор и по-прежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению», – сообщает П.Л. Яковлев, брат лицейского товарища Пушкина, в письме знакомому 21 марта 1827 года²⁴⁰.

В паре «арап и царь» первый – «черный дьявол», но ведь и второй – «царь-антихрист»²⁴¹.

Черный человек сродни антихристу, символ зла, он заклемен, отмечен печатью, он всем окружающим чужд и враждебен. Такую ситуацию приходилось переживать Ганнибалу, и это подмечено Пушкиным. В «Начале автобиографии» он записывает слова своей прабабушки по поводу мужа: «*Шорн, шорт*, говорила она, *делат* мне *шорни репят* и дает им *шертовск* имя» (XII, 313). Параллель эта присутствует и в романе о царском арапе. Татьяна Афанасьевна Ржевская просит брата: «Не погуби ты своего родимого дитяти, не дай ты Наташеньки в когти черному диаволу» (VIII, 25).

Чернота арапа не только выделяет его из толпы, делает униженным объектом назойливого любопытства. Она равнозначна уродству и потому отвращает от него нареченную невесту.

В «Барышне-крестьянке» Пушкин возьмет эпитафию из «Душеньки» Богдановича. Там героиня настолько прекрасна, что Венера из зависти делает ее смуглой, что (по эстетическим нормам эпохи рококо) равнозначно потере красоты. Чернота – это проклятие!

Но одновременно чернота манит, привлекает внимание, выделяет из толпы. В той же пушкинской повести смуглянка-крестьянка стократ милее, чем белоснежная барышня (Пушкин как бы предвосхищает знаменитый лозунг негритянского движения середины XX века: «Black is beautiful» – «Черный – это прекрасно!»).

С другой стороны, стойкая и давняя традиция связывает роковое, смертельное именно с черным цветом. М.Н. Виролайнен и Н.В. Беляк доказали, что негритянский мотив из сальериной оперы «Тарар» Пушкин «мог с особым удовольствием ввести в качестве скрытой цитаты в текст “Моцарта и Сальери”». «Можно только удивляться, – подмечает В.С. Листов, – с каким постоянством Пушкин предьявляет черную персону тем из героев, коим грозит смерть. Трагическая противоположность черного и белого, неслиянность и одновременно нераздельность этих начал – едва ли не одна из основ характера поэта. “Потомок негров безобразный” постоянно чувствует какую-то неуловимую грань, отторгающую его от всех. Это поняла и со всей страстью, ей присущей, объяснила М.И. Цветаева. Отсюда же, от происхождения африканского, постоянное внимание Пушкина к гибели белой Дездемоны от рук черного Отелло; идущее через годы самоотождествление с царским арапом Ибрагимом; интерес к эфиопским эпизодам Священной истории».

²⁴⁰ А.С.Пушкин в воспоминаниях... Т. II. С. 393.

²⁴¹ Вспомним пушкинскую выписку из голиковского труда: «Народ почитал Петра антихристом».

В болдинском стихотворении «Отрок» (1830) есть строки «Будешь умы уловлять, будешь помощник царям» (III, 241). «Тут любопытна перекличка этого болдинского отрывка с “Арапом Петра Великого”, начатым еще в 1827 году, – пишет Листов. – Предок служил Петру; потомок готов служить Николаю <...> Если мы верно уловили близкую родственность стихотворения “Отрок” и неоконченного болдинского отрывка “Когда порой воспоминанье...” по мотиву высокого жизненного призвания, то роман о царском арапе прямо относится к нашей теме. “Будешь сподвижник Петру” – основной смысл написанной Пушкиным части прозаического произведения. Но вспомним: в первой главе “Арапа Петра Великого” Ибрагим мучительно решает – Франция или Россия? Остаться ли в цивилизованной Европе или уехать в страну, которую герцог Орлеанский называет “полудикой”? (VIII, 8) На одной чаше весов Париж и любимая женщина, а на другой долг перед Россией <...> У Ибрагима долг перед Россией и Петром одерживает победу над прелестями Франции»²⁴².

Эту «черную ноту» услышал Андрей Синявский в своих нашумевших «Прогулках с Пушкиным»: «Ему (Пушкину) припоминаются разные странности его биографии, среди которых привлекает внимание чем-то особенно дорогая черточка крови, происхождения – негритянская ветка, привитая к родовому корню Пушкиных. Негр – это хорошо. Негр – это нет. Негр – это небо. “Под небом Африки моей”. Африка и есть небо. Небесный выходец. Скорее бес. Не от мира сего. Жрец. Как вторая, небесная родина, только более доступная, текущая в жилах, подземная, горячая, клокочущая преисподней, прорывающаяся в лице и в характере». И дальше: «О как уцепился Пушкин за свою негритянскую внешность и свое африканское прошлое, полюбившееся ему, пожалуй сильнее, чем прошлое дворянское. Ибо, помимо родства по крови, тут было родство по духу. По фантазии. Дворян-то много, а негр – один. Среди всего необъятного бледного человечества один-единственный, яркий, как уголь, поэт. Отелло. Поэтический негатив человека. Курсив, графит. Особенный, ни на кого не похожий. Такому и Демон не требуется. Сам – негр <...> Смолоду к доставшейся ему от деда Ибрагима черной чужеродности в обществе относился куда восторженней, справедливо видя в своих диких выходках признак бунтующей в нем стихийной силы. Если белой костью своего дворянского рода Пушкин узаконивал себя в национальной семье, в истории, то негритянская кровь уводила его к первобытным истокам творчества, к природе, к мифу. <...> И тут ему снова потрафил черный дед Ибрагим. Надо же было так случиться, что его звали Ганнибалом! Целый гейзер видений вырывался с этим именем. Туда, туда, в доисторическую античность, к козлоногим богам и менадам убегала тропинка, по которой пришел к нам негритенок Пушкин. “Черный дед мой Ганнибал” сделался центральным героем его родословной, отгеснив рыхлых бояр на нижние столы, – первый и главный предок поэта.

Кроме громкого имени и черного лика, он завещал Пушкину еще одну драгоценность: Ганнибал был любимцем и крестником царя Петра, находясь у начала новой, европейской пушкинской России. О том, как царь самочинно посватал арапа в боярскую аристократию, скрестил его с добрым русским кустом (должно быть, надеясь вывести редкое растение – Пушкина), подробно рассказано в “Арапе Петра Великого”. Однако неизмеримо важнее, что благодаря Ганнибалу в смуглой физиономии внука внезапно просияло разительное сходство с Петром. Поскольку петровский крестник мыслился уже сыном Петра, поэт через черного дедушку сумел породниться с царями и выйти в гордые первенцы, в продолжатели великого шкипера»²⁴³.

Еще одно отступление – в плане реального комментария к образу Ибрагима. Попробуем разобраться с фамилией и именем арапа Петра Великого.

²⁴² Листов В.С. Голос музы темной... М., «Жираф», 2005. С. 99–100, 110, 197–199. См. также: Беляк Н.В., *Виролойнен М.Н.* Там есть один мотив... («Тарар» Бомарше в «Моцарте и Сальери» Пушкина) // *Временник Пушкинской комиссии.* Вып. 23. Л., Наука. С. 43.

²⁴³ Терц А. Прогулки с Пушкиным. Париж. 1989. С. 145–150.

Пушкин считал, что фамилию Ганнибал дал Ибрагиму (Абраму) Петр I при его крещении (ХП, 312). «По имени своего высокого восприемника был он назван Петром, но так как прежде, на родине, его именовали Ибрагимом, что по-арапски значит Авраам, и ввиду того, что он так долго оставался некрещеным, то по общей привычке звать его Авраамом сохранилось за ним до самой смерти не новое, а старое имя; он даже получил затем разрешение именоваться и подписываться этим именем, и только в церковных книгах его называли Петром. По отчеству, употребляемому согласно греческому обычаю, назван он Петрович в честь своего августейшего восприемника», – записано в так называемой «немецкой биографии» Ганнибала. Там же указано, что отец арапа, абиссинский князь, «горделиво возводил свое происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима».

Советский журналист-африканист Н.П. Хохлов, рассказывая историю «похищения из сераля» маленького арапа, считал, что выбор фамилии Ганнибал был продиктован желанием угодить царю. «Предположение, что Абрам, или Ибрагим сам нарек себя Ганнибалом, вряд ли состоятельно: слишком он был мал, чтобы знать о прославленном полководце древности. Психологически, пожалуй, достовернее предположить, что мальчику присвоили громкое имя Украинцев (русский посланник, думный дьяк. Это ошибка Н.П. Хохлова. В то время послом в Царьграде был П.А. Толстой. – А.Б.) с Рагузинским (торговый агент Петра, граф. – А.Б.)²⁴⁴, дабы Петр ни на йоту не усомнился в ревностном выполнении его приказа. Нет, не с улицы схвачен первопопавшийся на глаза «черненький», а из хорошего рода, из громкой фамилии Ганнибалов!»²⁴⁵

Из документов, однако, известно, что впервые Абрам Петрович был официально назван Ганнибалом только в сибирской ссылке: краевед Бельский прочел в утраченной ныне Иркутской летописи о том, что в 1727 году «в декабре прибыл из Тобольска лейб-гвардии бомбардирской роты поручик Абрам Петров, араб Ганнибал, для строения селенгинской крепости»²⁴⁶. (Сравним с замечанием И.Л. Фейнберга: «Он только потом добился того, что стал именоваться Ганнибалом»²⁴⁷.)

Почему же все-таки пушкинский прадед выбрал себе это звучное языческое имя (Ганнибал по-латыни значит «милость Ваала», верховного божества карфагенян и финикийцев)? Образованный человек, он не мог не представлять, как далеки друг от друга его родина Абиссиния (ныне Эфиопия) и средиземноморский Карфаген (ныне Тунис). Д. Самойлов в своей поэме «Сон о Ганнибале» предположил:

А может быть, и впрямь в него запало,
Что род его идет от Ганнибала²⁴⁸?

Существует несколько ответов на этот вопрос. Во-первых, употребляя знатную фамилию Ганнибал, Абрам Петров «как бы отделял себя от положения безвестного ссыльного крепостного, обычно лишенного трехчленного имени: лишь отчество, оно же и фамилия давались последнему. Имя Абрам Петров – безликое, бесцветное – делало его одним из массы безвестных ссыльных»²⁴⁹. Во-вторых, имя Ганнибал было, безусловно, самым прославленным

²⁴⁴ Такие ошибки, увы, не редкость. Корреспондентка газеты «Московские новости» писала о Ганнибале, «привезенном русским послом в Константинополе Саввой Рагузинским» (Московские новости. 1984. № 49).

²⁴⁵ Хохлов Н.П. Присяга просторам. М., 1973. С. 60.

²⁴⁶ Москвитянин. 1853. Т. 6. №24. кн. 2, отд. IV. С. 35 (цит. по: Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С.Пушкина. Л., Наука 1981. С. 144).

²⁴⁷ Фейнберг И.Л. Абрам Петрович Ганнибал – прадед Пушкина. М.: Наука. 1983. С. 27.

²⁴⁸ См. Кополова Н.В. Поэма Д.С.Самойлова «Сон о Ганнибале» (К судьбе «российских арапчат») // Philologia Рижский филол. сб. Вып. I // Латв. ун-т, Рига, 1994. С. 122–125.

²⁴⁹ Телетова Н.К. Указ. соч. С. 144.

из африканских имен, к тому же карфагенский полководец жил за две тысячи лет до своего новоявленного российского однофамильца, что существенно затрудняло проверку родословной²⁵⁰. В-третьих, умершие к тому времени Петр I и его жена Екатерина уже не могли его «опровергнуть». Эстонский военный историк Г.А. Леец полагал, что мысль о фамилии зародилась у Абрама Петровича во Франции, где, как и везде на Западе, фамилия была общепринята и обязательна. Изучая в артиллерийской школе в Ла-Фере военную историю и, в частности, познакомившись с походами Ганнибала, он мог натолкнуться на некоторое сходство между названием одного из владений своего отца (например, Адди-Бало) и именем великого карфагенца и прийти к заключению о возможной связи между ними: «Сходство имен могло польстить его тщеславию и породить убеждение в древности своего княжеского рода»²⁵¹. Академик Д.Н. Анучин также не считал случайным то обстоятельство, что в документах будущая фамилия арапа Абрама встречается только после возвращения его из Франции²⁵².

«Когда Абрама в 1731 году командировали в Прибалтику, вопрос о фамилии встал перед ним со всей остротой, – пишет Г.Леец. – Дело в том, что в Прибалтике фамилия была обязательной для горожан (мещан) и дворян, – ее не имело только закрепощенное крестьянское сословие да ремесленники не из немцев. Поэтому и Абрам в ландролле 1732 года фигурирует уже под своей новоиспеченной фамилией – Ганнибал. В русских актах эта фамилия впервые встречается в 1733 году, в грамоте за подписью императрицы Анны Иоанновны и генерал-фельдмаршала графа Миниха, данной Абраму Петровичу по случаю отставки, где он назван инженер-капитаном «Абрамом Ганибалом». Поступив затем в начале 1741 года вновь на службу, он стал на всех официальных бумагах подписываться «А.Ганибал» или «А.Ганибал». Под этой фамилией он значится и в грамоте о произведении его в чин «генерал-маёра», данной за подписью императрицы Елизаветы и генерал-фельдмаршала князя Долгорукова»²⁵³. Дьедонне Гнамманку, африканский ученый, автор новейшей версии о происхождении царского арапа, тоже полагает, что фамилия Ганнибал появилась у арапа во Франции. В биографической книге «Абрам Ганнибал», вышедшей в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», он пишет, что эта фамилия схожа по звучанию «с именем другого африканца, Абрамова современника, который служил во французской армии при великом Людовике XIV и судьба которого во многом похожа на судьбу героя этой книги. Звали его Аниаба. Сын короля Зенана Ассинского, Аниаба был усыновлен Людовиком в 1701 году. Крестил его епископ Боссюэ в соборе Парижской Богоматери. При крещении ему было дано имя Луи (Людовик) Жан Аниаба. Во Франции он прожил 16 лет, получил военное образование, дослужился до звания капитана... К тому времени, когда Абрам в 1717 году попал в Париж, черный крестник французского короля уже уехал на родину, в Африку. Естественно, прожив шесть лет во Франции и также дослужившись до капитанского чина, Абрам не мог не знать истории этого человека. Не исключено, что французские офицеры, сослуживцы Абрама, которые знавали в свое время Аниабу, стали и Абрама звать этим именем. Это имя, возможно, даже стало его прозвищем во время службы во французской армии. Тем самым имя Ганибал (Анибал) могло стать трансформацией имени Аниаба»²⁵⁴. Анастасия Бессонова считала, что фамилия Ганнибал (Ханнибал) появилась в Эстонии и она немецкого происхождения. Само слово состоит из двух частей:

²⁵⁰ Впрочем, выбор пал на имя Ганнибала, может быть, еще и потому, что собственная сознательная биография Абрама Петровича началась в Стамбуле (Константинополе) – городе, где полководец Амиркал Ганнибал закончил свое великое поприще.

²⁵¹ Леец Г.А. Абрам Петрович Ганнибал. Изд. 2-е. Таллинн: Эсти Рамат, 1984. С. 97.

²⁵² В кн.: Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект, 1994. С. 36.

²⁵³ Леец Г.А. Указ. соч. С. 97–98. С.С. Гейченко в беседе с автором этих строк в Михайловском в 1982 году высказал предположение, что Абрам Петрович учитывал и достаточную известность имени Ганнибала, побывавшего в этих местах со своими войсками в III веке до нашей эры, память о его походах сохранилась в преданиях.

²⁵⁴ Гнамманку Дьедоне. Абрам Ганнибал, черный предок Пушкина. М.: Молодая Гвардия, ЖЗЛ, 1999. С. 77.

Hahn и Ball, вместе они создают Hahnball. Учитывая свойства африканского характера Абрама Петровича, данное слово в переводе могло звучать примерно так: «вспыльчивый», «шумный», «крикливый», «горячая голова»²⁵⁵...

Есть, наконец, и более простое, хотя, может быть, несколько неожиданное объяснение фамилии Абрама Петровича, которое мы рискнем вынести на суд читателей. Иногда в среде нового петровского дворянства фамилии «выводились» из кличек и прозвищ. Мы знаем от самого Пушкина (XII, 312) одно из, так сказать, «домашних» прозвищ его прадеда – «шорн шорт» («черный черт»). «Черным дьяволом» называет Ибрагима старуха Ржевская в «Арапе Петра Великого», «негодным уродом», «гадом» называет себя сам Ганнибал в письмах к временщикам Меншикову и Миниху. Почему бы не предположить в этом же смысловом ряду и другие прозвища арапа – Дикарь и Каннибал? А отсюда уже один шаг до Ганнибала. От обидного прозвища до звучной фамилии. Впрочем, это лишь из области догадок...

Задолго до рождения А.П. Ганнибала, в 1611 году, Шекспир дал другую анаграмму слова «каннибал»: в пьесе «Буря» он назвал раба, вывезенного из Африки, Калибаном²⁵⁶.

Между прочим, этот шекспировский персонаж («сатанический урод») был хорошо знаком Пушкину: по переводам В.Кюхельбекера (см. XIII, 249) и по переделке А.Шаховского – волшебного-романтического представлению «Буря» (1821). Калибан – раб, он родом из Алжира. Как знать, не его ли тень мелькнула в словах Альбера в «Скупом рыцаре»:

И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной... (VII, 106)

Возвращаясь к прозвищам, вспомним, что «Калибаном» дразнил Пушкин своего друга Соболевского (XIII, 348; XIV, 5, 21). Образ уродливого раба и шута, бесправного чернокожего слуги миланского герцога, выведен Шекспиром на заре колониальной экспансии европейских держав. Вот как представляет своего подданного герцог Просперо:

Тот самый Калибан, тупой и темный,
Которого держу я для услуг...

И далее:

Но без него мы обойтись не можем:
Он носит нам дрова, огонь разводит
И делает всю черную работу.
Эй, Калибан! Ты, грубая скотина!
Откликнись, раб!

Профессор Розлин Кнутсон (США) высказала предположение, что прототипом Калибана Шекспиру послужил «собрат» Ганнибала – некий западноафриканский принц. 1 января 1611 года в Лондоне был совершен обряд крещения чернокожего «Дедери Джекуа, 20 лет от роду, сына Кадди-блаха, владельца реки Кетрас в стране Гвинея». В церковной книге записано, что отец отправил сына в Англию для принятия христианской веры. Во время обряда молодой африканский принц повторял молитву «Отче наш» по-английски и при крещении был наречен

²⁵⁵ Бессонова А.М. Прадед Пушкина Ганнибал и его потомки. Очерки. Родословная роспись. Издание 2-е. СПб.: Бельведер, 2003. С. 29. См. также: Бессонова А.М. Ганнибалы в России. Очерки. СПб, Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.

²⁵⁶ См.: Шекспир В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 548 (по другому предположению, имя это взято из цыганского языка, на котором «cañiban» означает «черноту»).

Джоном. Р.Кнутсон полагает, что Шекспир, написавший «Бурю» в том же 1611 году, не мог не знать об этом экзотическом персонаже²⁵⁷

Можно предположить, что и от этой пьесы Шекспира отталкивался Пушкин, приступая к своему первому историческому роману и выстраивая образ Ибрагима по собственной, ставшей знаменитой формуле: «царю наперсник, а не раб»²⁵⁸.

Что касается имени арапа, то Пушкин не случайно в своем романе называет его Ибрагимом. Это имя – одно из производных в цепи: Абреха – Абраха – Абрам – Авраам – Абрахам – Ибрагим²⁵⁹. Пушкин прекрасно знал оттенки каждого из этих имен и выбрал «Ибрагим», конечно, намеренно. Он отдавал определенную дань и литературной традиции – исламское имя Ибрагим было хорошо знакомо русскому читателю: «Ибрагим, или Великодушный» – так называлась «восточная» повесть А.Бенитцкого (1807 год), А.Измайлов озаглавил свое произведение «Ибрагим и Осман» (1818 год). Это имя можно было встретить и в зарубежных сочинениях – например, Ибрагимом звали арабского звездочета, наперсника мавританского короля в «Альгамбрских сказках» Вашингтона Ирвинга, американского писателя, в 20–30-х годах XIX века очень популярного в России²⁶⁰. Образ звездочета Ибрагима был использован Пушкиным в «Сказке о золотом петушке».

Вот почему трудно согласиться с мнением Д.И. Белкина, когда он, говоря об «Арапе Петра Великого», утверждает, что «на протяжении всех глав писатель не называет своего героя русским именем Абрам Петрович, а только – Ибрагим... Эта деталь еще раз подтверждает, что перед нами не прадед Пушкина – Абрам (Петр) Петрович Ганнибал, а художественный образ человека Востока...»²⁶¹

Конечно, образ Ибрагима, как мы убедились, значительно разнится от исторической фигуры пушкинского предка. Но все-таки в романе имелся в виду именно прадед нашего поэта, а не абстрактный «человек Востока». (Если бы это было не так, то и Д.И.Белкину следовало, очевидно, назвать свою статью «Пушкин в работе над образом африканца Ибрагима», без упоминания фамилии Ганнибал.)

Кстати, об употреблении имени арапа в романе. Точности ради заметим, что в отрывках, напечатанных самим Пушкиным в «Литературной газете», герой назывался Ганнибалом и обозначался буквой Г... (VIII, 533).

Да, Пушкин, исходя из своих творческих установок, сознательно выбрал для героя романа восточное имя Ибрагим. Может быть, он знал, что при дворе Петра I были и другие

²⁵⁷ Observer. London. Цит. по: За рубежом. 1993. № 18. С. 23.

²⁵⁸ Впервые переключка образов Калибана и Ибрагима отмечена в докладе руководителя отдела афро-американских и африканских исследований Рутгерского ун-та (Нью-Джерси, США) д-ра Венделла А.Жан-Пьера на IX Международном конгрессе эфиопских исследований в Москве (август 1986 г.).

²⁵⁹ Ср. в «Справочнике личных имен народов РСФСР» (М., 1979): Абрам и Абрамий – рус. варианты библ. им. Авраам; арабск. Ибрахим, англ. Abram, Abraham (с. 370–371); и далее – Ибрагим, рус. традиц. вариант арабск. имени Ибрахим (с. 415). Следует также иметь в виду, что имя Абреха до сих пор употребляется в эфиопской провинции Тигре, а имя Абрахам распространено по всей территории современной Эфиопии.

²⁶⁰ В известной работе «Последняя сказка Пушкина» А.А.Ахматова указывает на сюжетные параллели легенды Ирвинга и пушкинской «Сказки о золотом петушке». Правда, книга Ирвинга, имевшаяся в библиотеке Пушкина, вышла в свет в 1832 году, однако многие ее сюжеты, в том числе об арабском волшебнике, содержались и в более ранних произведениях Ирвинга (см.: Ахматова А.А. О Пушкине. Статьи и заметки. Изд. 2-е, доп. Горький, 1984. С. 16–17). Выскажем еще одно соображение по поводу имени *Ибрагим*. Очевидно, маленький арап получил его в Стамбуле. И вполне вероятно, в честь малолетнего Ибрагима, сына султана Ахмеда II, которого янычары намеревались провозгласить монархом вместо сверженного Мустафы II. Планы эти, однако, не осуществились, и на престол сел султан Ахмед III, правивший с 1703 по 1730 год (см.: Русский посол в Стамбуле: П.А.Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М.1985. С. 147–143). Как бы то ни было, имя Ибрагим для мальчика-пажа, заложника, воспитывавшегося в дворцовом серале, могло свидетельствовать о высококордонности, знатном происхождении арапа.

²⁶¹ Белкин Д.И. Пушкин в работе над образом африканца Ибрагима Ганнибала. (О некоторых принципах изображения писателем людей Востока.) В сб.: Литературные связи и традиции. Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. Вып. 74. Горький, 1966. С. 23.

арапы, называвшиеся по имени Абрам²⁶²? Так или иначе, но имя Ибрагим не противопоставлено имени Абрам, а синонимично ему.

И еще один, последний комментарий по поводу царского арапа. Какому богу он молился? (и на каком языке?) Речь идет, конечно, не о литературном герое, а о его прототипе²⁶³.

Имя и вероисповедание, как известно, тесно связаны между собой. Мы знаем по пушкинским «семейственным преданиям», а теперь и по архивным источникам, что арап попал в Россию из мусульманского Стамбула. Был крещен Петром I в Пятницкой православной церкви г. Вильно (ныне Вильнюс) в 1705 году (о чем и гласит соответствующая мемориальная доска). Имеется, впрочем, свидетельство о том, что это была «повторная» церемония: Абрам был сначала крещен по дороге из Турции в Россию в 1704 году в Молдавии²⁶⁴. Остается неясным, был ли маленький арап обращен в исламскую веру в серале султана или он был «магометанином» еще у себя на родине? На этот вопрос, увы, нет однозначного ответа.

Эритрея, как впоследствии стали называть красноморскую провинцию Эфиопии, всегда была «пограничной» в религиозном отношении областью. Ее правители Бахар-Негеши в конце XVII века находились между двух огней: из Гондара центральное правительство эфиопского негуса Иуади I направляло сюда, на север, христианских монахов и проповедников, а Оттоманская империя слала солдат. Порт Массауа (Массова) был турецким, мусульманским городом. Как исторически верно написал Тынянов: «Турки в XVII столетии все ближе и гуще надвигаются с моря на Абиссинию»²⁶⁵. И сейчас, когда едешь по извилистым эритрейским дорогам, тут и там в довольно близком соседстве встречаешь минареты мечетей и кресты православных церквей.

В «немецкой» биографии А.П. Ганнибала прямо говорится, что «его отец был вассалом турецкого императора или Оттоманской империи; вследствие гнета и тягот он восстал в конце прошлого (XVII-го. – А.Б.) века с другими абиссинскими князьями, своими соотечественниками и союзниками, против султана, своего государя; этому последовали разные небольшие, но кровопролитные войны; однако ж, в конце концов победила сила, и этот Ганнибал, восьмилетний мальчик, младший сын владетельного князя, был с другими знатными юношами отправлен в Константинополь в качестве заложника... У его отца, по мусульманскому обычаю, было много, и даже чуть ли не тридцать, жен и соответственно этому множество детей...»²⁶⁶ и т. д.

Интересно, что в донесениях («отписках») русского посла в Стамбуле П.А. Толстого Петру I говорилось о вассальной зависимости «заморских» провинций Османской империи. К ним относились: Египет, Йемен, Хабеш (Эфиопия), Басра, Лахса (Бахрейн), Траблус Гарб (Ливия), Тунис и Алжир²⁶⁷.

Португальский миссионер Лобу, побывавший в Абиссинии в начале XVII века, писал о местных христианах, что их вера «смешана с различными суевериями <...> столь многими заблуждениями и ересями, что можно сказать: аборигены здесь лишь по названию своему христиане; ведь сорная трава заглушила все добрые всходы и плоды»²⁶⁸.

²⁶² В петровские времена был обычай давать привозимым арапам имя по преимуществу Авраам или Абрам. П.В. Анненков пишет: «Множество арапчиков было выписываемо и прежде и после Абрама Петровича из того же Константинополя. Многие из них и назывались Абрамами – именем, как будто уже присвоенным этим несчастным детям». (Анненков П. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху 1799–1826 гг. СПб.: 1874. С. 8.)

²⁶³ «Известно, какой сложный путь проходит творческая мысль писателя от прототипа к художественному образу» <...> Для Пушкина «важна совокупность ощущений окружающего мира, исторические и литературные ассоциации, художественные параллели. Фантазия поэта творчески «переплавляет» весь этот пестрый материал и организует его в оригинальный и целостный образ» (Вольперт Л.И. «Шекспиризм» Пушкина и Стендаля. С. 62).

²⁶⁴ См.: Телетова Н.К. Указ. соч. С. 124–126.

²⁶⁵ Тынянов Ю.Н. Ганнибалы. В кн.: Юрий Тынянов. Писатель и ученый. М., 1966. С. 205.

²⁶⁶ Рукою Пушкина... С. 48–49.

²⁶⁷ См.: Русский посол в Стамбуле... с. 53, 135.

²⁶⁸ Цит. по кн.: Бохов К.-Х. К истокам Нила (пер. с нем.). М., 1988. С. 31.

Н.П.Хохлов недоумевал: «Почему Петр крестил Ибрагима? Русский царь, надо полагать, знал, что Абиссиния – страна с христианской религией. Может быть, имелись основания считать, что царский приемщик – мусульманин или его обратили в магометанство во время пребывания в Турции? Возможно, отправлением каких-то религиозных ритуалов, молитвой арап выдал свою принадлежность к «чужой вере». Все это еще загадка»²⁶⁹.

В этих рассуждениях немало наивного, но главный вопрос поставлен совершенно правильно: в отличие от арапов – выходцев из других районов Африки Ганнибал, как полагали его современники и потомки, «представлял» древнюю христианскую державу, к тому же православного толка.

«Эфиопия прострет руки свои к Богу», – это строка из Псалтыря (67 : 32). По мнению Виктора Листова, Пушкин должен был с особым вниманием относиться к христианским святыням эфиопов (абиссинцев), потому что «интерес поэта к точкам соприкосновения Священной истории с историей предков должен быть предопределен жизненным путем Пушкина, всем его творчеством. Например, – и это даже доказывать не надо – Пушкин не мог обойти вниманием и оставить вовсе без размышлений самое первое приобщение эфиопа к христианскому Благовествованию. Об этом приобщении подробно рассказано в главе 8 "Деяний Святых Апостолов" – там, где речь идет о подвигах апостола Филиппа»²⁷⁰.

Вот вкратце сюжет из «Деяний...»: Ангел Господень является апостолу и посылает его на юг, на пустынную дорогу из Иерусалима в Газу. По дороге той возвращается из Иерусалима в свое отечество Ефиоплянин, внуч эфиопской царицы Кандакии. В своей колеснице сей достойный муж читает Писание, как раз то место из пророка Исаяи, где предсказаны мучения Того, кто пострадает за незаконный род людской, за грехи наши (Ис., 53, 1–9). И спросил апостол Филипп Ефиоплянина: «Разумеешь ли, что читаешь?» Тогда внуч попросил апостола взойти на колесницу, сесть рядом и разъяснить ему непонятное место из пророчества: «Как овца веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так и Он не отверзал уст Своих; в унижении Его суд Его совершился, но род Его кто изъяснит? ибо вземется от земли жизнь Его» (Деян., 8, 32–33). Апостол объяснил Ефиоплянину, что не о себе говорит здесь пророк, а об Иисусе Христе, Божественном Агнце, Которому предстояло пострадать и тем спасти род людской. И еще благовествовал Филипп, что сбылось то древнее пророчество недавно в Иерусалиме. Ефиоплянин уверовал, и, когда колесница подъехала к воде, принял святое крещение от апостола (Деян., 8, 35–39). Так началась история эфиопского христианства.

К особенностям исторических путей племен и народов Пушкин был необычайно чуток, подчеркивает Листов. И напоминает об интересе поэта к древним христианским культурам Армении и Грузии, а также о том, что в «Путешествии в Арзрум» Пушкин называет апостольскую проповедь самым сильным средством усмирения народов (VIII, 449). Как полагает ученый, те же самые мотивы неизбежно должны были возникать и при знакомстве Пушкина с историей эфиопского христианства. «Крещение Ефиоплянина по дороге в Газу имело ясную аналогию в истории предков поэта по материнской линии. По семейному преданию и из «немецкой биографии» Абрама Ганнибала, составленной А.Роткирхом, Пушкин знал о крещении своего африканского предка. <...> Путь семьи как бы повторял те пути, которыми шел народ; в карамзинско-пушкинском кругу это был обычный, естественный ход вещей». Листов уверен, что Пушкин должен был знать оба названия африканской страны: Абиссиния и Эфиопия. По-арабски слово «Абиссиния» восходит к значению «сброд», «бродяги», что вряд ли было известно поэту, весьма чувствительному к вопросам родовой чести. Пушкину скорее

²⁶⁹ Хохлов Н.П. Указ. соч. С. 58.

²⁷⁰ Листов В.С. Голос музыки темной... М., Жираф. 2005. С. 229–230.

могло быть понятно название «Эфиопия» – по-гречески «страна людей с пылающими или обожженными лицами»²⁷¹.

Анализ личной библиотеки Ганнибала (то, что мы знаем по «реэстрам» и описаниям – 347 названий) показывает, что в ней, помимо «Известий об Абиссинии и Эфиопии», беллетристики, сочинений по математике, военным наукам, философии и истории, имелся ряд книг религиозного содержания. В их числе – Библия, все двенадцать больших томов «Четьи-Минеи» (1768 год), а также... Коран!

Удалось обнаружить и такой раритет из библиотеки Абрама Петровича: «Книга Систима или Состояние мухаммеданской религии. Печатается повелением Его Величества Петра Великого Императора и Самодержца Всероссийского в типографии царствующего Санкт-Петербурга лета 1722 декабря в 22 день». (Книга иллюстрирована гравюрой художника Алексея Зубова и посвящена Петру I. Посвящение написано одним из «птенцов гнезда Петрова» поэтом Дмитрием Кантемиром. Имеется оттиск личной печати Ганнибала²⁷².)

И еще одним вопросом справедливо задается Н.П. Хохлов (и мы вместе с ним): «На каком африканском языке говорил арап Петра Великого? И знал ли он его так, чтобы уже никогда не забыть? Возможно, первые слова его детства были на тигринья. Или на арабском? В этих местах он играл такую же роль, какую французский – в домах русских господ»²⁷³.

Вспомним в этой связи, что неподалеку от земель Бахар-Негешей, в Северной Эфиопии во II–IX вв. н. э. существовало могучее Аксумское царство, распространившее тогда свою власть и влияние на соседние страны – Судан и Аравию. Именно здесь в IV веке произошло крещение Эфиопии. Обратимся к справке этнографа-африканиста: «Тигрейцы – жители провинции Тигре на севере страны, где находилось Аксумское царство. Они говорят на языке тигринья, который ближе геэзу – древнему языку Аксума, нежели амхарский, и считают себя во всех отношениях более прямыми наследниками Аксума, нежели амхара»²⁷⁴. (Уточним, что амхара – самая крупная этническая группа в Эфиопии. А геэз распространен и сейчас в этой стране, но как язык православной церкви.) Таким образом, наследник Карфагена – вряд ли, но все-таки наследник Аксума?

Язык тигринья арап мог, конечно, знать в детстве и отдельные слова помнить до глубокой старости. Знал он, наверное, и немного по-турецки. А арабский – язык священного Корана – знать был просто обязан. Иначе подарок его старшего брата, приехавшего (по преданию) за ним в Россию, был бы просто бессмыслен: «одарив младшего брата ценным оружием и арабскими рукописями, касающимися их происхождения, уехал он на родину...»²⁷⁵ Случайно ли Пушкин в июне 1836 года, занимаясь своей «Родословной», расположил на листе записи арабских букв²⁷⁶? Добавим, что дважды делал Пушкин записи на турецком языке – в Кишиневе в 1821 году и во время путешествия в Арзрум²⁷⁷...

А вообще, думается, А.П. Ганнибала можно было по праву назвать полиглотом! В самом деле, французским он владел в совершенстве, чему много свидетельств – документальных и, так сказать, «художественных». Утверждения о познаниях Ибрагима во французском разбросаны по двум первым главам «Арапа Петра Великого», там говорится об «образованности и природном уме» арапа, о его участии в культурной и интеллектуальной жизни Парижа. Позднее Пушкин в «Начале автобиографии» сообщает: «Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе

²⁷¹ Листов В.С. Цит. соч. С. 231–232.

²⁷² Гейченко С.С. У Лукоморья. Л.1977. С. 318–319, 324.

²⁷³ Хохлов Н.П. Указ. соч. С. 67.

²⁷⁴ Чернецов С.Б. Кто такие амхары? В сб.: Этническая история Африки. М.: Наука, 1977. С. 19.

²⁷⁵ Рукою Пушкина... С. 50.

²⁷⁶ См.: Азия и Африка сегодня. 1984. № 6.

²⁷⁷ Литературное наследство. Т. 16–18. С. 274–275, 319–320.

сжечь вместе с другими драгоценными бумагами» (XII, 313). (На эту деталь из истории своего предка поэт не мог не обратить самого пристального внимания: сожжение бумаг – эпизод для Пушкина автобиографический.)

Поручая в 1724 году Конону Зотову (будущему контр-адмиралу) перевод двух книг с французского на русский, Петр I писал ему: «А буде вы из тех книг, которых не изволите знать терминов, то изволите согласиться с Абрамом Петровым»²⁷⁸.

Сравнительно недавно опубликовано письмо лютеранского пастора Г.Геннинга, близко знавшего арапа: «О приглашении из Германии по просьбе генерала Ганнибала толкового студента на должность учителя в семейство оного А.П.Ганнибала». В нем, в частности, говорилось: «У Е.П. господина генерал-майора Ганнибала, супруга которого принадлежит к моей общине и у меня исповедуется и причащается, открылась служба, для которой требуется порядочный студент, особо искусный во французском языке. Собственно этот господин является африканцем и урожденным негром, но обладает впрочем способностью к тем наукам, которые относятся к его форуму... Г-н Генерал был во Франции и, значит, является любителем французского языка, он также имеет хорошую библиотеку»²⁷⁹ (Петербург, 1750 год). Кстати, состав этой библиотеки, о которой мы уже имели случай упоминать, также свидетельствует о познаниях Ганнибала во французском языке: там рядом с модными романами стояли тома Расина и Корнеля.

И если уж отталкиваться от состава библиотеки, добавим в наш список языков и голландский – Ганнибалу принадлежала Арифметика Бартъенса (Амстердам, 1708 год) на голландском языке, купленная, возможно, в Антверпене, где арап находился в свите Петра I в 1717 году.

Опубликованные письма и документы Ганнибала²⁸⁰, сам факт его участия (в качестве личного секретаря) в государственных делах Петра I служат доказательством хорошего знания русского языка. Показательно, что Пушкин почти не дает прямую речь Ибрагима в «Арапе Петра Великого»: только несколько реплик, остальное – в письме (французском!) и размышлениях. Правда, для речевой характеристики арапа Пушкин вкладывает в его уста русскую пословицу: «Не твоя печаль чужих детей качать». (При этом, когда ему нужно показать неправильную русскую речь шведа Густава Адамовича, он блестяще воспроизводит ее).

Не исключено, что Ганнибал знал и по-испански (он участвовал в войне на Пиренеях за «испанское наследство», был ранен и взят испанцами в плен)²⁸¹.

Учитывая, что Ганнибал свыше двадцати лет (1731–1752 гг.) прожил в Эстонии, можно с большой долей вероятности предположить его знание немецкого и, возможно, эстонского языков. В пользу первой версии говорит и тот факт, что знаменитая «Биография» Ганнибала была записана его зятем Адамом Роткирхом со слов тестя на немецком языке²⁸².

Так что недаром Абрам Петрович состоял одно время «главным переводчиком иностранных книг» при царском дворе.

²⁷⁸ Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937. С. 34.

²⁷⁹ Прянишников Е.А. Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье. В сб.: Из коллекций редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М.: МГУ, 1981. С. 72–80.

²⁸⁰ См.: Письма Абрама Ганнибала (Архивные документы). Издал Н. Гастфрейнд. СПб.: 1904; А. Ганнибал. Ганнибалы. В сб.: Пушкин и его современники. Вып. XVII–XVIII. СПб.: 1913; а также: Леец Г.А. Абрам Петрович Ганнибал. Таллинн. 1984; Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С.Пушкина. Л., 1981. С. 115–158, 170–171; Фейнберг И.Л. Абрам Петрович Ганнибал – прадед Пушкина. М., 1983. С. 103–107.

²⁸¹ Исторические статьи М.Д. Хмырова. СПб.: 1873. С. 11.

²⁸² Телетова Н.К. Указ. соч. С. 116 (знание Ганнибалом эстонского языка предполагал и Н.Я. Эйдельман).

* * *

Мы ограничились лишь некоторыми соображениями – в основном биографического плана – по поводу образа главного героя пушкинского романа и судьбы его исторического прототипа. Значение арапа Ибрагима в литературной ткани романа значительно шире. Ибо арап особенно близок Пушкину – они ровесники («ему было 27 лет от роду», столько же, сколько было Пушкину во время работы над романом), именно глазами Ибрагима Пушкин показывает молодую Россию, преображаемую железной волею Петра²⁸³.

Как было отмечено, во время работы над романом Пушкин еще питает некоторые иллюзии относительно нового царствования. Отсюда и идеализация отношений между Петром и арапом. Еще заманчива для поэта миссия официального историографа, еще казалась возможной роль советчика и доверенного лица монарха.

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями...

Эти строки тоже написаны в 1827 году.

«Строитель чудотворный»

Когда родное сталкивается в веках, всегда происходит мистическое. Так Пушкин столкнулся с Петром. Когда он заводит о Петре – сейчас звучит тайное.

Александр Блок. Записные книжки, 1901

И все-таки для Пушкина роман о царском арапе – это прежде всего роман о Петре I, о его времени. «Семейственные предания» попали на страницы исторических летописей. И здесь возникла исполинская фигура Петра – не медного, но живого²⁸⁴.

В двух эпизодах с Петром Пушкин употребляет в романе старомодно сейчас звучащий глагол «приблизиться». В ямской избе «государь приблизился» к Ибрагиму, в доме Ржевского дочь хозяина Наталья «приблизилась довольно смело» к Петру. В романе о царском арапе Пушкин сам «приблизился довольно смело» к великому царю, увидел его вблизи, «домашним образом», сохранив при этом ощущение исторической масштабности его личности.

²⁸³ Автобиографический характер образа арапа серьезными пушкиноведами уже не оспаривается. В одной из работ Л. Сидяков отметил: «Поскольку прототипом героя был легко узнаваемый предок Пушкина, во взаимоотношения Ибрагима с царем неизбежно привносился личный для автора смысл, связанный с его надеждами и иллюзиями первых последекабристских лет» (Сидяков Л. С. «Арап Петра Великого» и «Полтава». В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 66). Ю. Оксман давно высказал обоснованное предположение, что Пушкин сознательно слил материалы о Ганнибале с данными о семейной драме другого своего прадеда – А. П. Пушкина (см.: Путеводитель по Пушкину. С. 40). Ср. ремарку самого Пушкина в «Начале автобиографии»: «В семейственной жизни прадед мой Ганнибал также был несчастлив, как и прадед мой Пушкин» (XII, 313). Интерес к жизни Ганнибала не раз воплощался в художественных образах и сюжетных деталях пушкинских произведений. Для примера вспомним один исторический анекдот, имеющий отношение к биографии арапа. А. О. Смирнова-Россет записала в своем дневнике в 1854 году, сославшись на переписку графа Д. И. Хвостова: «... Аннибал, дед Пушкина, решил судьбу Суворова. Отец его, генерал-аншеф, очень умный и просвещенный человек по тогдашнему времени, прочил его в штатскую службу, потому что он был слабого сложения. На что Суворов не соглашался и все читал военные книги. Аннибал однажды был подослан к нему, чтобы уговорить его войти в службу, нашел его лежащего на картах на полу и так углубленного, что он и не заметил вошедшего арапа. Наконец тот прервал его размышления, говорил с ним долго, вернулся к отцу его и сказал: «Оставь его, братец, пусть он делает как хочет: он будет умнее и тебя и меня» (Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 8). Можно предположить, что Пушкин знал этот анекдот из «семейственных преданий». И не он ли отразился в знаменитой сцене «Бориса Годунова»: мальчик-царевич и географическая карта?! (VII, 42)

²⁸⁴ См. Грашина Н. В. Личность Петра I в прозе и поэзии А. С. Пушкина. // Учитель – ученик: Проблемы, поиски, находки. М., 1995. С. 104–111.

Новаторскими для того времени были простота и естественность, которыми дышит вся сцена в ямской избе – первая с участием Петра:

«В углу человек высокого росту, в зеленом кафтане с глиняною трубкою во рту, облокотясь на стол, читал гамбургские газеты. Услышав, что кто-то вошел, он поднял голову. «Ба! Ибрагим? – закричал он, вставая с лавки. – Здорово, крестник!» Ибрагим, узнав Петра, в радости к нему было бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнял его и поцеловал в голову» (VIII, 10).

Точный комментарий литературоведа: «Непривычной, даже невероятной, была сама ситуация: царь... в ямской избе... облокотись на стол... читает газеты! В исторических романах 1820-х годов монарх обычно изображался в обстановке, так или иначе характеризующей его как государя: на заседании совета, в момент торжественного выхода, во время приема послов, на тайном совещании с доверенным лицом, во главе войска и т. д. Вне привычного антуража, свидетельствующего о его сане, государь мог появляться только инкогнито, в чужом костюме, и в этих случаях читатель всегда догадывался о тайне, о том, что перед ним лицо, скрывающее свое истинное положение»²⁸⁵.

Русский классицизм возвел ореол божественности вокруг Петра. Уже в «Стансах» 1826 года Пушкин дал свою трактовку его образа:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник (III, 40)

В романе о царском арапе эта линия была продолжена. Мы видим Петра глазами его молодого крестника: в сенате, «разбирающего важные запросы законодательства, в адмиралтейской коллегии, утверждающего морское величие России», «в часы отдохновения рассматривающего переводы иностранных публицистов или посещающего фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинет ученого» (VIII, 13). Петр-труженик, Петр-строитель – вот главное амплуа царя в романе. Пушкин откровенно любит его. Петр в фокусе устремленных на него со всех сторон взглядов – сторонников и сподвижников из числа «нового дворянства», родовитых бояр – противников реформ, прибывшего из-за границы «петиметра». Петр деятелен и неутомим. Пушкин как будто вспоминает образ Петра, нарисованный еще Державиным в 1794 году:

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий Бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой²⁸⁶!

Почтен в рубище, почтен и в «полотняной фуфайке» на мачте нового корабля. На трактовке образа Петра не могла не сказаться и сверхзадача романа, его сопряженность с новым царствованием в России («урок царям!»). Вот почему в повествовании отсутствуют упомина-

²⁸⁵ *Абрамович С.Л.* К вопросу о становлении повествовательной прозы... Русская литература. 1974. № 12. С. 63. Обратим внимание на «зеленый кафтан» Петра. Эта деталь переключалась в роман о царском арапе из исторического анекдота А.О.Корниловича. Там – «зеленый суконный кафтан». (Полярная звезда. СПб.: 1825. С. 161). Оттуда же и другое одеяние Петра в главе IV, где боярин Ржевский, провожая царя, «подал ему красный его тулуп» (VIII, 24). Красный тулуп мелькнет потом и у другого царя – крестьянского, Пугачева, в «Капитанской дочке».

²⁸⁶ *Державин Г.Р.* Ода «Вельможа».

ния жестоких расправ Петра с противниками его режима. Смягчена таким образом и собственная оценка Пушкиным Петра, намеченная в Кишиневе в 1822 году в «Заметках по русской истории XVIII века», где Петр – «самовластный государь», вокруг которого «вся история представляет <...> всеобщее рабство», «все состояния, окованные без разбора, были равны перед его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повинилось». Вместе с тем из «Заметок» перенесены в роман некоторые характеристики Петра: «сильный человек», человек «необыкновенной души», который «искренно любил просвещение». На первом плане – отношение Петра к Ибрагим: душевно щедрое, любовное, родственное. Царь справедлив, он лишен «расовых предрассудков» и ценит арапа за ум и знания. Петр с тревогой думает о будущей судьбе крестника: «Послушай, Ибрагим, ты человек одинокий, без роду и племени, чужой для всех, кроме одного меня. Умри я сегодня, завтра что с тобой будет, бедный мой арап?» (VIII, 27)²⁸⁷. В обрисовке образа Петра сказались детальное знакомство Пушкина с реалиями Петровской эпохи, с источниками, главные из которых он называет сам: «См. Голикова и «Русскую старину». При этом, как установили исследователи, особый интерес проявился у Пушкина не столько к произведениям самого Голикова, сколько к анекдотам о Петре, напечатанным в голиковском же «Дополнении к Деяниям Петра Великого». Термин «анекдот» в то время не означал вымышленный рассказ. Анекдотом называли сообщение о каком-либо любопытном, занимательном случае из частной жизни известного лица. Голиков считал свои анекдоты несомненными фактами, имеющими «историческую достоверность», ссылаясь на то, что они взяты или из журналов тех времен, или переданы лицами, «заслуживающими уважения», или «подтверждаются преданием, от самого того же времени из рода в роды переходящим» и не противоречащим «самой истории»²⁸⁸. Между прочим, среди информаторов Голикова не раз указан А.П. Ганнибал (Пушкин это для себя отметил – см. X, 4), а среди «пренумерантов» (подписчиков) голиковских «Деяний» наряду с Н.М. Карамзиным, отцом П. Пестеля, отцом Н. Языкова числится и сын «царского арапа» – генерал И.А. Ганнибал²⁸⁹. Вот она, связь времен!

Из другого источника – исторических очерков писателя-декабриста А.О. Корниловича – почти целиком почерпнута сцена петровской ассамблеи: «на столах расставлены были бутылки пива и вина, кожаные мешки с табаком, стаканы с пуншем и шахматные доски. За одним из сих столов Петр играл в шашки с одним широкоплечим английским шкипером. Они усердно салютовали друг друга залпами табачного дыма, и государь так был озадачен нечаянным ходом своего противника, что не заметил Корсакова, как он около их ни вертелся» (VIII, 16–17)²⁹⁰.

Вернемся к линии сватовства. Легенда о царе-свате – одно из распространенных исторических преданий, связанных в народе с Петром Первым²⁹¹. Эпиграф из комической оперы Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват», предпосланный пятой главе романа, должен

²⁸⁷ «Умри я сегодня» – эта реплика Петра может подсказать возможный ход сюжета незавершенного романа (действие его происходит в последние годы жизни Петра).

²⁸⁸ Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. XVII, М., 1796. Предисловие. С. 2.

²⁸⁹ Указано В.С. Листовым. Ему же принадлежит и другое наблюдение в связи с источниками романа о царском арапе: в IX томе голиковских «Деяний...» приводится адресованное Вольтеру письмо принца Фридриха (будущего Фридриха Великого) об аудиенции у Петра прусского посланника («вручение крестов») в 1724 году. Петр принимает верительные грамоты на мачте корабля! Там же сказано, что царь передвигается по столице летом в одноколке, зимой – в санях.

²⁹⁰ Этот английский шкипер не случайно возник. Мы еще с ним встретимся по ходу рассказа. См. отзыв рецензента об этих очерках Корниловича: «Многие подробности об увеселениях двора и города, рассказанные быстро и живо, делают статью сию весьма занимательною» (*Самов О.* Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. Ч. XXV. № 1). Сопоставление очерков А.О. Корниловича с «Арапом Петра Великого» см. в работе Д.П. Якубовича (Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. Л., 1979. С. 276–277). Этот же автор отмечал: «Прежде чем быть прозаиком, Пушкин нередко считал себя обязанным быть ученым и кропотливым исследователем. Прежде чем быть историческим романистом, он длительно изучал архивы и библиотеки; прежде чем рисовать исторических героев, старался предпринять поездки в места, где они действовали; раньше чем заставлять своих героев говорить, изучал речь «простонародья» и живых свидетелей старины...» (сб.: Работа классиков над прозой. Л., 1929. С. 17).

²⁹¹ См., например: Северные предания. Л., 1978. С. 217; *Соколова В.К.* Русские исторические предания. М., 1970. С. 58–59, 80.

был, очевидно, придать дополнительные штрихи народности образу Петра I: «В облике Петра проступают черты умного, смекалистого, с хитрецей русского мужичка»²⁹². Сделав Петра в романе сватом Ибрагима, Пушкин еще сильнее связывает родственными узами царя и его крестника. Одновременно – это и высшая честь, знак благоволения к любимцу-арапу. В то же время в сватовстве Ибрагима заключено оскорбление боярина Ржевского, его семьи. Здесь «дубинка» Петра больно ударяет и по чувствам самой невесты – Наташи, которая (неожиданно выясняется) любит другого. Как давно установили литературоведы, Пушкин использовал в качестве источника реальный эпизод, рассказанный в приложениях к «Деяниям Петра Великого» И.И.Голикова (анекдот № 31)²⁹³ – о женитьбе Румянцева, денщика Петра, на дочери боярина Матвеева²⁹⁴. О том, что мотив «царя-свата» не перестал волновать Пушкина и после прекращения работы над романом, свидетельствуют планы повести о стрельцах, где в роли сваты выступает царица Софья²⁹⁵. А в «Капитанской дочке» крестьянский царь Пугачев готов стать посаженным отцом на свадьбе Петруши Гринева. В дальнейшем, работая над материалами по истории Петра, Пушкин делает несколько выписок, касающихся петровских нововведений в брачное законодательство. «Жениху и невесте прежде брака повелено иметь свидания, и запрещены браки поневоле», – запись, относящаяся к 1700 году (X, 51).

В 1724 году (дата, близкая ко времени действия романа) Петр принимает, пишет Пушкин, «указ о вольности брака. Родители должны были давать присягу, что детей не принуждают (т. е. дворяне; слуги давали господам расписку; а крестьян сей закон не касался)» (X, 281).

Не ускользнул от внимания Пушкина и эпизод, связанный с отношением Петра к замужеству собственной дочери. В 1714 году шлюет сватов в царский дом: «Предложение молодого герцога (Гольштинского. – А.Б.) жениться на старшей царевне Анне. Петр писал: «*Без воли ее того сделать не могу, хотя и отец*» (выделено Пушкиным, X, 204).

Эти слова царя вызывают в памяти прямо противоположную по смыслу петровскую реплику из «Арапа»: «Молодая девушка должна повиноваться воле родителей, а посмотрим, что скажет старый Гаврила Ржевский, когда я сам буду твоим сватом?» (VIII, 27).

Августейшее вмешательство в судьбу арапа делало вопрос о его женитьбе практически решенным²⁹⁶. Петр это прекрасно понимал, а первая реакция боярской семьи на такую роль царя выражена в романе словами Татьяны Афанасьевны: «Девушка на выданье, а каков сват, таков и жених, – дай Бог любовь да совет, а чести много» (VIII, 25).

Предположение Петра оправдывается, и старый боярин Ржевский, даже узнав имя и происхождение жениха, отвечает царю, «что власть его с нами, а наше холопье дело повиноваться ему во всем» (VIII, 26).

В личной жизни самого Пушкина весной 1830 года сложилась ситуация, когда он был вынужден просить царя выступить если не в роли свата, то хотя бы «гаранта» его помолвки с Н.Н. Гончаровой. (Просьба была вызвана сомнениями матери невесты в политической благонадежности и, следовательно, благополучии поэта.) В ответ пришло известное письмо Бенкендорфа, содержавшее одновременно и благословение, и «отеческое наставление» Николая I:

²⁹² Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). С. 262.

²⁹³ «Щедрость монарха в награждении заслуг».

²⁹⁴ См.: Путеводитель по Пушкину. Приложение к журналу «Красная нива». Кн. 12. М., 1929. С. 41 (комментарий Ю.Г.Оксмана). Краткое содержание анекдота: Александр Иванович Румянцев, бедный и безродный любимец Петра, задумал жениться. Но Петр, посмотрев выбранную Румянцевым невесту, решает расстроить партию. Царь уверен, что жених достоин лучшей партии. Он женит молодого офицера на другой, на дочери графа Матвеева, а затем осыпает молодую чету милостями – жалует чины, титулы, именья и пр. (Голиков И.И. Дополнения к Деяниям... Т. 17. С. 119).

²⁹⁵ Подробнее об этом см.: Листов В.С. «Сын казенного стрелца» – неосуществленный замысел Пушкина. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989. С. 103–121.

²⁹⁶ В.Б. Шкловский придерживался другого мнения: «Вряд ли у Пушкина когда-нибудь был план делать Ржевскую женою Ганнибала. Неудача сватовства арапа была предусмотрена уже в первоначальном плане» (Шкловский В.Б. Заметки о прозе Пушкина. С. 33).

«Его Императорское Величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе...» (XIV, 403)²⁹⁷.

И в этой женитьбе не обошлось без царя-свата, без его «высочайшего покровительства».

Д.С. Лихачев, приехавший в 1993 году в Рим по приглашению итальянской «Академии дей Линчеи», с гордостью показал мне старинный том, полученный им в подарок от профессора римского университета «Ла Сапьенца» Санте Грачотти, известного слависта. Это было итальянское издание книги аббата Антонио Катифоро «Жизнь Петра Великого, Императора России», напечатанное в Венеции в 1748 году²⁹⁸. Ее русский перевод, выполненный С.И. Писаревым, вышел в Петербурге в 1772 году, экземпляр имелся в пушкинской библиотеке на Мойке. Расставшись с романом «Арап Петра Великого», но продолжая собирать материалы по истории Петра, Пушкин в 30-х годах неоднократно обращался к этому источнику.

«Стрелецкий сын»

*Были дали голубы,
Было вымысла в избытке,
И из собственной судьбы
Я выдергивал по нитке...*

Б. Окуджава. «Я пишу исторический роман»

Пушкинистика – живая наука. И, несмотря на «академический» характер многих пушкиноведческих изданий, время от времени в ней бушуют страсти, споры – одни имена предаются анафеме, другие возносятся на пьедестал. Пушкин – всегда в центре борьбы, столкновения мнений, даже ссор и интриг. Сам же поэт, по-опекушински задумчивый, сохраняет спокойствие, возвышаясь над всеми бурями. Он не нуждается в защите и оправданиях, не боится хулы и подозрений.

За полтора века маятник оценок раскачивался временами с головокружительной амплитудой: за Пушкина сражались революционные демократы и идеологи монархизма, литераторы-марксисты и вульгарные социологи, воинствующие атеисты и теологические писатели, антропологи-этнографы и историки-архивисты, языковеды-структуралисты и эксперты-криминалисты, дотошные краеведы и бойкие журналисты. И все во имя истины. Большинство их писаний прочно забыто: кое-что заслуженно, а кое-что напрасно. Многие из того, что было сказано за полтора века, сейчас извлекается из небытия и возвращается к читателям. Так произошло с работами А.А. Ахматовой, П.Е. Щеголева, В.В. Вересаева, М.И. Цветаевой; публикуются пушкинские «штудии» В.В. Набокова, В.Я. Брюсова, В.Ф. Ходасевича...

Это последнее имя хочется выделить особо. «Упоительны его работы о Пушкине», – справедливо отметил А. Вознесенский в статье «Небесный муравей», посвященной творчеству Ходасевича²⁹⁹.

Пушкин помог Ходасевичу, как и многим другим, заброшенным на чужбину, сохранить связь с родным языком и культурой. Поэт сам признавался в этом, обращаясь к далекой России:

²⁹⁷ В это частное письмо граф Бенкендорф включил формулу официального документа: «Я уполномочиваю Вас, милостивый государь, показать это письмо всем, кому вы найдете нужным» (XIV, 404, подлинник по-французски). См.: Букалов А.М. Петра питомец // Книжное обозрение. 1984, 6 мая.

²⁹⁸ Antonio Catiforo Vita di Pietro il Grande, Imperatore della Russia, scritta da abbate Catiforo in Venezia, 1748.

²⁹⁹ Огонек. 1986, V; 48. С. 26–28. Ср. со скупой оценкой специалистов: «сохраняют значение его литературоведческие работы» (Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. VIII. С. 299). См. Владислав Ходасевич. Пушкин и поэты его времени. В 3 томах. Окленд, Berkeley Slavic Specialties, 1999 (рец. Ивана Толстого в «Русской мысли» от 4.04.2001), а также: Сурат И.З. Пушкинист Владислав Ходасевич. М.: Лабиринт, 1994.

В том честном подвиге, в том счастья песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой – твой чудотворный гений,
И поприще – волшебный твой язык,

В Ленинской библиотеке хранится небольшая серенькая книжка «О Пушкине» со следующим предувещанием издательства «Петрополис»: «Настоящая книга В.Ф.Ходасевича отпечатана в ознаменование столетия кончины А.С. Пушкина в феврале 1937 года в Берлине в количестве пятисот экземпляров, из которых 50 экземпляров с подписью автора в продажу не поступают». Туда вошла и статья 1924 года «Пушкин и Ганнибал» («Правнук и прадед»).

«...Нельзя написать «голую» биографию Пушкина, не связанную с историей и смыслом его творчества, – так же, как это творчество непостижимо, нерасшифровываемо вне связи с биографией», – отмечает Ходасевич в рецензии на книгу В. Вересаева «Пушкин в жизни». В другой статье («Письма о Лермонтове») он признается: «потому-то писания Пушкина и соблазнительно сопоставлять с его личной жизнью и исследовать в свете этой жизни, что их глубоко личная, чуть ли не «дневниковая» природа лишь в этом случае довольно обнаруживается и позволяет их, наконец, прочесть в подлинном смысле». Ходасевич полагал, что тайна творчества лежит на пересечении художественного и биографического, и если исследователь находит точки пересечения этих плоскостей, он близок к разгадке авторского замысла.

К книгам и статьям В. Ходасевича, оригинального и самобытного исследователя творчества Пушкина, бесполезно время от времени обращаться. В чем мы лишний раз убедимся в этой главе, посвященной еще одному персонажу романа о царском арапе – Валериану, счастливому сопернику Ибрагима.

* * *

Валериан – сирота, стрелецкий сын, что воспитывался в доме боярина Ржевского, впервые упоминается в пятой главе романа. Мы узнаем, что отец Валериана спас Гавриле Афанасьевичу жизнь во время бунта. В знак благодарности боярин воспитывает сироту в своем доме, а два года тому назад юноша попросил, чтобы его записали в полк. Сцена прощания дочери с «проклятым волчонком»³⁰⁰ показалась Ржевскому подозрительной: «Наташа, прощаясь с ним, расплакалась, а он стоял как окаменелый». Боярин, однако, успокоился: «с тех пор Наташа о нем не упоминала, а про него не было ни слуху ни духу. Я думал, она его забыла; ан, видно, нет» (VIII, 26). «Бедный Валериан!» – тихо говорит Наташа (уже в VI главе). Вот и все упоминания о стрелецком сыне в тексте романа, опубликованном после смерти Пушкина в VI книжке «Современника».

Однако найденный черновик начала VII главы, хранившийся в парижской коллекции А.Ф. Отто-Онегина и впервые опубликованный в сборнике «Неизданный Пушкин», существенно расширил этот лаконичный рассказ.

Во-первых, читатель познакомился с описанием внешности Валериана: «красивый молодой человек высокого роста (черновик: «в усах») в мундире» (VIII, 33, 532).

Во-вторых, выясняются кое-какие подробности его детских лет. Валериан обращается к пленному шведу: «Ты не узнал меня, Густав Адамыч, – сказал молодой посетитель тронутым голосом, – ты не помнишь мальчика, которого учил ты шведскому артикулу, с которым ты чуть не наделал пожара в этой самой комнате, стреляя из детской пушечки» (VIII, 33).

---

³⁰⁰ Определение это, вложенное в уста Ржевского, очень много говорит и о самом сироте, и об отношении к нему боярина.

Наконец читатель может догадаться, что Валериан появился в камерке учителя танцев тайно и, очевидно, намерен получить от старого шведа информацию о событиях в доме.

Именно из-за скудности фактов, представленных Пушкиным, образ Валериана вызвал наибольшую остроту споров у толкователей романа³⁰¹.

Обращали внимание на «симметричность» позиции Валериана по отношению к Ибрагиму: оба – военные, и тот и другой – сироты, одного воспитывал знатный боярин, другого – сам царь. (Добавим, что оба, как «блудные сыны», возвращаются под родительскую кровлю³⁰²...)

Особенно присматривались исследователи к обнаруженным в бумагах Пушкина планам повести о стрелце, связывая их с образом Валериана.

Свой взгляд на «Арапа Петра Великого» и, в частности, на образ Валериана предложил Владислав Ходасевич в упомянутой статье «Прадед и правнук». Начинается она с общего утверждения: «То, что некогда переживал он сам, Пушкин нередко заставлял переживать своих героев, лишь в условиях и формах, измененных соответственно требованиям сюжета и обстановки³⁰³. Он любил эту связь жизни с творчеством и любил для самого себя закреплять ее в виде лукавых намеков, разбросанных по его писаниям. Искусно пряча все нити, ведущие от вымысла к биографической правде, он, однако же, иногда выставлял наружу их едва заметные кончики. Если найти такой кончик и потянуть за него – связь вымысла и действительности приоткрывается»³⁰⁴.

Затем Ходасевич блестяще демонстрирует, как эта система действует, причем именно в связи с Валерианом. Но здесь нам потребуется еще одно небольшое отступление: речь пойдет об одном эффектном объяснении сюжетного построения романа, начало которому в литературоведении положил другой пушкинист – С.А. Ауслендер, автор комментариев и пояснительной статьи к «Арапу Петра Великого» (в роскошном брокгаузовском издании сочинений Пушкина 1910 года). «Мы знаем, что вступаем в область таких интимных и тонких переживаний, где трудно что-нибудь утверждать, а можно только угадывать, – писал Ауслендер. – Но то, что роман «Арап Петра Великого» связан самым тесным образом с личной жизнью Пушкина, что многое написанное о далеком прадеде как-то очень близко касалось правнука – в этом едва ли следует сомневаться»³⁰⁵.

Далее Ауслендер объясняет, что на психологической характеристике героев романа отразились пережитые сватовства Пушкина к его дальней родственнице С.Ф. Пушкиной в 1826 году.

Четверть века спустя на эту же тему рассуждает Н.Л. Бродский, автор фундаментальной биографии Пушкина: «Пушкин в разные моменты своей жизни по различным мотивам обращался к своему прадеду А.П. Ганнибалу. В 1827 году существенную роль, кажется, играли чисто личные причины. Не вплеталось ли в романтическую историю Ибрагима <...> что-то от интимного волнения поэта, в эти годы задумавшегося о брачной жизни...»³⁰⁶

Теперь вновь вернемся к аргументации В.Ходасевича, который одновременно с Н. Бродским попытался проникнуть во внутренний мир пушкинских героев и связать их с биографией автора. «Те главы, которые были написаны и сохранились до нас, – пишет Ходасевич, – содержат отражения подлинных событий пушкинской жизни, непосредственно предшествовавших

³⁰¹ Шкловский В.Б. Заметки о прозе Пушкина. С. 33.

³⁰² См.: Альтишлелер М. План повести о стрелцком сыне и романы В.Скотта. В сб.: Проблемы современного пушкиноведения / Материалы Первой международной конференции пушкинистов. Пушкинские Горы, 27–30 мая 1991 г. / Псков. гос. пед. ин-т. Псков, 1994. С.107.

³⁰³ Ср. с замечанием Л.С.Пушкина, брата поэта: «Вообще он любил придавать своим героям собственные вкусы и привычки» (А.С. Пушкин в воспоминаниях... Т. I. С. 65).

³⁰⁴ Ходасевич В.Ф. О Пушкине. Берлин, 1937. С. 166.

³⁰⁵ Библиотека великих писателей под ред. С.А.Венгерова. Пушкин. Т. IV. СПб.: 1910. С. 110.

³⁰⁶ Бродский Н.Л. А.С.Пушкин. Биография. М., 1937. С. 572.

писанию. Роман был задуман еще до этих событий, но не в том, как он задуман, а в том, как начал писаться, не в плане, а в разработке деталей заключены отголоски действительности. Будучи отчасти схож лицом со своим прадедом, Пушкин в романе заставил его самого сходствовать с правнуком в некоторых личных и житейских положениях»³⁰⁷.

Итак, сватовство к Софи Пушкиной («Это была хорошенькая двадцатилетняя девушка, очень кокетливая, ничем не замечательная», – рассказывает Ходасевич). О переписке Пушкина с В.П.Зубковым, женатым на ее сестре, о буквальных совпадениях в тексте писем и в тексте романа мы еще будем говорить. Сейчас уточним, что предложение Пушкина не было принято, и вскоре Софи Пушкина обвенчалась с неким Паниным («Крошка Пушкина вышла за малютку Панина», – сострил Зубков). «И так как Пушкин любил, маскируя действительность вымыслом, – продолжает дотошный Ходасевич, – оставлять маленькие приметы, по которым можно ее узнать, то молодого «стрелецкого сироту», пленившего сердце Ибрагимовой невесты, он назвал именем своего счастливого соперника: «стрелецкого сироту» зовут Валерианом, как и Панина, за которого только что вышла С. Пушкина»³⁰⁸. Вот и вытянулась ниточка, запрятанная Пушкиным.

Имя Валериан, достаточно в России редкое, могло иметь в романе, конечно, и иное происхождение. Вполне вероятно, что оно «родом» не из XIX-го, а из того, заветного, XVIII века.

Кровавое событие – государственный переворот на рубеже веков – занимало воображение Пушкина, особенно после смерти Александра I и последовавшего за ней 14 декабря. В X главе «Онегина» вспоминается 1801 год и гвардейцы-семеновцы:

Потешный полк Петра-Титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей... (VI, 522)

И если Ибрагим был «капитан-лейтенантом бомбардирской роты Преображенского полка» – другого «потешного полка Петра-Титана», то в «свирепой шайке палачей» (убийц императора Павла), среди зачинщиков – офицер Валериан Зубов со своими братьями. *«Дела давно минувших дней...»*

Многие пушкинисты подчеркивали значение образа Валериана в сюжетном течении романа. Д.П. Якубович писал: «Главы V и VI «Арапа...» подготавливают почву к введению нового героя, соперника Ибрагима (быть может, долженствующего выступить в качестве спасителя героини) – Валериана. Сирота, стрелецкий сын, воспитывавшийся в доме у Ржевского, кажется, должен был функционировать в романе именно как представитель враждебной Петру – стрелецкой стихии. Сюжет уже осложнен тем, что отец этого «волчонка» во время стрелецкого бунта спас жизнь отцу Наташи»³⁰⁹.

Н.К.Пиксанов безапелляционно заявил, что «следует устранить ходячий предрассудок, будто героем этой неоконченной повести является Ганнибал. Нет, героем задуман Пушкиным сын мятежного стрельца, «волчонок», опасный для русского боярства»³¹⁰.

Г.А.Лапкина возразила: «Композиция и развитие сюжета в написанных шести главах произведения не позволяют предположить, что стрелецкий сирота был задуман как главный герой романа. Трудно допустить, что в этом случае Пушкин на протяжении значительной части

³⁰⁷ Ходасевич В.Ф. Там же. С. 167.

³⁰⁸ Там же. С. 173.

³⁰⁹ Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. Л., 1979. С. 282.

³¹⁰ Пиксанов Н.К. Пушкин и народ // Вестник Ленинградского гос. университета. 1949. № 6. С. 11.

романа оставлял бы Валериана в тени, заняв внимание читателя другими, второстепенными персонажами. Валериан появляется в романе уже тогда, когда определилась завязка романа, стал достаточно ясен характер конфликта, лежащего в его основе, когда наметились взаимоотношения почти всех действующих лиц»³¹¹. Исследовательница размышляет о функции образа Валериана в романе: «Валериан – сын стрельца, может быть казненного по приказу Петра (в романе нет никаких указаний на то, что отец Валериана был казнен, это лишь можно предполагать); поэтому Валериан, казалось, должен был бы стать врагом царя и вводимых им новшеств. В этом случае он нашел бы много общего с реакционными представителями боярства. Но стрелецкий сирота принадлежал к той общественной группе, интересы которой всегда были резко противоположны интересам крупной аристократии, и Ржевский верно почувствовал враждебность Валериана и потому назвал его «проклятым волчонком». Для бояр Валериан всегда оставался бы существом низшей породы. Реформы Петра, поставившие ум, личные достоинства выше знатности, давали «волчонку» возможность выдвинуться. И Пушкин, создавая образ потомка мятежных стрельцов, рисует его не как противника царя, а как воина петровской армии, куда он пошел добровольно («тому два года, по его просьбе, записали его в полк»)… К тому же, – продолжает Г.А.Лапкина, – для Валериана это была единственная возможность добиться согласия Ржевского на брак стрелецкого сироты с Наташей»³¹².

Среди предков Пушкина были и участники стрелецкого бунта. Вспомним «Мую родословную»:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им. (III, 261)

«При Петре I сын его (Матвея Пушкина. – А.Б.) стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным», – сказано в «Начале автобиографии» (XII, 310).

С учетом этих сведений В. Шкловский предложил свою оценку месту и значимости образа Валериана: «Ржевская, исторически Сарра Юрьевна, дочь одного из любимцев Петра I, была замужем за Алексеем Федоровичем Пушкиным. Алексей Федорович был сыном казненного при стрелецком мятеже Федора Матвеевича, т. е. его положение совпадает с положением Валерьяна. Таким образом, роман должен был изобразить соперничество предков Пушкина»³¹³. И далее Шкловский высказал догадку: «Стрелецкий сын» был, очевидно, сыном одного из казненных, т. е. сыном или Соковнина, или Цыклера, или Пушкина, что всего вероятней, несмотря на измененные имена»³¹⁴.

Еще один герой романа вышел из «семейственных преданий». Поистине неисчерпаемый источник!

³¹¹ Лапкина Г.А. К истории создания «Арапа Петра Великого». В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. Л., 1958. С. 303.

³¹² Там же. С. 302. В. Листов справедливо поместил Валериана в ряд ущербных пушкинских героев – он воспитанник! (см.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989. С. 120).

³¹³ Шкловский В.Б. Заметки о прозе Пушкина. С. 33. В. Шкловский везде пишет «Валерьян» (через мягкий знак), у Пушкина – через «и» (Валериан). Второе написание является церковным вариантом первого (см.: Бухарев И. Жития всех святых, празднуемых православною грекороссийскою церковью. Изд. 6-е. М., 1916).

³¹⁴ Шкловский В.Б. Там же. С. 34.

«Коренной русский барин»

*Они и в войске и в совете,
На воеводстве и в ответе
Служили князям и царям...*

А.С. Пушкин. «Езерский» (V, 98)

«Теперь должен я благосклонного читателя познакомить с Гаврилою Афанасьевичем Ржевским» – так неожиданно от первого лица начинается Пушкин IV главу романа.

«Он происходил от древнего боярского рода³¹⁵, владел огромным имением, был хлебосол, любил соколиную охоту; дворня его была многочисленна. Словом, он был коренной русский барин, по его выражению, не терпел немецкого духу и старался в домашнем быту сохранить обычаи любезной ему старины» (VIII, 19).

Несколько ранее, на ассамблее, Ржевский был нам представлен «мужчиной пожилых лет, виду важного и сурового» (VIII, 17).

Образ Г.А. Ржевского, один из самых колоритных в романе, тоже «синтетического» происхождения. Много в нем взято из «семейственных преданий», кое-что привнесено из истории известных Пушкину старых русских бар (в частности, среди прототипов Ржевского можно указать упомянутого еще Грибоедовым в «Горе от ума» богатого помещика-самодура Л.Д. Измайлова)³¹⁶.

Пушкин сообщает читателям, что Гаврила Афанасьевич – вдовец, что единственная дочь его «воспитана по-старинному», и вновь упоминает об «отвращении» Ржевского «от всего заморского».

«Оппозиционный» характер фигуры старого боярина подчеркнут его собственными словами в V главе романа:

«Не приказал ли тебе царь ведать какое-либо воеводство? – сказал тесть. – Давно пора. Али предложил быть в посольстве? что же? ведь и знатных людей – не одних дьяков посылают к чужим государям.

– Нет, – отвечал зять, нахмуясь. – Я человек старого покроя, нынче служба наша не нужна, хоть, может быть, православный русский дворянин стоит нынешних новичков, блинников да басурманов, – но это статья особая» (VIII, 24).

Речь боярина Ржевского образна и индивидуальна: «Сказал бы словечко, да волк недалеко», – в застольной беседе. Или с холопами: «Вы что зеваете, скоты?»

Боярин Ржевский³¹⁷ стоит в ряду образов русского барина и в творчестве самого Пушкина, и в последующей литературе. В.О. Ключевский выделил его, когда говорил о типичных персонажах русской истории:

«Позади их всех стоит чопорный Гаврила Афанасьевич Ржевский в «Арапе Петра Великого». Это – невольный, зачисленный в европейцы по указу русский. Все его понятия и симпатии принадлежат еще старой неевропейской России, хотя он и не прочь послужить на новой службе и сделать карьеру. Это еще не тип европеизированного русского, а скорее русская гри-

³¹⁵ В черновике следовало: «Служил окольным еще при царе Федоре Алексеевиче» (VIII, 529–530).

³¹⁶ Впоследствии выведен под именем Кирилы Петровича Троекурова в «Дубровском». Пушкин, можно предположить, заинтересовался им еще и по причине «экзотического» происхождения Измайлова, чьи предки, по преданию, были родом из Аравии! (См.: *Энгель С.* Рассказ о Троекурове. В сб.: Прометей. Т. 10. М., 1975. С. 106.)

³¹⁷ В черновике он назван «Гаврилой Афанасьевичем Ч***» (VIII, 518–519).

маса европеизации, первая и кислая. Вкус новой культуры еще не привился; но это вопрос недолгого времени».

И далее историк заметил: «... У Пушкина находим довольно связанную летопись нашего общества в лицах за 100 лет с лишком. Когда эти лица рисовались, масса мемуаров XVIII века и начала XIX века лежала под спудом. В наши дни они выходят на свет. Читая их, можно дивиться верности глаза Пушкина. Мы узнаем здесь ближе людей того времени; но эти люди – знакомые уже нам фигуры. «Вот Гаврила Афанасьевич, восклицаем мы, перелистывая эти мемуары, а вот Троекуров, князь Верейский и т. д. до Онегина включительно»³¹⁸.

Для «погружения» в мир боярина Ржевского Пушкин выбирает действие значительное и символичное – званый обед в его доме:

«День был праздничный. Гаврила Афанасьевич ожидал несколько родных и приятелей. В старинной зале накрывали длинный стол. Гости съезжались с женами и дочерьми, наконец освобожденными от затворничества домашнего указами государя и собственным его примером <...> Пошли за стол. На первом месте, подле хозяина, сел тесть его, князь Борис Алексеевич Лыков, семидесятилетний боярин; прочие гости, наблюдая старшинство рода и тем поминая счастливые времена местничества³¹⁹, сели – мужчины по одной стороне, женщины по другой: на конце заняли свои привычные места: барская барыня в старинном шушуне и кичке; карлица, тридцатилетняя малютка, чопорная и сморщенная, и пленный швед в синем поношенном мундире. Стол, уставленный множеством блюд, был окружен суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкий строгим взором, толстым брюхом и величавой неподвижностью. Первые минуты обеда посвящены были единственно на внимание к произведениям старинной нашей кухни, звон тарелок и деятельных ложек возмущал один общее безмолвие» (VIII, 20–21)³²⁰.

Описание это соотносится с впечатлениями, зафиксированными в V главе «Евгения Онегина»:

Но кушать подали. Четой
Идут за стол рука с рукой
<...>
На миг умолкли разговоры;
Уста жуют³²¹... (VI, 110)

Мирный ход чинной трапезы нарушает неожиданный приезд к Гавриле Афанасьевичу царя Петра. В этой сцене боярин Ржевский проявляется весь:

«Гаврила Афанасьевич встал *поспешно* из-за стола; все *бросились* к окнам <...> Сделалась *суматоха*. Хозяин *бросился* навстречу Петра; слуги *разбежались как одурелые*, гости *перетрусились*, иные даже думали, как бы *убраться* поскорее домой <...> царь вошел в сопровождении хозяина, *оторопелого от радости*. <...> Хозяин *бросился* к величавому дворецкому, *выхватил* из рук у него поднос, сам наполнил золотую чарочку и подал ее *с поклоном* государю. <...> Обед, за минуту пред сим шумно оживленный веселием и говорливостью, продолжался в тишине и принужденности. Хозяин *из почтения и радости* ничего не ел, гости также

³¹⁸ Цит. по: Русская мысль. 1880. № 6. С. 25.

³¹⁹ Один из реальных Ржевских, воевода Алексей Иванович, думный дворянин при царе Федоре Алексеевиче, был членом комиссии, уничтожившей местничество.

³²⁰ Пушкин в творческом плане остался удовлетворен этой сценой, о чем свидетельствует отдельная публикация им главы «Обед у русского боярина» в «Северных цветах».

³²¹ «... Здесь дело, конечно, не в конкретных соответствиях, но в самом методе описания и его художественной функции», – комментирует Л.С.Сидяков в статье «Евгений Онегин» и «Арап Петра Великого» (сб.: Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 22).

чинились и с благоговением слушали, как государь по-немецки разговаривал с пленным шведом...» (VIII, 22–23; курсив мой. – А.Б.).

Эти строки приводили в восхищение замечательного прозаика Ю.К. Олешу. В своих пронизательных и тонких «Заметках о литературе» (1937 г.) он пишет: «Умение точно и кратко назвать переживание, чувство, душевное качество в Пушкине поразительно... *Хозяин из почтения и радости ничего не ел...* То же пришло бы в голову и Льву Толстому: когда внезапно в дом приехал царь, хозяин перестал есть из почтения и радости. И так же сказал бы Толстой о гостях, которые слушают разговоры царя с пленным шведом: они слушают “с благоговением”. Это уже стиль “Войны и мира”»³²².

По мнению А.З. Лежнева, фамилия Ржевский – условная: «Ржев – коренной русский город, и имя русского боярина производится от него легко и естественно»³²³.

Н.К. Телетова считает, что Пушкин намеренно ввел в повествование представителей родственного ему рода Ржевских: «Соединив два поколения в одно при помощи художественного вымысла. Пушкин заставил своего прадеда Абрама Ганнибала жениться не на гречанке Диопер, а на Ржевской, в то время как на дочери Сарры Ржевской Марии Пушкиной женился уже дед поэта – Осип. Соображения Осипа Абрамовича, взявшего в жены небогатую, почти 28-летнюю барышню, по матери Ржевскую, Пушкин приписывает прадеду: «Государь прав: мне должно обеспечить будущую судьбу мою. Свадьба с молодой Ржевской присоединит меня к гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцем в новом моем отечестве» (VIII, 27)³²⁴.

В своих воспоминаниях о детстве Пушкина его сестра – О.С. Павлицева рассказала об их бабушке, женщине «ума светлого», говорившей и писавшей «прекрасным русским языком», – о Марии Алексеевне Ганнибал: «Происходя по матери из рода Ржевских, она дорожила этим родством <...> и часто любила вспоминать былые времена. Так передала она анекдот о дедушке своем Ржевском, любимце Петра Великого. Монарх часто бывал у Ржевского запросто и однажды заехал к нему поужинать...»³²⁵

Этот Ржевский скончался в 1729 году. На могиле в московском Знаменском монастыре на плите стояло церковное его имя – не Юрий, а Георгий Алексеевич. Н.К. Телетова предположила, что поэт использовал инициалы своего предка «Г.А.» в качестве начальных букв для имени героя романа «Арап Петра Великого» Гаврилы Афанасьевича Ржевского. Старшую сестру того, реального Ржевского тоже звали Татьяна³²⁶.

Добавим, что с одним из выходцев из рода Ржевских Пушкин шесть лет учился в Царскосельском лицее – это был Николай Гаврилович, «Николенька» Ржевский. Он внезапно умер вскоре после окончания лицея – первая смерть в семье лицейстов пушкинского выпуска.

* * *

Боярин Ржевский – не единственный «коренной русский барин» в романе. За его столом, как мы помним, «на первом месте, подле хозяина, сел тесть его, князь Борис Алексеевич Лыков, семидесятилетний боярин» (VIII, 20), тоже представитель старой русской аристокра-

³²² Цит. по: 30 дней. 1937. № 3. С. 89–90. Ю.К.Олеша с особым интересом отнесся к незаконченному роману Пушкина. Он был ему чем-то по-своему дорог и близок. Незавершенность – характерная черта прозы самого Олеша (он говорил: «Пусть я пишу отрывки, не заканчивая, но я все же пишу! Все же это какая-то литература – возможно, и единственная в своем смысле...»).

³²³ Лежнев А.З. Проза Пушкина. М., 1937. С. 245.

³²⁴ Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С.Пушкина. С. 100–101.

³²⁵ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. I, М., 1974. С. 51. Эпизод этот относится к 1722 году, когда Ю.А.Ржевский был вице-губернатором в Нижнем Новгороде. Ср. с записью в походном журнале Петра I: «29 мая: после обеда был у вице-губернатора Нижегородского Ржевского» («Юрнал 1722 г.». СПб.: 1855. С. 36). О том же помечено и у Пушкина в «Истории Петра» (X, 261).

³²⁶ См.: Телетова Н.К. Указ. соч.С. 96, 101.

тии. Мы знаем о нем очень мало – только то, что он по старости не мог взойти на лестницу второго этажа. Несмотря на благосклонное в целом отношение князя к Ибрагиму, его реакция на сватовство была однозначной:

«Как, – воскликнул старый князь, у которого сон совсем прошел, – Наташу, внучку мою, выдать за купленного арапа!» (VIII, 25).

Лыков – подлинная боярская фамилия. Один из князей Лыковых будет упомянут Пушкиным в «Истории Петра» среди стрелецких врагов (X, 15).

Другой гость Ржевского – «Кирила Петрович Т., бывший в Рязани воевода, где нажил себе три тысячи душ и молодую жену, то и другое с грехом пополам» (VIII, 21).

Кирила Петрович – ярый противник петровских ассамблей и прочих новшеств: «По мне жена как хочешь одевайся: хоть кутафьей, хоть болдыханом; только б не каждый месяц заказывала себе новые платья, а прежние бросала новешенькие. Бывало, внучке в приданое доставался бабушкин сарафан, а нынешние робронды – поглядишь – сегодня на барыне, а завтра на холопке. Что делать? разорение русскому дворянству! беда, да и только» (VIII, 21).

Далее Кирила Петрович развивает свои домостроевские взгляды: «Иной бы рад запереть жену в тереме, а ее с барабанным боем требуют на ассамблею; муж за плетку, а жена за наряды <...> Жены позабыли слово апостольское: жена да убоится своего мужа...» (VIII, 21).

Кирила Петрович Т. обнаружится под своей полной фамилией «Троекуров» (с сохранением имени и отчества) в другом романе Пушкина – «Дубровский». Другой Троекуров – князь Иван Борисович – доверенное лицо царя в пушкинской «Истории Петра» (X, 22).

* * *

Обед у боярина Ржевского – блестящая зарисовка российского дворянского быта Петровской эпохи. За столом Гаврилы Афанасьевича собралось пестрое общество из городских усадеб, здесь встретились и царь-самодержец, и пленный швед, и домочадцы боярина.

В 1830 году в незавершенной «Сказке о медведихе» Пушкин описал не менее пестрое общество:

В ту пору звери собиралися
Ко тому ли медведю, к боярину.
Приходили звери большие,
Прибегали тут зверишки меньшие.
Прибегал тут волк дворянин,
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходил тут бобр, богатый гость,
У него-то бобра жирный хвост.
Приходила ласочка дворяночка,
Приходила белочка княгинечка,
Приходила лисица подъячиха,
Подъячиха, казначеиха,
Приходил байбак тут игумен,
Живет он байбак позадь гумен.
Прибегал тут зайка смерд,
Зайка бедненький, зайка серенькой.
Приходил целовальник еж,
Все-то еж он ежится,
Все-то он щетинится... (III, 505)

«Наталья, боярская дочь»

*У зим бывают имена,
Одна из них звалась Наталья.*

Давид Самойлов

Наташа Ржевская, просватанная за арапа, обрисована в романе скупой, но с нескрывае-мой авторской симпатией. Мы знакомимся с Наташей на ассамблее (III глава). Девушка понра-вилась Корсакову: «Ей было около шестнадцати лет, она была одета богато, но со вкусом, и сидела подле мужчины пожилых лет, виду важного и сурового» (VIII, 17). Первая встреча с арапом: «... по повелению отца своего, Гаврилы Афанасьевича, подошла к Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку» (VIII, 18). В следующей главе вводятся дополни-тельные сведения: «Дочери его было семнадцать лет от роду. Еще ребенком лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, то есть окружена мамушками, нянюшками, подружками и санными девушками, шила золотом и не знала грамоты». Читатель узнает, что отец «не мог противиться ее желанию учиться пляскам немецким» и что Наташа «славилась на ассамблеях лучшею танцовщицей» (VIII, 19).

Как можно легко догадаться, Наташа была хороша собой. На званом обеде в отцовском доме «Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный поднос, уставленный золо-тыми чарочками, и каждый выпил свою, жалея, что поцелуй, получаемый в старину при таком случае, вышел уж из обыкновения» (VIII, 20). Выразителен эпизод с Петром: «Быстрые взоры царя отыскивали в толпе молодую хозяйскую дочь; он подозвал ее. Наталья Гавриловна прибли-жилась довольно смело, но покраснев не только по уши, а даже по плеча. «Ты час от часу хоро-шеешь», – сказал ей государь и, по своему обыкновению, поцеловал ее в голову...» (VIII, 23)³²⁷.

Ситуация обостряется: подслушав разговор о сватовстве арапа, «бедная девушка лиши-лась чувств и, падая, расшибла голову о кованый сундук, где (по иронии судьбы, вернее автора. – А.Б.) хранилось ее приданое» (VIII, 26). Обморок – одно из обязательных состояний натур романтических и сентиментальных!

В черновике IV главы был еще один штрих к образу Наташи, возможно, важный для будущего хода событий: «Парижская ловкость молодого щеголя понравилась гораздо более дочери, чем отцу...» (VIII, 512).

Наташа «в беспамятстве бредит Валерианом», стрелецким сыном. И нам приоткрывается история ее детской любви. От Гаврилы Афанасьевича узнаем, что отец Валериана когда-то («во время бунта») спас ему жизнь: «... черт меня догадал (любимый пушкинский оборот! – А.Б.) принять в свой дом проклятого волчонка. Когда, тому два году, по его просьбе, записали его в полк, Наташа, прощаясь с ним, расплакалась, а он стоял как окаменелый». «Я думал, она его забыла, – продолжает боярин, – ан, видно, нет. Решено: она выйдет за арапа» (VIII, 26).

³²⁷ Эта сцена обратила на себя внимание исследователя: «Поражает своей неожиданностью точно схваченное, прелестное в своей женственности движение Наташи Ржевской... Та, которой должно было быть самой смиренной и робкой, высказывает меньше всего страха» (Абрамович С.Л. К вопросу о становлении повествовательной прозы Пушкина. С. 66). Здесь же отметим, что вторично упоминаемое в романе петровское обыкновение «целовать в голову» (что лишней раз подчеркивает высокий рост царя) описано в историческом анекдоте А.О. Корниловича «За Богом молитва, за царем служба не пропадет» (Полярная звезда. СПб.: 1825). Между прочим, героиня этой новеллы – *Наталья*, «девушка лет 18», единственная дочь офицера-вдовца. Петр, появляющийся в рассказе инкогнито, устраивает ее свадьбу с женихом (См.: Степанов Л.А. Пушкин и Корнилович. В сб.: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л., 1987. С. 149).

Тем временем царю становится известным мнение самого Ибрагима: «Она, государь, очень мила и, кажется, девушка скромная и добрая» (VIII, 27). В дальнейшем у автора для Наташи остаются только два определения: «бедная девушка» и «несчастливая красавица».

Светелка Наташи хранит черты патриархальности, допетровского быта: «Тихо теплилась лампада перед стеклянным кивотом, – в коем блистали золотые и серебряные оклады наследственных икон. Дрожащий свет ее слабо озарял занавешенную кровать и столик, уставленный склянками с ярлыками. У печки сидела служанка за самопрялкою, и легкий шум ее веретена прерывал один тишину светлицы» (VIII, 29)³²⁸.

И последняя встреча с Натальей Гавриловной: она видит царского арапа у изголовья своей постели... «Бедный Валериан! – сказала Наташа». Отчаяние героини. «Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершения ненавистного брака. Эта мысль ее утешила. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребию» (VIII, 32). Впрочем, в черновике сохранился более оптимистический вариант: «Но молодость восторжествовала над телесной и душевной болезнью Наталья Гавриловна не умерла и совершенно выздоровела» (VIII, 531).

Образ Наташи Ржевской стоит в ряду любимых персонажей Пушкина – вереницы милых русских барышень, дворянских невест. Ее сиротство – важное обстоятельство, отмеченное литературоведами: «Мотив вдовства отца, дочери, растущей без материнского глаза, впервые появился у Пушкина в «Арапе Петра Великого» для оправдания сердечного своеволия боярышни Ржевской, без него трудно совместимого с нравами русской старины, – пишет Н.Н. Петрунина. – Затем этот мотив был усвоен незавершенной повестью «Гости съезжались на дачу»... Упорное возвращение Пушкина-прозаика к образу девушки, возросшей без заботливо-требовательной и нежной материнской опеки, вряд ли случаен и в «Арапе Петра Великого», где мотив этот привнесен в семейные воспоминания извне, и в истории Зинаиды Вольской, и в болдинских повестях, и позднее – в «Русалке», в «Дубровском» и, наконец, в «Пиковой даме»³²⁹.

Е.С. Хаев включил «Арапа Петра Великого» в особую группу пушкинских произведений рубежа 1820–1830 годов – так называемую группу «уездной барышни». Сюда относятся также «Евгений Онегин», «Метель». «Барышня-крестьянка», «Роман в письмах», «Дубровский», отрывки «В начале 1812 года» и «В 179* году возвращался я». К ним примыкает «Полтава»... В группе «барышня» совершенно отсутствует мотив окраинности и ветхости, но метель, бушующая за пределами усадьбы, так же постоянна, как и в «сироте», будь то буквальная метель, бунт или, так сказать, историческая буря – в «Арапе...» и «Полтаве»³³⁰. Дополним этот ряд и образом Марьи Ивановны из «Капитанской дочки», осиротевшей, правда, уже на глазах читателей.

В главе XIV «Дубровского» Маша Троекурова первоначально названа *Натальей Гавриловной*. «Связь с «Дубровским» брошенного романа, – отметил Д.П. Якубович, – естественно была поддержана аналогичной ситуацией – героиню выдают насильно за немилую. Она мечтает о свидании с любимым человеком. Последний из оппозиционного стрелца превратился в новом замысле в атамана «разбойников»³³¹.

³²⁸ «Это парное сочетание «барышня-крестьянка» становится обозначением незыблемой патриархальности русской жизни», – отмечает Н.И. Попова в статье «Предметный мир интерьера в восприятии Пушкина» (Болдинские чтения. Горький, 1984. С. 171). Там же вспоминается пушкинское обращение к няне в почти сходной ситуации: «Или дремлешь под жужжаньем // Своего веретена...» (II, 439).

³²⁹ Петрунина Н.Н. О повести «Станционный смотритель». В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 84.

³³⁰ Хаев Е.С. Идиллические мотивы в произведениях Пушкина рубежа 1820–1830-х годов. В сб.: Болдинские чтения. Вып. XIII. Горький, 1984. С. 106–107.

³³¹ Якубович Д.П. Арап Петра Великого. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. Л., 1979. С. 280.

«В самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная необходимость, может быть и невидимая самим поэтом», – заметил В.Г. Белинский³³².

Имя Наташа – не случайное, Пушкину близкое. Поэт хорошо знал родословную своих предков. Среди них были и Натальи Ржевские, например дочь капитана Матвея Ржевского (1703–1766) и дочь камергера Александра Ржевского (1726–1809), участника переворота 1762 года. Звали Натальей и знакомую Пушкина кн. Голицыну, урожденную Ржевскую-Чернышеву (1741–1837), прозванную при дворе «усатая княгиня»³³³.

В творчестве Пушкина имя Наташа встречается, как известно, еще в лицейских вещах. Одно из самых первых дошедших до нас лирических стихотворений «К Наталье» (1813 год, I, 5) посвящено крепостной актрисе Царскосельского театра графа В.В.Толстого. Ей же адресованы стихи в 1-й и 3-й песнях поэмы «Монах» (1813) и послание «К молодой актрисе» (1815). К лицейскому циклу относится объяснение в любви «К Наташе» – камеристке княжны В.М. Волконской, фрейлины императрицы (I, 58) – «Вянет, вянет лето красном (1814)³³⁴.

Лицеист М.А.Корф вспоминал, что «первым предметом любви Пушкина» была Наталья Кочубей (1800–1854), будущая графиня Строганова³³⁵ (что косвенно подтверждается пушкинской «Программой автобиографии» XII, 308). Среди светских приятельниц поэта отметим также княжну Наталью Оболенскую (1812–1901), графиню Наталью Тизенгаузен (1810–1899), княжну Наталью Урусову (1812–1882), фрейлину, будущую графиню Кутайсову³³⁶.

Вспомним также, что одним из главных «информаторов» Пушкина по XVIII веку была его родственница – старая фрейлина графиня Наталья Кирилловна Загряжская (см. XII, 316–318).

Пушкин неоднократно обращался к имени Наташа в своих самых задушевных поэтических творениях. Наташа – вариант имени в авторском отступлении «Руслана и Людмилы» (IV, 254) и вариант имени Мария в «Полтаве» (V, 184):

Он горд Натальей молодой
Своею дочерью меньшей (V, 186).

В черновиках «Евгения Онегина» одно из имен главной героини романа – не Татьяна, а Наташа («Ее сестра звалась... Наташа», VI, 189. Оговоримся, что Н.И. Клейман настаивает на прочтении «Параша»).

Одновременно с первой главой «Евгения Онегина» и отрывком «Как жениться задумал царский арап» создается баллада «Жених» («Чудная баллада, – скажет о ней В.Г. Белинский. – В народных русских песнях, вместе взятых, не больше русской народности, сколько заключено ее в этой балладе»)³³⁷. Для нас она представляет особый интерес в связи с тем, что время ее

³³² Белинский В.Г. Избранные сочинения. М.: ОГИЗ, 1948. С. 122.

³³³ Телетова Н.К. Указ. соч. С. 162–166.

³³⁴ И.Бражнин усматривает в этом стихотворении переключку с балладой Павла Катенина «Наташа» (Сын Отечества. 1815). См.: Бражнин И.Я. Ликующая муза. Новеллы, этюды, размышления. Новосибирск: Зап. Сиб. кн. Изд-во, 1974. С. 221. В этой книге есть глава «Итак, она звалась Наташа». В ней прослеживается литературная судьба имени Наташа (14 «Наташ» – от крепостной актрисы Царскосельского театра до Наташи Ростовой), но, увы, не названа героиня романа о царском арапе.

³³⁵ Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников, под ред. С.Я. Гессена. Л., 1936. С. 88–89. Р.Куйковой удалось найти еще одно пушкинское «упоминание» о гр. Н.В.Кочубей-Строгановой: ее портрет в рабочей тетради поэта 1829–1833 годов (Советская Россия, 22 октября 1986 г.).

³³⁶ См.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1976. С. 281, 410, 432. Например, дом Урусовых в Москве, по утверждению М. И. Семевского, «славился радушием и гостеприимством. Прекрасная среда, его окружавшая, красота и любезность молодых хозяек действовали на нашего поэта возбuditельно; и он, проводя почти каждый вечер у князя Урусова, был весьма весел, остер и словоохотлив» (Русский вестник. № 11. С. 81–85).

³³⁷ Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 томах. М., 1981. Т. 6. С. 364–365.

написания совпадает с возникновением замысла романа о царском арапе. Звучит мотив сватовства – в сочетании с дорогим сердцу Пушкина именем Наташа:

Наутро сваха к ним на двор
Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит.
«У вас товар, у нас купец,
Собою парень молодец,
И статной и проворной,
Не вздорной, не зазорной...

< . . . >

«Согласен, – говорит отец, —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не все касатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить...»
(II, 410–411)

В михайловской ссылке Пушкин пишет «Графа Нулина» (он опубликует его в «Северных цветах» за 1828 год, в следующей книжке альманаха будет напечатана глава из исторического романа). И опять любимое пушкинское имя:

К несчастью, героиня наша...
(Ах! я забыл ей имя дать.
Муж просто звал ее: Наташа,
Но мы – мы будем называть
Наталья Павловна)... (V, 4)

Это сочетание – Наталья Павловна – не совсем случайное: так звали петербургскую знакомую Пушкина графиню Зубову, урожденную княжну Щербатову. 3 мая 1828 года П.А.Вяземский в письме к жене описал бал у Олениных: «Мы с Пушкиным... волочились за Зубовой-Щербатовой»³³⁸.

Наташа Ржевская – не первая боярышня с этим именем в русской литературе. «Наталья, боярская дочь» – так называлась известная повесть Н.М. Карамзина, написанная в 1791 году. (Вспомним, что именно ее поразительно быстро научилась читать по складам мнимая Акулина из «Барышни-крестьянки», VIII, 121.)

Ржевская, между прочим, – не единственная Наталья, названная в романе. Пушкин упоминает царицу Наталью Кирилловну, мать Петра, при описании женских нарядов на ассамблее: «Чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны» (VIII, 16). (И вообще, имя *Наталья* – и стилистически, и с точки зрения исторической достоверности – вполне уместно в романе об эпохе Петра Первого, оно не было чуждым для рода Романовых: царевна

---

³³⁸ Литературное наследство. Т. 58. С. 78.

Наталья Алексеевна, например, не чуралась литературы и была автором, в частности, «Комедии о пророке Данииле».)

Зимой 1828/29 года Пушкин знакомится на балу у Иогеля с юной московской красавицей Наташей Гончаровой. Он вновь выбирает это имя. На этот раз – до конца дней своих. Вместе с невестой вошла в жизнь Пушкина и ее мать – Наталья Ивановна.

Судьбе было угодно, чтобы и свое последнее «произведение» – младшую дочь, появившуюся на свет 23 мая 1836 года, Пушкин окрестил Наташей.

«Учитель танцев»

Побежден ли швед суровый? (III, 408)

А.С. Пушкин. «Пир Петра Первого»

Пленный швед Густав Адамович – второстепенный персонаж повествования. И в то же время это один из самых психологически и исторически достоверных типов, населяющих пестрый мир пушкинского романа.

Четыре раза (в IV и VII главах «Арапа...») лишь эпизодически возникает образ старого солдата. При этом его место в художественном и сюжетном плане довольно значительно. Начнем с того, что именно благодаря искусству шведа Наташа Ржевская «славилась на ассамблеях лучшей танцовщицей» (VIII, 18). Напомним, что «отец ее, несмотря на отвращение свое от всего заморского, не мог противиться ее желанию учиться пляскам немецким у пленного шведского офицера, живущего в их доме. Сей заслуженный танцмейстер имел лет пятьдесят от роду, правая нога была у него прострелена под Нарвою и потому была не весьма способна к менуэтам и курантам, зато левая с удивительным искусством и легкостью выделявала самые трудные па» (VIII, 19). Первый раз мы видим пленного шведа «в синем поношенном мундире» за обеденным столом у боярина Ржевского. Учитель танцев – последний среди участников трапезы, его «привычное место» – на конце стола, после барыни и карлицы. Правда, за время обеда его роль несколько меняется: пришел царь Петр, и вот уже гости «с благоговением» слушают, «как государь по-немецки разговаривал с пленным шведом о походе 1701 года» (VIII, 23).

В седьмой – последней и неоконченной – главе романа образу шведа уделено первостепенное внимание. Выясняется его особая роль в драматических событиях, разворачивающихся на наших глазах в доме боярина Ржевского.

Но сначала дается описание его скромного жилища: «В доме Гаврилы Афанасьевича из сеней направо находилась тесная каморка с одним окошечком. В ней стояла простая кровать, покрытая байковым одеялом, а пред кроватью еловый столик, на котором горела сальная свеча и лежали открытые ноты. На стене висел старый синий мундир и его ровесница, треугольная шляпа; над нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картина, изображающая Карла XII верхом³³⁹. Звуки флейты раздавались в этой смиренной обители. Пленный танцмейстер, уединенный ее житель, в колпаке и в китайчатом шлафроке, услаждал скуку зимнего вечера, наигрывая старинные шведские марши, напоминающие ему веселое время его юности» (VIII, 33).

И вот здесь-то происходит кульминационная встреча, которая должна, очевидно, резко повернуть весь ход действия романа: «...красивый молодой человек высокого роста, в мундире, вошел в комнату» (VIII, 33). Так появляется новое действующее лицо – стрелецкий сын

---

³³⁹ В пушкинской прозе лубочные картинки на стене появятся и в другой смиренной обители – доме станционного смотрителя Самсона Вырина (перенесенные сюда из задуманных ранее «Записок молодого человека»). Только в черновиках «Арапа» картинка шведа снабжена мудреной (шутливой?) надписью славянскими буквами, а у смотрителя, наоборот, под каждой картинкой – приличные немецкие стихи. И еще одна переключка: на картинках смотрителя отец «блудного сына» – «почтенный старик в колпаке и шлафроке» (VIII, 99).

Валериан, имя которого повторяла в бреду Наташа. (В зачеркнутых строках черновой рукописи VII главы швед тоже называет юношу Валерианом³⁴⁰.)

Тут же выясняются давние отношения, связывающие обоих героев: «Ты не узнал меня, Густав Адамыч, – сказал молодой посетитель тронутым голосом...» (VIII, 33).

Д.П.Якубович в не изданной при жизни статье справедливо предположил, что «Валериан жил в этом же доме и теперь, вернувшись обратно (очевидно, убежав), прежде всего является к прежнему учителю своему и Наташи. Швед, очевидно, нужен как подсобное лицо – посредник. От добродушного Густава Адамовича (несколькими штрихами предвосхищающего Леммов и Карлов Ивановичей) герой может узнать, что произошло в его отсутствие, он же может быть употреблен как посредник в переписке или свиданиях героев»³⁴¹.

Пушкин ярко передает неправильную русскую речь Густава Адамовича: «...Сдарофо, тофно ли твой сдесь. Садись, твой тобрий повес, погофорим» (VIII, 33). Прочитируем вновь пушкинское семейное предание: «Дед мой, Осип Абрамович (настоящее имя его было Январий, но прабабушка моя (в черновике: «но прабабушка моя, родом *шведка*...» – XII, 433) не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: шорн шорт, говорила она, *делат мне шорни репят и дает им шертовск имя*)», – сказано в «Начале автобиографии» (XII, 313, курсив Пушкина).

Сравним с лицейским анекдотом: И.И.Пуштин, вспоминая открытие лица, воспроизвел акцент старой императрицы немки Марии Федоровны: «Карош суп?»³⁴²

Позднее почти с таким же акцентом заговорит в «Капитанской дочке» начальник Петруши, читающий письмо старика Гринева: Поже мой! Тавно ли <...> а вот уш какой молотец! Ах, фремя, фремя!» (VIII, 292).

Тот же Д.П.Якубович, разбирая этот отрывок VII главы, обращает внимание на пушкинскую правку, «высоко поучительную для художников-реалистов. Она обнаруживает с почти наглядной очевидностью, как Пушкин старался представить себе изображаемое, постепенно воссоздавая, завоеывая воображением мелочи былой и нищей жизни, лично ему плохо знакомой обстановки. Здесь изумительная картина уточнения его поправок буквально напоминает работу переводчика, стремящегося с наибольшей добросовестностью передать на своем языке иностранный текст оригинала»³⁴³.

В качестве примера Д.П.Якубович приводит работу Пушкина над описанием жилища пленного шведа: «Сначала написано просто «В нижнем этаже дома». Затем предложение зачеркнуто и слово «жилье» заменено, более конкретным: «в тесной комнатке», слово «комнатка» заменено еще более выразительным «каморка». Наконец все зачеркнуто и детализированно выписывается вновь: «В доме Гавр. Аф. из сеней направо (зачеркнуто – под лестницею) находилась тесная каморка» (тут же забракован Пушкиным новый поиск точного определения слова «род чулана»), но сверху добавлен живописный штрих: «с одним окошечком». Далее в описании той же нищей каморки Пушкин, как бы увлекшийся сначала нагнетанием слов, создавших впечатление бедности, зачеркивает шаблонный эпитет столика – «маленький» (большой столик не может существовать!), заменяет его точным и реально возможным «еловый». Сначала в замысле на столике должны лежать «открытые старые ноты». Эпитет «старые» дорог для исторического романиста (далее несколько раз Пушкин как бы невольно возвращается к этому слову и всякий раз отказывается от него, зачеркивая его по соображе-

³⁴⁰ Неизданный Пушкин. М.; Пг., 1923. С. 150. – Подробный анализ этого отрывка и особенно его «шлифовки» Пушкиным см. в статье Якубовича Д.П. Работа Пушкина над художественной прозой (в сб.: Работа классиков над прозой. Л.: Красная газета, 1929. С. 19–29).

³⁴¹ Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. Л., 1979. С. 282.

³⁴² Пуштин И.И. Заметки о Пушкине. В сб.: А.С.Пушкин в воспоминаниях... Т. I. С. 77.

³⁴³ Якубович Д.П. Работа Пушкина над художественной прозой. С. 21. См. также: Аишукин Н. Как работал Пушкин. В кн.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1930. С. 29–30.

ниям стиля), но рядом уже есть это слово на более важном месте и, во избежание повторения здесь эпитет зачеркивается. Зато сверху строки вносится новая деталь, дающая освещение: «горела сальная свеча» и (как обнаруживает рукопись) позже добавляется спереди глагола незначительная приставка – словечко «до». Так каморка погружается в темноту – «догорела сальная свеча»³⁴⁴.

Исследователя очень заинтересовало, как Пушкин решает освещенность сцены: «В этом последнем черновике дан ряд и других поправок, мелких штрихов, увеличивающих бытовую реальность изображаемого. Столик ставится здесь не перед кроватью, а «перед окошком» (становится понятной эта забота об освещении после того как свечка догорела). Чисто пушкинская черта. Пушкин словно говорит этой поправкой: смеем уверить, что и освещение точно вычислено у нас в романе». Еще важные детали: «Усилен и колорит старины: китайчатый халат заменен шлафроком, вместо современной автору фразы: «в этой смиренной обители» Пушкин сознательно дает фразу с иным расположением слов, с устарелым слогом, построенную по образцам XVIII века: «в смиренной сей обители»³⁴⁵.

Кстати, об одежде. В своем втором историческом романе, «Капитанской дочке», Пушкин наряжает другого старика – капитана Миронова тоже в китайчатый халат и колпак (VIII, 297).

Откуда же взялся швед в доме русского боярина? Какова предыстория этого образа? Сам Пушкин, как известно, указал два источника в своей сноске в «Литературной газете»: «См. Голикова и Русскую старину» (VIII, 533). Правда, эта ссылка формально относилась только к главе «Ассамблея при Петре I-м», но могла указывать и на общую ориентацию автора на упомянутые источники.

И действительно, у А.О. Корниловича в «Русской старине» сказано: «Пленные шведские офицеры, находившиеся в Петербурге, первые учили танцевать русских дам и кавалеров; они долго были единственными танцорами в ассамблеях»³⁴⁶.

Что же касается И.И. Голикова, то эта тема неожиданно присутствует не в его многотомных «Деяниях», а в другой книге, которую Пушкин наверняка знал: И.Голиков. Сравнение свойств и дел Константина Великого, первого из римских христианского императора, с свойствами и делами Петра Великого, первого всероссийского императора, и происшествий, в царствование обоих сих монархов случившихся, ч. I–II, Москва, в типографии Платона Бекетова, 1810, ч. I. Там на стр. 55 записано, что Петр содержал школы, заведенные по городам «пленными офицерами Шведскими, которых всем знатным из своих подданных рекомендовал в учителя и наставники детям»³⁴⁷.

В библиотеке Пушкина имелась книга мемуаров бывшего пленного шведа: *Memoires d'un Gentilhomme Suedois écrits lui dans sa retraite. L'Annee 1784, Berlin, 1788*³⁴⁸.

Как мы уже отмечали, Гаврила Афанасьевич Ржевский, по мнению исследователей, имел своего реального прототипа – нижегородского вице-губернатора Юрия Алексеевича Ржевского, одного из предков Пушкина. В свите этого вельможи кроме множества крепостных и некрепостных людей, слуг значились также «карлы» и четыре шведа. Причем двое из последних по возрасту могли быть пленниками времен Северной войны³⁴⁹.

Как считает Н.К. Телетова, Пушкин совсем не случайно дал шведу в доме Ржевского нерусское имя Густав Адамович (реальные шведы у нижегородского Ржевского приняли православие и назывались русскими именами). «Пять двоюродных братьев и сестер его матери

³⁴⁴ Якубович Д.П. Указ. соч. С. 22.

³⁴⁵ Там же. С. 22–23.

³⁴⁶ Русская старина. С. 106.

³⁴⁷ Указано В.С.Листовым.

³⁴⁸ См.: *Модзалевский Б.Л.* Библиотека Пушкина. С. 285 (№ 1151). Примечание составителя: «Мемуары касаются, между прочим, России, где был автор».

³⁴⁹ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963. С. 174.

Надежды Осиповны, дети Софьи Абрамовны, урожденной Ганнибал, и мужа ее Адама Карповича Роткирха, носили это отчество. Семейные реминисценции чувствуются и здесь»³⁵⁰.

И еще один штрих к истории образа шведа – учителя танцев. Как отметил М.С.Альтман на VII Болдинских чтениях, Пушкин, не без иронии создавая этот образ, вероятно, вспомнил своего современника Василия Михайловича Балашова, очень популярного в Петербурге танцмейстера. Дело в том, что Балашов, подобно Густаву Адамовичу, хромотал. На него как-то свалился обломок кулис и изувечил ему ногу. «Однако и изувеченный, Балашов продолжал с большим успехом обучать петербургскую молодежь танцам»³⁵¹.

«При Пушкине балет уже победил классическую трагедию и комедию», – отмечал В.Г. Белинский³⁵². Был в пушкинском Петербурге и другой известный балетмейстер – земляк Густава Адамовича, Шарль (Карл) Луи Дидло, швед по происхождению. В авторском примечании к «Евгению Онегину» содержится такой отзыв Пушкина: «Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной» (VI. 191).

Образ учителя танцев, хромого шведа из романа «Арап Петра Великого», М.С.Альтман остроумно счел контаминацией образов двух танцевальных мастеров – хромого Балашова и шведа Дидло.

В некотором смысле предшественниками этих знаменитых танцмейстеров в жизни Пушкина могли являться и упоминавшийся нами московский учитель танцев Петр Иогель, и лицейские преподаватели – Вильгельм Теппер де (или фон) Фергюсон, Гюар, Билье и Эбергардт. Об этом последнем известно, что он «был весьма хороший учитель танцевания и по возможности способствовал развитию в воспитанниках развязности, ловкости и приличия не только в танцах, но и в поступи и движениях»³⁵³. Пушкин преуспел в этих науках. Как сообщил брат Левушка, «аттестат, выданный ему из Лицея, свидетельствовал между прочим об отличных успехах его в фехтовании и танцевании...»³⁵⁴

Напрашивается ассоциация и с другим знаменитым учителем танцев – персонажем комедии Лопе де Вега. И хотя Пушкин признавался в письме к Н.Н.Раевскому-сыну в 1825 году, что «не читал ни Кальдероне, ни Веги» (XII, 197, 541), название и содержание пьесы «Учитель танцев», вероятно, были ему знакомы. Персонажем танцмейстера прославленный поэт испанского Возрождения не впервые «предвосхитил» Пушкина: еще в 1617 году он написал первую драматическую обработку истории Лжедмитрия – «Великий князь Московский».

Вспомним также танцмейстера из мольеровского «Мещанина во дворянстве». И здесь мелькнула тень «фернейского старца»....

Конкретно по поводу судьбы Густава Адамовича можно сделать некоторые уточнения. Пушкин называет два факта из биографии шведа: Нарвский бой и поход 1701 года. Бой под Нарвой в ноябре 1700 года был победным для шведов. (Ремарка Пушкина в «Истории Петра»: «Все описание Нарвского сражения в Голикове ошибочно» – X, 54). Там русских погибло 6000 человек, записал Пушкин, «убито, потонуло и дорогою до Новг <орода> от голоду и холоду пропало» (X, 55).

Таким образом, Густав Адамович был ранен и, вероятно, пленен в момент шведского триумфа. Поход же Шереметева в 1701 году в Лифляндию был довольно удачным для молодой русской армии и флота – именно этот год выбран в качестве темы для беседы Петра с пленным шведом. Сам мотив известен у Пушкина – Петр, пирующий с пленными шведами:

³⁵⁰ Телетова Н.К. Указ. соч. С. 95.

³⁵¹ Альтман М.С. У истоков творчества Пушкина (Штрихи и заметки). В сб.: Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 104.

³⁵² Белинский В.Г. Александрійский театр. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1955. С. 526.

³⁵³ Благородный пансион Имп. Царскосельского лицея. 1814–1829. СПб.: 1861. С. 201.

³⁵⁴ А.С.Пушкин в воспоминаниях... Т. I. С. 50.

В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает.

Полтава (V, 59–60)

В «Истории Петра» тоже неоднократно возникает тема пленных шведов: «Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начинал мириться с нововведениями» (1704 год, X, 78).

А вот другой курьезный факт из русской исторической хроники. записанный Пушкиным и свидетельствующий о его устойчивом интересе к шведам-музыкантам: Петр в Петербурге женился в ноябре 1707 года в соборной церкви св. Троицы, на Екатерине, «мариенбургской девке, бывшей замужем за шведским трубочом, потом наложницею Шереметева и Меншикова» («История Петра», X, 112).

Работа над романом прекратилась на реплике пленного шведа, но петровское время, его драматические коллизии не перестают интересовать Пушкина – историка и прозаика. Углубляясь в середине тридцатых годов в источники и свидетельства петровского времени, Пушкин продолжает среди множества фактов отмечать те, которые так или иначе уже прозвучали в его первом историческом романе. «История Петра» – в некотором отношении – продолжение незавершенного романа о царском арапе, осмысление эпохи на новом реалистическом уровне³⁵⁵. Образы, линии и эпизоды, рожденные творческой фантазией и первыми впечатлениями от документов Петровской эпохи, выверяются и обрастают новыми подробностями в труде историческом. Отмеченные нами отдельные переключки романа и «Истории Петра» не случайны. Речь идет о воплощении творческого принципа, выработанного Пушкиным при работе над образом Пугачева: сначала тщательный сбор документов в архивах и на местах событий, создание «Истории Пугачева», затем – художественное осмысление событий – в «Капитанской дочке». Этот подход оказался плодотворным. Пушкин, очевидно, вплотную подошел к нему, «нащупал» его уже в конце двадцатых годов. И здесь, на наш взгляд, одна из причин незавершенности романа о царском арапе³⁵⁶.

Ю.М.Лотман подметил: «Не следует забывать, что Пушкин неоднократно бросал тщательно обдуманые, а порой и частично опубликованные замыслы, если они переставали удовлетворять его. Он не поколебался уничтожить основную часть «Братьев-разбойников», бросить работу над «Арапом Петра Великого», оставить в черновиках целую серию блистательных прозаических замыслов и пр. Весь творческий путь Пушкина буквально устлан обломками незавершенных произведений, которые часто поражают глубиной мысли и совершенством художественных решений. Тем не менее, автор подверг их остракизму»³⁵⁷.

Пора сказать и о некоторых других персонажах, возникающих на страницах пушкинского романа. Их судьбы тоже поучительны и немаловажны для понимания творческой истории «Арапа Петра Великого».

³⁵⁵ Виктор Шкловский, рассуждая о романе «Арап Петра Великого», заметил: «При более внимательном анализе, для которого, вероятно, достаточно просмотреть книги Голикова по истории Петра, можно, конечно, и уточнить неосуществленный сюжет Пушкина» (*Шкловский В.Б. Заметки о прозе Пушкина. С. 32*).

³⁵⁶ Ср. с предположением М. Покровского в статье «Пушкин-историк»: «Возможно, впрочем, что именно знакомство (Пушкина. – А.Б.) с архивами (хотя бы и не секретными) и объясняет нам, почему «Арап» не был окончен:» (Вступ. ст. к Полн. собр. соч. А.С. Пушкина. Т. IV. М., 1931. С. 12).

³⁵⁷ *Лотман Ю.М. Принцип противоречий, в сб.: Ю.Лотман Пушкин. СПб.: Искусство, 1995. С. 410.*

«Заморская обезьяна»

*Это наши петиметры, фашьонебли, женихи всех невест,
влюбленные во всех женщин, у которых только нос не на затылке и
которые умеют произносить: oui и non.*

Ф. Булгарин. «Иван Выжигин»

Заметное место в художественной структуре романа занимает фигура Ивана Евграфовича Корсакова³⁵⁸, парижского приятеля Ибрагима.

С первого своего появления (в III главе) Корсаков показан в ироническом ключе. Его вопросы Ибрагиму выдают человека праздного и поверхностного, без всякой охоты вернуться на родину: «Как я рад, – продолжал Корсаков, – что ты еще не умер со скуки в этом варварском Петербурге! что здесь делают, чем занимаются? кто твой портной? заведена ли у вас хоть опера? <...> Он повернулся на одной ножке и выбежал из комнаты» (VIII, 14).

Следующий эпизод связан с визитом Корсакова к царю Петру: «...дверь отворилась, и сам Корсаков явился опять; он уже представлялся государю – и по своему обыкновению казался очень собою доволен. «Entre vous, – сказал он Ибрагиму, – государь престранный человек; вообрази, я застал его в какой-то холстяной фуфайке, на мачте нового корабля, куда принужден я был карабкаться с моими депешами. Я стоял на веревочной лестнице и не имел довольно места, чтобы сделать приличный реверанс, и совершенно замешался, что отроду со мной не случалось. Однако ж государь, прочитав бумаги, посмотрел на меня с головы до ног и, вероятно, был приятно поражен вкусом и щегольством моего наряда; по крайней мере он улыбнулся и позвал меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я в Петербурге совершенный чужестранец, во время шестилетнего отсутствия я вовсе позабыл здешние обыкновения, пожалуйста, будь моим Ментором, заезжай за мной и представь меня» (VIII, 15).

Затем мы присутствуем на чрезвычайно комичной сцене переодевания: «Корсаков сидел в шлафроке, читая французскую книгу. «Так рано, – сказал он Ибрагиму, увидя его. «Помилуй, – отвечал тот, – уж половина шестого³⁵⁹; мы опоздаем; скорей одевайся и поедем». Корсаков засуетился, стал звонить изо всей мочи; люди сбегались; он стал поспешно одеваться. Француз-камердинер подал ему башмаки с красными каблуками³⁶⁰, голубые бархатные штаны, розовый кафтан, шитый блестками; в передней наскоро пудрили парик, его принесли. Корсаков всунул в него стриженую головку, потребовал шпагу и перчатки, раз десять перевернулся перед зеркалом и объявил Ибрагиму, что он готов. Гайдуки подали им медвежье шубы, и они поехали в Зимний дворец» (VIII, 15).

В черновике можно проследить, как оттачивал Пушкин эту сцену: «Прибежал француз-камердинер...», парик – «важный»; затем «кудрявый»; кафтан – сначала белый; Корсаков «опрыскивал голову духами», слово «головка» найдено потом; «с видом самодовольства два раза повернулся перед зеркалом»; отказался от шубы, «опасаясь измять свой наряд» и т. д. (VIII, 526).

По дороге продолжают выяснения: «Корсаков осыпал Ибрагима вопросами, кто в Петербурге первая красавица? кто славится первым танцовщиком? какой танец нынче в моде?» (VIII, 15).

³⁵⁸ В черновике Корсаков несколько раз назван Корицким (Карицким) – VIII, С. 505–509.

³⁵⁹ Корнилович писал, что ассамблеи должны начинаться не ранее 4 или 5 часов. У Пушкина в черновике сказано: «В 5 часов. Вечером Ибрагим надел синий Преображенский мундир и приехал к Корсакову». Так что если в пушкинском романе в стихах «время расчислено по календарю», то в прозаическом романе оно рассчитано по часам!

³⁶⁰ Красные каблуки в XVIII веке считались отличительной приметой модного костюма, позднее слова «красные каблуки» (talons rouges) стали нарицательными, вошли в поговорку как обозначение «петиметров», молодых светских щеголей-бездельников. (Ср. в «Евгении Онегине»: «...Со славой красных каблуков // И величавых париков», VI, 75.)

Ассамблея показана глазами Корсакова, это подчеркнуто авторскими ремарками: «Корсаков остолбенел»; «Корсаков не мог опомниться»; «*Que diable est-ce tout cela*³⁶¹? – спрашивал Корсаков»; «Неожиданное зрелище его поразило», «Корсаков, смотря на сие затейливое препровождение времени, тарашил глаза и кусал себе губы». Услышав звуки менуэта, «Корсаков обрадовался и приготовился блеснуть». Отметив молодую Наташу Ржевскую, «Корсаков к ней разлетелся и просил сделать честь пойти с ней танцевать» (за что и был оштрафован «кубком большого орла»!).

Кубком и завершается пребывание Корсакова на ассамблее: «Бедный щеголь, не переводя духу, осушил весь кубок и отдал его маршалу. «Послушай, Корсаков, – сказал ему Петр, – штаны-то на тебе бархатные, каких и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтоб я с тобой не побранился». Выслушав сей выговор, Корсаков хотел выйти из круга, но зашатался и чуть не упал, к неопisanному удовольствию государя и всей веселой компании» (VIII, 17–18).

За столом у боярина Ржевского вспоминают ассамблею. Ворчит Гаврила Афанасьевич: «Того и гляди, чтоб какой-нибудь повеса не напроказил чего с дочерью; а нынче молодежь так избаловалась, что ни на что не похоже. Вот, например, сын покойного Евграфа Сергеевича Корсакова на прошедшей ассамблее наделал такого шуму с Наташей, что привел меня в краску. На другой день, гляжу, катят ко мне прямо на двор; я думал, кого-то Бог несет, – уж не князя ли Александра Даниловича? Не тут-то было: Ивана Евграфовича! небось не мог остановиться у ворот да потрудиться пешком до крыльца – куды! влетел! расшаркался, разболтался! <...> Дура Екимовна уморительно его передразнивает; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку с одного блюда, взяла под мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: «мусье... мамзель... ассамблея... пардон». Общий и продолжительный хохот снова изъявил удовольствие гостей.

– Ни дать ни взять – Корсаков, – сказал старый князь Лыков, отирая слезы смеха, когда спокойствие мало-помалу восстановилось. – А что греха таить? Не он первый, не он последний воротился из неметчины на святую Русь скоморохом. Чему там научаются наши дети? Шаркать, болтать Бог весть на каком наречии, не почитать старших да волочиться за чужими женами...» (VIII, 22).

Корсаков, таким образом, попадает под «перекрестный огонь». Он вызывает и замечание царя, и насмешки старой знати.

Последний раз мы встречаем Корсакова в VI главе, беседующего с Ибрагимом в доме его невесты. Корсаков («он подошел к зеркалу, обыкновенному прибежищу его праздности») отговаривает друга от женитьбы: «Мало ли что случается на свете? Например: я, конечно, собою не дурен, но случилось, однако ж, мне обманывать мужей, которые были, ей-богу, ничем не хуже моего» (VIII, 30).

Итак, Корсаков выбран в «антиподы» Ибрагиму, он олицетворяет собой новое поколение русских «иностранцев». Определяя место этого образа среди персонажей русской истории, В.О. Ключевский сказал: «... Живуч был общественно-физиологический вид, представленный в лице молодого Корсакова, Ибрагимова товарища по курсу высшей европеизации в парижских салонах. Это – русский петиметр XVIII века, великосветский русский шалопаи на европейскую ногу, «скоморох», по выражению старого князя Лыкова в «Арапе...» или «обезьяна, да не здешняя», как назван он в одной комедии Сумарокова. В «Арапе Петра Великого» он еще не на своем месте, не в пору вернулся из-за моря и испытывает неудобства рано прилетевшей ласточки. Полная весна наступит для него в женские эпохи, при двух Аннах, двух Екатеринах и одной Елизавете. При Петре ему холодно и неловко в его нарядном кафтане среди деловых

³⁶¹ Что за чертовщина все это? (фр.)

людей, которые скидали рабочие куртки только по праздникам. Со временем он будет нужным и важным человеком в праздном обществе; теперь он шут поневоле и Петр колет ему глаза его бархатными штанами, каких не носит и царь»³⁶².

У Корсакова немало литературных «родственников» и прототипов. Среди них – Иванушка из комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир» (подмечено Е. Воскресенским). «Подобно Иванушке Корсаков не замечает иронии Петра по своему адресу и остается доволен собой в ситуации, в которой был просто смешон», – пишет Л. Сидяков³⁶³.

«В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края», был и реальный Корсаков, один из прототипов героя пушкинского романа. Речь идет о Воине Яковлевиче Римском-Корсакове, который был послан во Францию изучать военно-морское дело в 1716 году и вернулся в Россию в 1724 году.

Одним из отдаленных прототипов Корсакова можно считать и родного дядю поэта – Василия Львовича Пушкина. По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, В.Л. Пушкин, вернувшись из Франции в Россию, «всех изумил толстым и длинным жабо, коротким фраком и головою в мелких курчавых завитках, как баранья шерсть»³⁶⁴. Вот как описывает И.И. Дмитриев в сатирической поэме «Путешествие NN в Париж и Лондон» восторг Василия Львовича:

Я вне себя от восхищения!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! Панталоны!
Всему новейшие фасоны!

Пушкин сам намекнул на эту переключку, выписав к одной из глав романа эпиграф из шуточного стихотворения Дмитриева «Журнал путешественника», где высмеивалась галломания В.Л. Пушкина:

Я в Париже:
Я начал жить, а не дышать (VIII, 501)³⁶⁵.

История «представления» Корсакова Петру в Адмиралтействе была описана А. Корниловичем как прием царем бранденбургского посланника фон Принца: «Петр был на верфи и работал на марсе какого-то военного корабля <...> Посланник принужден был по веревочной лестнице взбираться на гротмачту, и государь, сев на бревно, принял от него верующую грамоту».

В свою очередь, Корнилович заимствовал этот анекдот из голиковских «Деяний Петра Великого»³⁶⁶.

Одежда Петра, шокировавшая Корсакова в этом эпизоде («какая-то холстяная фуфайка»), тоже взята из исторических описаний. Впоследствии, в «Истории Петра», Пушкин

³⁶² Русская мысль. 1880. № 6. С. 25.

³⁶³ Сидяков Л. Художественная проза Пушкина. Рига, 1973. С. 42.

³⁶⁴ Цит. по: Михайлова Н.И. Читая «Опасного соседа» // Литературная учеба. 1981. № 1. С. 179.

³⁶⁵ По мнению Г.А. Лапкиной, этот эпиграф «по вызываемым им литературным ассоциациям более подходил к первой части третьей главы, где появляется Корсаков, только что приехавший из Парижа и возмущающийся “варварским” образом жизни в России» (Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. Л., 1958. С. 298).

³⁶⁶ Д.И. Белкин установил, что одним из исторических источников Пушкина при написании парижских глав романа о царском арапе явились письма молодого А.Р. Воронцова, хранящиеся и по сей день среди материалов одесского архива Воронцовых. Вот что сообщалось, в частности о расходах: «перукамехерам дано» 12 ливров, а «за танцевание мастеру 72 ливра», за покупку «12 пар башмаков с красными каблуками» заплатил 30 ливров, «1026 ливров обошелся бархатный шитой кафтан для праздников» и т. п. (См.: Белкин Д.И. О российских источниках «Арапа Петра Великого». В сб.: Болдинские чтения. Горький, 1987. С. 228–229.)

так опишет царя в Голландии в 1697 году: «Петр вышел на берег с веревкою в руках и не обратил на себя внимания. На другой день оделся он в рабочее платье, в красную байковую куртку и холстинные шаровары и смешался с прочими работниками» (X, 35).

О возможной дальнейшей роли Корсакова в развитии сюжета несколько неожиданно высказался В.Шкловский: «С точки зрения техники романа можно предположить, что отцом белого ребенка (речь шла о «будущих родах» «будущей жены» арапа. – А.Б.) был петиметр Корсаков, потому что в романе нет другого подробно описанного молодого привлекательного человека»³⁶⁷.

«Нежный призрак»

*Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму —
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному (III, 234)*

А.С. Пушкин. «Паж, или Пятнадцатый год»

Исповедальный, личный характер многих страниц «Арапа Петра Великого» давно подметили читатели романа. И в первую очередь – его читательницы. С.Н.Карамзина, близкий друг поэта, сообщала брату Андрею 25 апреля 1837 года: «На днях Жуковский читал нам роман Пушкина, восхитительный: «Ибрагим, царский Арап». Этот негр так обворожителен, что ничуть не удивляешься страсти, внушенной им к себе даже даме двора регента; многие черты характера и даже его наружности скалькированы с самого Пушкина»³⁶⁸.

Т.Г.Цявловская вспоминала в своей известной работе «Храни меня, мой талисман» (1975 г.), посвященной отношениям Пушкина с Е.К. Воронцовой: «...Когда несколько лет тому назад я рассказывала Анне Андреевне Ахматовой и Сергею Михайловичу Бонди первый очерк настоящей работы и сказала, что фрагмент прозы «Часто думал я об этом ужасном семейственном романе...» связан с рождением у Воронцовой дочери от Пушкина, – Анна Андреевна с живостью сказала: «Так же как и «Арап Петра Великого». Она имела в виду тот же эпизод – рождение темнокожего младенца»³⁶⁹. Речь идет о первой главе «Арапа...», где описан роман Ибрагима с графиней Леонорой Д. и его последствие – рождение у графини черного ребенка. Т.Г. Цявловская высказала догадку, что этот эпизод навеян переживаниями самого поэта – ни в «Немецкой» биографии А.П. Ганнибала, ни в семейных преданиях не зафиксирован факт рождения у прадеда-арапа черного младенца вне брака. Пушкину о семейной жизни Абрама Петровича было известно следующее: «Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре...» (XII, 313). А вот пушкинские сведения о втором браке Ганнибала: «Вторая жена его, Христина Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле оберкомендантом и родила ему множество черных детей обоего пола». Т.Г.Цявловская предположила, что в образе графини Леоноры Д. – парижской возлюбленной Ибрагима – отразились черты графини Воронцовой. Вспомним, как представлена Леонора на страницах романа: «Графиня Д., уже не в первом цвете лет, славилась еще своею красотою. 17 лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека, которого она не успела полюбить и который впоследствии нико-

³⁶⁷ Шкловский В.Б. Заметки о прозе Пушкина. С. 35.

³⁶⁸ Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 202.

³⁶⁹ Прометей» Ист.-биогр. альманах серии «ЖЗЛ». Т. 10. М., 1975. С. 59.

гда о том не заботился. Молва приписывала ей любовников, но по снисходительному уложению света она пользовалась добрым именем, ибо нельзя было упрекнуть ее в каком-нибудь смешном или соблазнительном приключенье. Дом ее был самый модный. У ней соединялось лучшее парижское общество» (VIII, 4). Знакомство героев: «Ибрагим представил ей молодой Мервиль, почитаемый вообще последним ее любовником, что и старался он дать почувствовать всеми способами» (VIII, 4). Далее в рукописи следовал очень важный для характеристики графини абзац, зачеркнутый Пушкиным карандашом:

«Графиню почитают, – сказал он Ибрагиму, – женщиной умной и холодной, имеющей любовников от нечего делать. Это мнение несправедливо. Она проста, имеет пылкие чувства, и любовь главное дело ее жизни. В обществе она рассеянна и ленива; это придает какую-то заманчивость ее словам. Ее странные вопросы, загадочные ответы вольно принимать за эпиграмматические выходки или за глупости; мы, т. е. близкие ее приятели, из дружбы, прославили ее оригинальность и остроту. Впрочем, она женщина самая добрая, самая милая. Познакомьтесь с нею короче, вы ее полюбите и удостоверитесь, что ограниченность ее ума почти незаметна от избытка простодушия и чувствительности» (VIII, 502).

Эти слова Мервиля напоминают письмо одесского друга Пушкина Александра Раевского (имя которого молва связывала с Воронцовой). Вот что он писал сестре в 1822 году о супруге малороссийского наместника: «Она очень приятна, у нее меткий, хотя и не очень широкий ум, а ее характер – самый очаровательный, какой я знаю»³⁷⁰. Т.Г.Цявловская сопоставляет цепочку реальных персонажей (Пушкин – Воронцова – Раевский) и героев пушкинского романа (Ибрагим – графиня Д. – Мервиль). Такая проекция позволяет ей не только идентифицировать многие черты автора и царского арапа, Воронцовой и графини Д., но и увидеть сходство между одесским другом Пушкина А. Раевским и эпизодическим действующим лицом парижских глав романа – Мервилем³⁷¹. Наблюдение весьма меткое и до сих пор никем не опровергнутое.

Но этого мало. Сходство ситуаций отражается и в других местах, например в письмах Ибрагима и графини Д. «Ты говоришь, – писала она, – что мое спокойствие дороже тебе всего на свете: Ибрагим! если б это была правда, мог ли бы ты подвергнуть меня состоянию, в которое привела меня нечаянная весть о твоём отъезде? Ты боялся, чтоб я тебя не удержала; будь уверен, что, несмотря на мою любовь, я умела бы ею пожертвовать твоему благополучию и тому, что считаешь ты своим долгом» (VIII, 14).

Татьяна Цявловская делает оговорку: «Обстоятельства отъезда Пушкина были иные. Но тон! – угадывается ее тон, Воронцовой, особенно в последних строках: «Графиня заключала письмо страстными уверениями в любви и заклинала его хоть изредка ей писать, если уже не было для них надежды снова свидеться когда-нибудь»³⁷².

Собственная пушкинская переписка эмоционально и стилистически перекликается с романом о царском арапе. И здесь вспоминаются строки из письма Пушкина к Е.К.Воронцовой: «Осмелюсь ли, графиня, сказать вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив ваше письмо, при одной мысли, что вы не совсем забыли самого преданного из ваших рабов?» (VIII, 71–72).

Линия графини Д. в последний раз возникает в петербургском разговоре Ибрагима и Корсакова:

«Ну, что графиня Д.?» – «Графиня? она, разумеется, сначала очень была огорчена твоим отъездом; потом, разумеется, мало-помалу утешилась и взяла себе нового любовника: знаешь кого? длинного маркиза R.» (VIII, 15).

³⁷⁰ Цит. по: Гершензон М.О. История молодой России. М.; Пг., 1923. С. 50.

³⁷¹ Прометей. Т. 10. С. 61.

³⁷² Там же. С. 63.

Графиня Д. в черновике именуется графиней Л. Зовут ее Леонора, об этом мы узнаем из письма Ибрагима. Возлюбленная арапа – предшественница блистательных дам «не первой молодости» из цикла «светских» повестей Пушкина 1828–1829 годов. На это впервые указала А.А.Ахматова³⁷³. Она же подчеркнула связь этих повестей с романом французского писателя Б. Констана «Адольф». Например, пишет Ахматова, самая тема повести «На углу маленькой площади» – адюльтер, и судьба женщины, открыто нарушившей законы света, несомненно указывает на французские традиции³⁷⁴.

Многие мысли и наблюдения, разбросанные по страницам романа о царском арапе, нашли отклик в позднейших пушкинских произведениях, в том числе и в маленьких трагедиях. Один из таких откликов, как отметила А.А. Ахматова, связан с образом графини Д. Цитата из романа: «Что ни говори, а любовь, без надежд и требований, трогает женское сердце вернее всех расчетов оболыщения» (VIII, 5). Сравним с репликой Дон Гуана из «Каменного гостя»:

Я не питаю дерзостных надежд,
Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден³⁷⁵. (VII, 157)

Имя Леонора должно было, очевидно, подчеркнуть литературную реминисценцию: героиню «Адольфа» зовут Элеонора. Описывая ее внешность, Б.Констан замечает: «Прославленная своей красотой, хотя уже не первой молодости» (сравним с пушкинскими словами о графине Леоноре Д., которая «была не в первом цвете лет, но славилась еще своею красою»)³⁷⁶.

Впрочем, это имя перекликалось и с романтической балладой немецкого поэта Г.А. Бюргера «Ленора», которая была известна русским читателям по переводам В. Жуковского и П. Катенина³⁷⁷.

Еще одна перекличка. Пушкин замечает в III главе «Евгения Онегина»:

Я знаю: нежного Парни
Перо не в моде в наши дни... (VI, 64)

Несмотря на это наблюдение, мир Парни продолжает незримо присутствовать в пушкинском творчестве. Когда-то французский поэт воспел юную деву по имени Элеонора, которой в молодости давал уроки музыки. Пушкин запомнил эту романтическую историю. Французская героиня его «Арапа...» получила имя Леонора, а мнимому учителю французу из другого романа дано подлинное имя французского поэта, которого звали Эварист Дезире де Форж!

На образ графини Д. так же как и на всю поэтику парижских глав «Арапа Петра Великого», по мнению исследователей, оказали влияние и такие шедевры французской литературы, как роман «Опасные связи» Шодерло де Лакло³⁷⁸, трилогия Бомарше.

³⁷³ Ахматова А.А. О Пушкине. Изд. 2-е. доп. Горький, 1984. С. 71.

³⁷⁴ Там же. С. 68. См. также: Путеводитель по Пушкину.

³⁷⁵ А.А. Ахматова, в свою очередь, сопоставляет эту реплику с цитатой из «Адольфа» Констана: «Я ни на что не надеюсь, ничего не прошу, хочу только вас видеть; но мне необходимо вас видеть, если я должен жить» (Ахматова А.А. Указ. соч. С. 83).

³⁷⁶ Подробнее об этом см.: *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 254–258.

³⁷⁷ См.: *Грибоедов А.С.* О разборе вольного перевода бюргеровой баллады «Ленора». В кн.: Грибоедов А.С. Сочинения. М., 1986. С. 379–389.

³⁷⁸ См.: *Степанов Н.Л.* Проза Пушкина. М., 1962. С. 35; *Вольперт Л.И.* Пушкин и Шодерло де Лакло. В сб.: Пушкинский сборник (Ученые записки Лен. пед. ин-та им. Герцена. Т. 483). Псков. 1972. С. 84–114.

Все это, наверное, так и есть – Пушкин, конечно, учитывал достижения европейской словесности³⁷⁹. Но, вводя в ткань своего первого исторического романа фривольную новеллу о парижских похождениях арапа, рисуя портрет французской аристократки, дамы высшего света, Пушкин в первую очередь отталкивался от такой близкой и знакомой – современной ему русской действительности.

На сем лице лишь гнева след...
Да, может быть, боязни тайной,
Чтоб муж иль свет не угадал
Проказы, слабости случайной. (VI, 182)

Эпистолярная переписка продолжается и после «расставания» автора с романом. Только теперь мысли и образы перетекают из художественной прозы Пушкина в его переписку. И тогда вновь мелькает образ парижской возлюбленной Ибрагима.

Сравним два письма. Герой пушкинского романа прощается с графиней Д.: «Я еду, милая Леонора, оставляю тебя навсегда. Пишу тебе, потому что не имею сил иначе с тобою объясниться.

Счастье мое не могло продолжаться. Я наслаждался им вопреки судьбе и природе. Ты должна была меня разлюбить; очарование должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преследовала, даже в те минуты, когда, казалось, забывал я все, когда у твоих ног упивался я твоим страстным самоотвержением, твоею неограниченной нежностью...» (VIII, 9).

2 февраля 1830 года Пушкин пишет письмо Каролине Собаньской (урожденной графине Ржевуской). Цитируем его по сохранившемуся черновику (оригинал по-французски): «Дорогая Элеонора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть. – Дорогая Элеонора, вы знаете, я испытал на себе все ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и все что есть в нем самого ошеломляющего...» (XIV, 400)³⁸⁰.

Пушкин в «Евгении Онегине» обещал вспоминать

...речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
Мне приходили на язык... (VI, 57)

«Свет-Екимовна»

*А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины*

---

³⁷⁹ См.: Вацуро В.Э. Пушкин и Бомарше. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. VII. Л., 1974. С. 204–214; *Вольперт Л.И.* Пушкин и французская комедия XVIII в. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. Л., 1979. С. 180.

³⁸⁰ В это время Каролина Собаньская, как и графиня Д. из «Арапа Петра Великого», была «не в первом цвете лет, но славилась еще своею красотой» (Пушкин, на пять лет младше Каролины, в том же письме жестоко предрекал: «Но вы увянете; эта красота когда-нибудь покатится вниз как лавина. Ваша душа некоторое время еще продержится среди стольких опавших прелестей – а затем исчезнет...», XIV, 401). См. также главу «Часто думал я» данной книги.

Православной старины!.. (III, 308)

А.С. Пушкин. «Сват Иван...»

Как и полагалось настоящему русскому барину, Гаврила Ржевский держал у себя целый двор челяди, «суетливой и многочисленной». Среди «придворных» боярина Пушкин выделяет шутиху Екимовну.

Хозяин вспоминает о ней, когда наступает время «занять гостей приятною беседою». И «в ту же минуту старая женщина, набеленная и нарумяненная, убранная цветами и мишурою, в штофном робронде, с открытой шеей и грудью, вошла припевая и подплясывая. Ее появление произвело общее удовольствие» (VIII, 20).

Как видим, Екимовна – одно из немногих действующих лиц романа, удостоенных столь подробного описания. Но самая богатая ее характеристика – языковая. Речь Екимовны – образная, по-настоящему народная. Вот как Пушкин строит разговор шутихи с тестем хозяина, а затем и с самим Гаврилой Афанасьевичем:

« – Здравствуй, Екимовна, – сказал князь Лыков, – каково поживаешь?

– Подобру-поздорову, кум: поючи да пляшучи, женишков поджидаючи.

– Где ты была, дура? – спросил хозяин.

– Наряжалась, кум, для дорогих гостей, для Божия праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смех всему миру, по немецкому маниру.

При сих словах поднялся громкий хохот, и дура стала на свое место, за стулом хозяина.

– А дура-то врет, врет, да и правду соврет, – сказала Татьяна Афанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно им уважаемая. – Подлинно, нынешние наряды на смех всему миру...» (VIII, 20).

Как и положено шутам, Екимовна выбалтывает сокровенные мысли хозяина и его гостей, не приемлющих нововведения и реформы Петра. Она под общий и продолжительный хохот «уморительно передразнивает» Корсакова – «заморскую обезьяну».

Дерзко ее обращение к хозяину (опять – привилегия шута!)

« – Старая борода, не бредишь ли? – прервала дура Екимовна. – Али ты слеп: сани-то государевы, царь приехал» (VIII, 22).

В присутствии Петра шутиха смешалась: «Дура Екимовна, несколько раз вопрошаемая государем, отвечала с какою-то робкой холодностию, что (замечу мимоходом) вовсе не доказывало природной ее глупости» (VIII, 22). Так Пушкин ремаркой от автора подчеркивает природный ум Екимовны.

У Корниловича шуты-дураки тоже упоминаются. Например: «В праздничные дни, или когда случались гости, дура, разряженная как 18-летняя девушка, забавляла собрание прыжками, кривлянием и пеньем. Преимущественно старались выбирать для сего старых женщин, полагая, что чем дура старше, тем она охотнее к рассказам»³⁸¹.

Пушкин замечательно показывает «охоту к рассказам» у Екимовны. Он многое вкладывает в этот образ из своих собственных впечатлений от разговоров с пожилыми крепостными «дворовыми бабами», нянюшками и мамушками. Он как будто вспоминает и няню свою Арину Родионовну:

Да еще ее помянем:

Сказки сказывать мы станем —

Мастерица ведь была... (III, 308)

³⁸¹ Русская старина. С. 98.

Из литературных «соседок» Екимовны назовем главную героиню стихотворной сказки А.Е. Измайлова «Дура Пахомовна» (1824 год).

Шутихами при дворе служили и дворянки. В роду Ржевских была Дарья Гавриловна, жена Ивана Ивановича, – «шутиха и князьигуменна» в петровских потехах.

Мы еще вернемся к интересовавшей Пушкина теме шутов. Отметим, что Пушкин не только Екимовну наделил сочной и образной речью. Роман содержит много народных прибауток, афоризмов. Они слышны из уст Гаврилы Афанасьевича: «сказал бы словечко, да волк недалечко»; Кирилы Петровича: «муж за плетку, а жена за наряды» (VIII, 21); да и самого царского арапа: «не твоя печаль чужих детей качать» (VIII, 30). Интересно, что эта же поговорка начинается составленное Пушкиным собрание пословиц³⁸².

«А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей. Что за золото!» – восхищался Пушкин³⁸³. Его второй исторический роман – «Капитанская дочка» также станет копилкой драгоценных оборотов русской народной речи. Д.Самойлов так определил творческий метод Пушкина-прозаика: «Сохраняя все, что накопила литературная традиция к его времени, он видит перспективу развития литературного языка в его соединении с простонародностью...»³⁸⁴

Рядом с Екимовной в доме Ржевского видны еще две женские фигуры. Одна из них – «барская барыня в старинном шушуне и кичке». Это важная персона в господском доме у русских дворян – она выполняла роль ключницы, экономки из дворни. Как «осколок» XVIII века барская барыня появится в пушкинской «Пиковой даме», на похоронах графини: «Наконец приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы» (VIII, 246–247).

Соседнее с ней место за столом Ржевского занимала «карлица, тридцатилетняя малютка, чопорная и сморщенная». Из этой героини, тоже заимствованной у Корниловича³⁸⁵, Пушкин делает полноценный и достоверный образ. В VI главе большая Наташа посылает за карлицей, и «в ту же минуту круглая, старая крошка как шарик подкатилась к ее кровати. Ласточка (так называлась карлица) во всю прыть коротеньких ножек, вслед за Гаврилою Афанасьевичем и Ибрагимом, пустилась вверх по лестнице и притаилась за дверью, не изменяя любопытству, сродному прекрасному полу» (VIII, 31).

Итак, мы знаем прозвище карлицы³⁸⁶. Дальнейший рассказ выявляет ее незаурядный ум и особое место в барском доме: «Никогда столь маленькое тело не заключало в себе столь много душевной деятельности. Она вмешивалась во все, знала все, хлопотала обо всем. Хитрым и вкрадчивым умом умела она приобрести любовь своих господ и ненависть всего дома, которым управляла самовластно. Гаврила Афанасьевич слушал ее доносы, жалобы и мелочные просьбы; Татьяна Афанасьевна поминутно справлялась с ее мнениями и руководствовалась ее советами; а Наташа имела к ней неограниченную привязанность и доверяла ей все свои мысли, все движения шестнадцатилетнего своего сердца» (VIII, 31–32).

Типы дворовой челяди, столь характерные для русского XVIII века, обрисованы Пушкиным в романе бегло, но чрезвычайно точно и выразительно.

³⁸² «Быть может, и остальные предназначались для дальнейших глав, – высказал предположение Д.П. Якубович. – Во всяком случае, интерес Пушкина к пословицам должен быть связан и с интересом к историческому роману». И далее: «Здесь Пушкин впервые сдержал свое обещание “в романе на старый лад” пересказать простые речи». (Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. С. 281.)

³⁸³ Цит. по сб.: Пушкин и Гоголь о народном творчестве. М., 1938. С. 9.

³⁸⁴ *Самойлов Д.С.* Пушкин. Язык его произведений. // Энциклопед. словарь юного филолога. М., 1954. С. 249.

³⁸⁵ Русская старина. С. 91–96.

³⁸⁶ В черновике – вариант имени: «Карлица Танюша» (VIII, 513).

«Женихи ей поклонились»

*И жених сыскался ей,
Королевич Елисей (III, 543)*

А.С. Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях».

Дура Екимовна как бы предвещает сюжет сватовства своей прибауткой: «поючи да пляшучи, женишков поджидаячи».

После отъезда Петра боярин Ржевский просит сестру и тестя отгадать: за кого царь сватает Наталью Гавриловну? Следует перечень женихов, наверняка (как и все у Пушкина) не случайный. Названы семь фамилий, и почти все женихи получили уничижительные оценки Татьяны Афанасьевны:

« – Батюшка-братец, – отвечала старушка, – как нам угадать? мало ли женихов при дворе: всякий рад взять за себя твою Наташу. Долгорукий, что ли?

– Нет, не Долгорукий.

– Да и Бог с ним: больно спесив. Шеин, Троекуров?

– Нет, ни тот, ни другой.

– Да и мне они не по сердцу: ветрогоны, слишком понабрались немецкого духу. Ну так Милославский?

– Нет, не он.

– И Бог с ним: богат да глуп. Что же? Елецкий? Львов? нет? неужто Рагузинский? Воля твоя: ума не приложу» (VIII, 25).

Все перечисленные кандидаты в женихи – реальные исторические лица, большинство из них будут опять упомянуты Пушкиным в «Истории Петра». В этом сцеплении имен – своеобразие поэтики пушкинского романа, установка на максимальную правдоподобность характеров и обстоятельств.

Первый кандидат – вероятно, какой-то родственник того «крутого советника Петра» князя Якова Долгорукого, о котором идет речь во II главе романа. В свите Василия Лукича Долгорукова, русского посла во Франции, царский арап возвратился в 1723 году из Парижа. В дальнейшем, после смерти Петра I, князья Долгорукие много сделали, чтобы с помощью интриг удалить Ганнибала из Петербурга.

Второй кандидат, должно быть, приходился сыном (или племянником) боярину князю Алексею Семеновичу Шеину, одному из военачальников Петра I, участнику обоих Азовских походов, подавившему стрелецкий мятеж в 1698 году. Семь раз он будет упомянут в пушкинской «Истории Петра», а М.А. Корф в свой «Библиографический список по эпохе Петра I», присланный Пушкину, включил книгу «Поход боярина и большого полку воеводы А.С. Шеина к Азову», изданную в Петербурге в 1773 году (X, 474)³⁸⁷. Следующий кандидат – Троекуров, очевидно, молодой родственник Кирилы Петровича Т., гостя боярина Ржевского. Князья Милославские – тоже реальные действующие лица русской истории. Представитель этой фамилии здесь впервые попал на страницы романа; пройдет три года, и М.Н. Загоскин публикует свой роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», высоко оцененный Пушкиным. Еще раньше, в «Борисе Годунове», рядом с именем своего предка Пушкин называет и друзей Шуйского – «обоих Милославских». Присутствуют князья Милославские и на стра-

³⁸⁷ Офицер Шеин введен в число действующих лиц пьесы П.Соколова по мотивам романа Пушкина. См. об этом в главе «Мочальный хвост» настоящей книги.

ницах пушкинской «Истории Петра». Впрочем, семья Милославских относилась к числу противников царя Петра. Пятый кандидат – Елецкий. Он из древнего княжеского рода, рюриковой крови. Елецкие ведут родословную от черниговского князя Михаила Всеволодовича, убитого в Орде в 1246 году и канонизированного русской церковью. Основоположник рода Федор Елецкий участвовал в Куликовской битве. К раннепетровской эпохе четверо Елецких владели населенными вотчинами³⁸⁸. Как подсчитал В.С. Листов, в 12-томной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина имя Елецких встречается не менее чем на 36 страницах³⁸⁹. Пушкин, стало быть, несомненно, об этом роде знал. Листов отметил важность включения имени Елецкого в «список» кандидатов в женихи: «Тут многое значительно. И то, что род Елецких в силе при Петре, – иначе его представитель просто не обсуждался бы как жених, предложенный государем. И то, что имя Елецкого мелькнуло в близком кругу фамилий, реально родственных Пушкину, – Ганнибалов и Ржевских»³⁹⁰. Род Елецких еще дважды упоминается у Пушкина – в отрывке «Несмотря на великие преимущества» (1830 год) и в «Пиковой даме» – Томский рассказывает старой графине: «Как хороша была Елецкая!» (VIII, 231). Львов, названный Татьяной Афанасьевной, – тоже из князей, упоминаемых и в русских летописях, и в пушкинской «Истории Петра»: вместе с князем Василием Долгоруким, «царевичем Сибирским», князь Львов в 1718 г. сослан в заточение, записывает Пушкин (X, 253).

Седьмой кандидат – Рагузинский. Из всех женихов – это, пожалуй, самый интересный. Он назван в романе дважды. Сразу «по приезде в Петербург Ибрагим среди «пришедших к государю с докладами и за приказаниями» видит «молодого Рагузинского, бывшего своего товарища» (VIII, 11). В этих словах – ключ к разгадке имени седьмого «жениха».

На первый взгляд здесь все очень просто: составители именного указателя к Большому академическому собранию сочинений Пушкина, не колеблясь, относят оба упоминания Рагузинского в «Арапе Петра Великого» к графу Савве Лукичу Владиславичу-Рагузинскому. Это известный государственный деятель России XVIII века.

В «Письмах и бумагах Петра Великого» он назван «иллирийским шляхтичем из Царьграда». Петр познакомился с ним в 1702 году, когда Савва был «греческим купцом» в Азове, захваченном у турок в 1696 году. За коммерческие услуги Петр I дал ему 6 июля 1703 года жалованную грамоту на право торговли в России³⁹¹. В 1711 году Савва сопровождал Петра I в Прутском походе, затем выполнял дипломатические поручения в Париже и Риме, а при Екатерине I граф Савва Рагузинский был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Китае (1725).

Долгое время считалось, что именно Савва Рагузинский вывез из Царьграда малолетнего арапа Ибрагима, будущего А.П. Ганнибала. Это мнение основывалось на неправильном толковании одного из пассажей прошения А.П. Ганнибала императрице Елизавете Петровне: «... выехал я в Россию из Царьграда при графе Савве Владиславлевиче, волею своею, в малых летах и привезен в Москву...»³⁹² Ганнибал, конечно, имел в виду «в бытность Саввы», во время его пребывания в Царьграде.

И потом, даже если бы арапа привез лично Рагузинский, разница в их возрасте так велика, что Ибрагим никак не мог посчитать графа «бывшим своим товарищем». Значит, был какой-то другой Рагузинский. И действительно, в «Немецкой» биографии А.П. Ганнибала

³⁸⁸ См.: Российская родословная книга, издаваемая кн. Петром Долгоруковым. СПб.: 1854. Ч. I. С. 66, 68–69.

³⁸⁹ Листов В.С. Один мотив из болдинского «Отрывка» А.С.Пушкина. В сб.: Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 111.

³⁹⁰ Там же. С. 112.

³⁹¹ Письма и бумаги Петра Великого. Ч. 2. СПб.: 1889. С. 207–209. См. также: Павленко Н.И. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сибирские огни. 1978. № 3. С. 155–168. Рагуза (Дубровник) в средние века – город-республика на Адриатическом побережье. В XVI–XVIII веках находилась в вассальной зависимости от Османской империи (см.: Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1984. С. 238–242).

³⁹² Русский архив. 1891. № 5. С. 101.

находим о нем упоминание: «Российский императорский посол, счастливый выполнить волю своего государя, отправил этого Ибрагима Ганнибала, еще одного черного мальчика знатного происхождения, его соотечественника (который в пути «скончался от оспы) и одного рагузинца, почти сверстников, все моложе десяти лет, в Москву...»³⁹³

Речь идет о племяннике графа – Ефиме Ивановиче Рагузинском (1691–1749). В дальнейшем, однако, выяснилось, что этот племянник прибыл в Москву вместе с дядей через Азов – отдельно от арапчат³⁹⁴.

Но Пушкин был совершенно прав, называя Рагузинского «бывшим товарищем» Ибрагима – они одновременно проходили обучение во Франции. Ефим Рагузинский тоже сделал военную карьеру и дослужился до чина генерал-поручика.

Жизненный путь А.П. Ганнибала и обоих Рагузинских неоднократно пересекался. Абрам Петрович встретился, например, с Саввой Лукичом в Сибири, куда арап был послан «измерять китайскую стену», а граф Иллирийский – с дипломатической миссией в Китай³⁹⁵.

В «Истории Петра» Пушкин двенадцать раз упоминает Рагузинского, рассказывает о его службе:

1711 год. «Тогда явился к Петру некто Савва Владиславлевич, родом рагузинец – он был в Константинополе агентом Толстова; Петр принял его милостиво; Рагузинский (так он стал называться) советовал сослаться с черногорцами и прочими славянскими племенами – Петр и отправил им грамоту, приглашая их на оттоманов» (X, 158).

1717 год. «6-го июня ст. ст. Петр отправил в Италию рагузинца, Владиславлевича, дав ему вместо паспорта грамоту, в коей именовал его графом Иллирийским» (X, 233) и так далее.

Один житейский диалог в романе о царском арапе знакомит читателя с целой плеядой современников Ибрагима – знатных женихов при петровском дворе.

«Тихий кабинет»

*Кабинет – комната для уединенных письменных занятий.
Вл. Даль. Толковый словарь...*

Описание Франции начала XVIII века в первой главе «Арапа Петра Великого» удивительно емко и исторически точно. В нем содержится много переключек с современной Пушкину русской действительностью, ряд литературных реминисценций и параллелей. О французских главах «Арапа...» можно сказать словами самого Пушкина, охарактеризовавшего два последних тома карамзинской истории: «Это злободневно, как свежая газета».

Одно из проявлений новизны нравов французского общества Пушкин, между прочим, видит в том, что «литература, ученость и философия оставляли тихий свой кабинет и являлись в кругу большого света угождать моде, управляя ее мнениями» (VIII, 4).

«Ученый кабинет» возникает и во второй главе романа, где картина «преобразованной России» противопоставляется описанию разложения и упадка Франции. Ибрагим видит Петра «...посещающего фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинет ученого» (VIII, 13).

«Тихий кабинет» литературы, учености и философии. В этом определении, для Пушкина важном и значимом, много оттенков. Присутствуют в нем и отзвуки литературной полемики пушкинской поры. Полемики, в которой возникают образы Франции эпохи Вольтера. Точка отсчета, как это часто бывает у Пушкина, – Карамзин. «Укроемся от вьюг и метелей – укро-

³⁹³ Рукою Пушкина. С. 53.

³⁹⁴ *Баттши-Камениский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. II. М., 1896. С. 243.

³⁹⁵ См.: *Сергеев М.Д.* Перо поэта. Иркутск, 1975. С. 36–37.

емя в тихом кабинете своем!..» Это из вступления к романтической повести «Остров Борнгольм» (1794 год)³⁹⁶.

Пушкин, отталкиваясь от формулы Карамзина, защищает право и обязанность писателя в уединении с музами обдумывать смысл настоящего и прошлого, творить. «Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг», – утверждал Пушкин, отвечая на критическую статью Бестужева-Марлинского (XIII, 178).

В этих словах таилось немало личного. Пушкин мучительно переживал свое подневольное положение при дворе, обязывающие милости нового царя, отвергнуть которые он не мог. Мечта об уединенном кабинете у Пушкина – это мечта о независимости, о свободе творчества.

Пушкин, унаследовавший карамзинское предназначение «историографа российского», опубликовал в альманахе «Северные цветы» за 1828 год свои «Отрывки из писем, мысли и замечания» (написано в 1827 году, одновременно с «Арапом...»). Там есть и строки о Карамзине, который за два года до того ушел из жизни: «... почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых двенадцать лет жизни безмолвным и неутомимым трудам».

---

³⁹⁶ Карамзин Н.М. Сочинения. Т. I. Л., 1984. С. 519.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.